

Карпович О.Г., Главный редактор,
доктор политических наук,
доктор юридических наук,
профессор

Ласария А.О., помощник Главного
редактора, ответственный
секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Шутов А.Д., председатель,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук,
профессор

Анжела ди Грегорио, доктор
политологии, профессор
(Италия)

Анис Байректаревич, доктор
политологии, профессор
(Австрия)

Бажанов Е.П., заслуженный
деятель науки РФ, доктор
исторических наук,
профессор

Бартош Хордецкий, доктор
политологии (Польша)

Гарбузов В.Н., доктор
исторических наук, профессор

Громыко А.А.,
член-корреспондент РАН

Манойло А. В., доктор
политических наук

Пономарева Е. Г., доктор
политических наук, профессор

Ширинянц А. А., доктор
политических наук, профессор

Филимонов Г. Ю., доктор
политических наук

Геополитический журнал

Номер свидетельства о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-61075

Наименование СМИ:

Геополитический журнал.

Форма распространения:

печатное СМИ журнал.

Территория распространения:

Российская Федерация,
зарубежные страны.

Языки: русский, английский.

Адрес редакции: 140015, Московская
область, г. Люберцы, Комсомольский
проспект, д. 4.

Тел.: + 7 (495) 503-76-36

E-mail: gp_j@bk.ru

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал
«Геополитический журнал» обязательна.

© «Геополитический журнал», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

- Денчев С., Палашев Н.** Эммануэль Макрон —
человек, который (не) заслуживал того, чтобы
управлять Францией 3
- Ежов Д.А., Коняев С.В.** Практика двойных
стандартов, или к вопросу о праве и морали
в современной мировой политике 8
- Кондаков С.А.** Альтернативные источники энергии
в современной экономике 12

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

- Иванов С.М.** Ближний Восток сегодня и сирийский
кризис 19
- Манойло А.В.** Информационные войны 28
- Фельдман П.Я.** Проблемы и перспективы развития
демократического контроля в современной России. ... 37
- Цветкова О.В.** Кавказский регион: территориальные
конфликты и споры в горизонтальном срезе 41

РЕГИОНАЛИСТИКА

- Проценко А.Е.** Геополитическое видение
в Мексике: от преиспанского наследия
к современности. 48
- Шитова Е.Н.** Геополитические коды Бразилии
времен военной диктатуры 1964-1985 гг. 60

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Барсенков А.С.** Великая российская революция
в мировой истории XX века. 69
- Смирнов Г.Н.** О русском национальном характере 78
- Цеханская К.В.** Духовно-нравственные контексты
советского жизнеустройства накануне Великой
Отечественной войны 87

O.G. Karpovich, Editor-in-Chief,
Doctor of Political Sciences,
Doctor of Law, Professor

A.O. Lasariya, assistant to Editor-
in-Chief

EDITORIAL BOARD:

A.D. Shutov, Chairman, Honoured
Science Worker of the Russian
Federation, Doctor of Historical
Sciences, Professor

Angela Di Gregorio, Doctor of
Political Sciences, Professor (Italy)

Anis Bajrektarevic, Doctor of
Political Sciences, Professor
(Austria)

Ye.P. Bazhanov, Honoured Science
Worker of the Russian Federation,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Bartosz Hordetski, Doctor of
Political Sciences (Poland)

V.N. Garbuzov, Doctor of Historical
Sciences, Professor

A.A. Gromyko, corresponding
member of RAS

A.V. Manoylo, Doctor of Political
Sciences

Ye.G. Ponomareva, Doctor of
Political Sciences, Professor

A.A. Shirinyants, Doctor of Political
Sciences, Professor

G.Yu. Filimonov, Doctor of Political
Sciences

The Geopolitics Journal

Certificate Number ПИ No. ФС77-61075

Name of the Media: The Geopolitics
Journal.

Distribution Form: printed media,
Journal.

Distribution Area: Russian Federation,
foreign countries.

Languages: Russian, English.

Address of the Editorial Staff:
Komsomolsky prospect 4, Lyubertsy,
140015.

Tel.: + 7 (495) 503-76-36

E-mail: gp_j@bk.ru

*When reprinting and quoting, reference to the
Geopolitics Journal is required.*

© The Geopolitics Journal, 2017

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD POLICY

- Denchev S., Palashev N.** Emmanuel Macron — the
man who was (not) worthy to rule France.....3
- Ezhov D.A., Konyaev S.V.** Practice of double
standards, or to the issue of the right and the moral
in the modern world policy 8
- Kondakov S.A.** Alternative sources of energy in the
modern economy.....12

SECURITY ISSUES

- Ivanov S.M.** Middle East today and the Syrian crisis 19
- Manoylo A.V.** Information warfare 28
- Feldman P.J.** Russian model of democratic control: the
current state and prospects of evolution.....37
- Tsvetkova O.V.** Caucasian region: territorial conflicts
and disputes in the horizontal cut 41

REGIONALISTICS

- Protsenko A.E.** Geopolitical vision in Mexico: from pre
hispanic era to the present times 48
- Shitova E.N.** Geopolitical codes of Brazil from the
times of the military dictatorship of 1964-1985 60

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

- Barsenkov A.S.** The Great Russian Revolution in the
world histories of the XX century 69
- Smirnov G.N.** About Russian national character 78
- Tsekhanskaya K.V.** Civilizational and religious self-
identification of the Soviet society before and
during the Great Patriotic War 87

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ЭММАНУЭЛЬ МАКРОН — ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ (НЕ) ЗАСЛУЖИВАЛ ТОГО, ЧТОБЫ УПРАВЛЯТЬ ФРАНЦИЕЙ

Стоян Денчев

*Доктор экономических наук. Профессор кафедры компьютерных наук,
Ректор Университета библиотековедения и информационных технологий, София, Болгария
Эл. почта: s.denchev@unibit.bg*

Николай Палашев

*Доктор политический наук. Профессор кафедры коммуникации и информирования,
Университета библиотековедения и информационных технологий, София, Болгария
Эл. почта: n_palashevj@abv*

Аннотация. Можно много говорить о персоне Эммануэля Макрона, но, что более важно, именно эта персона была «предложена» французам и Объединенной Европе как альтернатива старым, изношенным политическим игрокам. Политический проект «Макрон» не предложил ничего нового ни французам, ни остальным европейцам. Этот проект не поставил на повестку дня срочное и систематическое решение таких вопросов, как мигрантская проблема, терроризм, защита национальной экономики и преодоление резких социальных неравенств. Но именно в этом смысле неолиберализм нашел своего «нового лидера». А соломенные лидеры ЕС поспешили поздравить Макрона рефреном «Нынешний путь ЕС является единственно правильным, верным и демократическим путем». Так что пока БРЕКЗИТ откладывается, а вместе с этим и фактический распад ЕС. Но и без БРЕКЗИТ процесс, предполагающий возрождение функциональности национальных государств в глобальном масштабе продолжается. Примеров этого уже не один и два, хотя как форма, а еще больше как политика, они не идентичны.

Ключевые слова: Макрон, Франция, неолиберализм, ЕС, мультикультурализм.

Stoyan Denchev

*Doctor of Economic Science. Professor of the Department of Computer Sciences,
Rector of the State University of Library Studies and Information Technologies, Sofia, Bulgaria*

Nikolai Palashev

*Doctor of Political Science, Professor of the Department of Communications and Informing Sciences, State University of
Library Studies and Information Technologies, Sofia, Bulgaria*

EMMANUEL MACRON — THE MAN WHO WAS (NOT) WORTHY TO RULE FRANCE

Abstract. A lot can be said about Emmanuel Macron's personality, but more importantly, it was his personality that was "offered" to the French people and United Europe as an alternative to the old, worn-out political players. The political project "Macron" did not offer anything new either to the French or to the other Europeans. This project did not pose urgent and systematic solutions to issues such as migration, terrorism, the protection of national economy, and the overcoming of drastic social inequalities. However, and in this sense precisely, neoliberalism has found its "new leader". And EU's straw leaders were quick with their congratulations to Macron under the refrain "The current EU path is the only one right, real and democratic path." Therefore, for the time being, FREXIT is postponed, and so is the actual disintegration of EU. Yet, even without FREXIT, the process, presupposing the renaissance of the functionality of national states on a global scale is under way. There are more than one example in support of this, although as a form, and what is more, as policies, they are not identical.

Key words: Macron, France, neoliberalism, EU, multiculturalism.

---

1. МАКРОН САМ ПО СЕБЕ

Президентские выборы во Франции Эммануэль Макрон выиграл убедительно. При очень низкой избирательной ак-

тивности (56% из французам, кто имел право голосовать, не проголосовали), его партия «Вперед» (EnMarche) одер-

жала сокрушительную победу и на парламентских выборах. И что из всего этого следует? Вопросов много, но ответы не однозначны. И здесь неважно, проиграли ли «традиционные» правые или «традиционные» левые, не столько важен и политический статус г-жи Марин Ле Пен. Важно ответить, как в такой сложившейся политической ситуации во Франции, в обозримом будущем решится столкновение между политической моделью национального государства и той моделью неолиберализма, разбираемого как контролируемая и управляемая «извне» глобальная система.

Но, во-первых, кто на самом деле Макрон? Конечно, его «припудренный» образ «влюбленного школьника — идеалиста» или «президента-юппи», в котором в предвыборной кампании слишком легко эксплуатировались характерные для французской республики идеологемы, как «равенство», «братство», «справедливость» и «свобода», не может скрыть реальную сущность политического проекта «Макрон». А эта сущность коренится еще в самой профессиональной биографии Макрона, которая начинается едва ли не «невинно» с его принадлежности к большой «семье» банка Ротшильдов. Здесь кто-то может сказать, что каждый имеет право на развитие и процветание, но проблема в том, что нет случайных людей, которые достигают вершин своего развития и процветания именно в кругах мирового банковского капитала.

И так, посмотрите, какое впечатляющее развитие (дай Бог каждому):

Среднее образование молодой Эммануэль заканчивает в элитной парижской школе «Анри IV» (LycéeHenriIV). Сразу после этого учился и закончил с отличием по специальности «философия» в SciencesPO — Высшую школу политических наук в Париже (Institutd'étudespolitiquesdeParis), защитив дипломную работу, связанную с Макиавелли. В той же высшей школе он подготовил и блестяще защитил докторскую диссертацию о Гегеле.

Эммануэль Макрон в 2004 г. закончил ENA (EcoleNationalD'administration) — известную во всем мире французскую высшую школу «для начальников».

Удивительная образовательная одиссея Макрона дала ему шанс и для блестящей и стремительной профессиональной и политической карьеры.

С 2008 г. до 2012 г. он был банкиром и не где-либо, а во французском коммерческом банке «Ротшильд» (Rothschild&CieBanque), где за четыре года успевает подняться по иерархической лестнице от аналитика до партнера. В 2006 г. Макрон становится членом социалистической партии. По рекомендации Жака Атали, в 2012 г. Эммануэль Макрон вступил в должность «заместителя генерального секретаря» в политическом кабинете президента Франции господина Франсуа Олланда. С 2014 г. до 2016 г. он министр экономики, промышленности и оцифровки Французской республики в правительстве Манюэля Вальса. В 2016 г. создает свое движение «Вперед» и спустя четыре месяца покидает министерский пост.

2. МАКРОН — УДОБНЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ЛИДЕР

Можно много говорить о персоне Макрона, но важнее всего отметим, что именно эта персона была «предложена» французам как альтернатива старым политическим и системным игрокам. И это случилось по одной простой причине, а именно, что эти системные игроки из

команды неолиберальной политической модели уже изношены и практически потеряли доверие людей, что было подтверждено их плачевными выборными результатами, как на президентских, так и на парламентских (республиканцы — чуть более 20 %, социалисты — около

8-10 %) выборах во Франции. В этой связи, как известно, несмотря на многопартийную систему, в течение довольно длительного времени и до сих пор Франция управлялась последовательно двумя партиями — Социалистической партией и партией, продолжающей голлистские традиции, называющей себя Республиканской. И обе партии имели и продолжают иметь в качестве своей идейной платформы неolibеральную экономическую политику, навязанную Европейским союзом.

На основе этой политики началась деиндустриализация Франции, упадок ее сельского хозяйства и рост задолженности государства перед международными частными финансовыми кредиторами. И для подавления растущей критики французского общества к Европейскому союзу и его политике Макрон воспользовался сильными негативными реакциями против старых, традиционных партий и на практике их уничтожил.

С другой стороны, политический проект «Макрон», который, очевидно, получил хорошее финансирование, чтобы достичь необходимой степени популярности за крайне короткий срок — всего за один год, фактически не предлагает ничего нового французам. Просто опять подтвердилась предложенная неolibерализмом доктринальная постановка, защищающая интересы мирового банковского капитала и связанных с ним транснациональных компаний. Как и превращение национальных территорий в рыночные ниши и ресурсные доноры. Для доказательства последнего можно в качестве примера указать отношение «демократического» Запада к России во времена Ельцина, что было крайне позитивно, и сейчас, во времена Путина, что крайне негативно. И в этом смысле в основу предвыборной кампании Макрона нельзя было не поставить идеологему о «единственно правильном и демократическом ЕС». Поэтому он яростно защищал тезу, что нет другой

«демократической» альтернативы, кроме ЕС, и что все остальное вне ЕС или против ЕС, просто не является европейским, то есть является антидемократическим. В конце концов Макрон просто предложил больше того, что является политической реальностью почти во всей Европе. А это сегодня олицетворяет в себе идею Европы двух скоростей, и возможность создать как Парламент Евросоюза, так и для тех стран, которые входят в нее, принять отдельный бюджет.

Интересен и еще один момент в политических постановках проекта «Макрон», а именно, что с идеологической точки зрения этот проект не является ни левым, ни правым. Оставляя в стороне то, что сегодня действительно нельзя установить подлинное левое и правое, а и в самом деле, тезис об отказе от принадлежности к тому или иному политическому спектру, очевидно, имеет свою цель в направлении маргинализации политического. Кстати, в болгарских условиях, с большим приближением можно утверждать, что проект «Да, Болгария» Христо Иванова идентичен, но пока с нулевыми шансами для самостоятельного политического успеха. Так или иначе, за этим отказом от левого и правого, с известными уговорами, проект «Макрон» на самом деле скрывает особый политический прагматизм, в котором неolibеральная политическая модель, именно в этот момент, испытывает жизненно важную необходимость. И не только потому, что модель сорвалась именно с точки зрения защиты культуры, интересов и ценностей обыкновенных людей, в сознании которых сохранились их национальная идентичность и принадлежность. И на фоне всего этого, слишком ярко глобализованный Макрон буквально «взорвался», перенес глобализм из экономики в культуру, и сказал, что «не существует французской культуры». И в этой связи не неожиданно, что анализы выборов президента и парламентских выборов во Франции недвусмысленно

показали, что за Макрона голосовали в основном — пожилые люди (старше 65 лет — прежде всего в Париже), натурализованные французы, смешанные

пары, принявшие мультикультурализм как «спасение души» и вообще все, для которых национальная идентичность — это просто пустое понятие.

3. МАКРОН «НОВОЕ» ЛИЦО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Конечно, нельзя не заметить и то, что проект «Макрон» не предполагает решение таких вопросов, как мигрантская проблема. Сам Эммануэль Макрон декларирует, что по отношению к миграции будет поддерживать политику «открытых дверей» и как извинение прозвучало его утверждение, что упростит миграционные процедуры, но только для талантливых иностранцев, которые иммигрируют во Францию.

В его идеях о реальной политике не уделяется достаточного внимания проблемам терроризма, защиты национальной экономики и преодолению катастрофического социального неравенства. И в этом смысле поздний неолиберализм нашел своего нового лидера, от которого ожидается продолжение политики подчинения глобальным корпоративным интересам. Естественно, все это погружается в туман политических речей о каких-то евроценностях, мультикультурализме и «демократии», разбираемой только как единственное неотъемлемое право того, кто владеет деньгами и стремится к власти над ресурсами в мировом масштабе. Поэтому нынешние лидеры ЕС поспешили с поздравлениями к Макрону с рефреном «Путь ЕС» — это единственно правильный, верный и демократический» путь. Так что пока БРЕКЗИТ откладывается, а вместе с этим и фактический распад ЕС. Но и без БРЕКЗИТ процесс, предполагающий возрождение функциональности национального государства, в движении.

Примеров этого уже не один и не два, хотя по форме, а еще больше по содержанию, они не идентичны. В этом смысле опыты возрождения национальных государств можно отметить в США Трампа, в России Путина, в Венгрии Орбана,

в Турции Эрдогана, в Польши Бэаты Шидло (Ярослава Качинского), Чехии Милоша Земана и Великобритании Мэй (или более вероятно ее наследник). Именно в этом контексте следует смотреть и Марин Ле Пен, в качестве своеобразной постоянной (и не сбывшейся) альтернативы проекту «Макрон». Как говорит американская писательница Диана Джонстон (она живет и творит в Париже), «Политика — это в значительной степени фантазия», что произошло бы, если представить, что г-жа Ле Пен победила и на президентских и на парламентских выборах во Франции? Во-первых, указывает Джонстон, наиболее важный результат был бы освобождение Франции от «парализующей мании защиты от несуществующей фашистской угрозы». Следующий по значимости результат был бы закрытие самого Национального фронта. Этот процесс как будто уже начался. Нельзя не отметить, что высказывания и действия Марин Ле Пен перед парламентскими выборами о переименовании ее политической организации, переструктурирование движения и о разработке новых политических постановок говорит только об одном — осознание того, что восстановление функциональности национального государства проходит через нахождение новой доктринальной основы. И если принять во внимание государства, в которых этому уже дан ход, то можно ожидать, что на повестку дня приходит доктринальная постановка патриотического прагматизма.

Если мы базируемся на программе г-жи Марин Ле Пен, то в ней она сама предложила французам то, что Макрон отклонил. А что же, в сущности, предложила Ле Пен? Чтобы Франция была защищена от рисков столкновения культур, от про-

битой системы национальной безопасности, от диктата мирового банковского капитала и близких ему транснациональных компаний, от инфантильного администрирования со стороны ЕС, которое, по дефиниции, является деструктивным по отношению к достижению каких-либо национальных интересов.

Проблема Ле Пен, однако, в том, что она, соответственно и ее политическая организация «Национальный фронт», не смогли сломать скорлупу доктринального национализма с конца 19 — начала 20 вв. Поэтому и французы не дали доверия в такой степени, которая посадила бы ее в президентское кресло, и результаты и в парламентарных выборах совсем не обнадеживающие (почти плачевные). Хотя большинство из тех французов, которые не проголосовали за нее, видимо, начинают понимать, что время неолибералов безвозвратно уходит. В основном они это видят по содержанию своих карманов, и поэтому празднование «1 Мая»

в этом году во Франции, и не только там, совсем не прошло празднично. Вероятнее всего это и есть одна из причин, что эти президентские и главное парламентские выборы отличались столь низкой избирательной активностью.

Сколько времени будет необходимо для возрождения новой функциональности национальных государств, принимая во внимание намечающийся новый мировой порядок, вряд ли кто-то может сказать. Но с уверенностью можно говорить, что проект «Макрон» и подобные ему, особенно в Европе, это только временная отсрочка естественного хода общественного развития. В связи с этим важно вспомнить, что сказал самый молодой (39-летний), двадцать пятый президент Французской республики. Он буквально сказал, что хочет остаться недолго в политике, прежде чем снова вернется в бизнес. И теперь, после победы абсолютным большинством, он будет иметь свободу законно управлять 5 лет своей страной.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какой будет Франция через 5 лет, или успешное национальное государство, или стабильный регион федерализированного Европейского сообщества. Бо-

лее вероятно, что с Францией Эммануэля Макрона случится второе, но ведь 5 лет довольно долгий период.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Денчев, С., Семерджиев, Ц., Попов, И., Костова, Н., Концепция и политика за информационна сигурност, «За буквите — О писменехъ», С., 2006.
2. Илиев, В., Риск и общуване, «Леге Артис», Плевен, 2004.
3. Карпович, О., Глобальные проблемы и международные отношения, «ЮНИТИ — ДАНА», М, 2014
4. Лехтонен, Я., Рискове на публичността, «РОЙ», С., 2006.
5. Манойло, А., Гибридизация современной мировой политики и национальная безопасность Российской Федерации, «Геополитический журнал», М, №1 (17), Апрель, 2017
6. О`Хара, К., Доверието. Новата криза на обществото, «Кръгзор», С., 2004.
7. Павлова, М., Денчев, С., Павлова, И., Информационные войны в динамичной цифровой информационной среде. Материалы X международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные науки сегодня» — NorthCharleston, USA, 2016 г. Том.1. ISBN: 978-1-54133-748-0. Стр. 70-74.
8. Палашев, Н., Обществена комуникация (Частна теория за комуникацията), «За буквите — О писменехъ», С., 2010
9. Петева, И., Денчев, С., Е — Управление. Култура на информационна прозрачност, «За буквите — О писменехъ», С., 2017.

ПРАКТИКА ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ, ИЛИ К ВОПРОСУ О ПРАВЕ И МОРАЛИ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Ежов Дмитрий Александрович

*Кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра политологических исследований Департамента политологии ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Эл. почта: president@lenta.ru;*

Коняев Сергей Вадимович

*Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета, ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
Эл. почта: rtcn1976@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется практика двойных стандартов в применении норм права и морали в мировой политике. Отдельное внимание уделено рассмотрению соотношения феноменов права и морали. Подчеркивается, что в условиях конфронтации тактика организации межгосударственного взаимодействия в современном мире характеризуется конъюнктурной природой.

Ключевые слова: право, мораль, мировая политика, международные отношения

Ezhov Dmitry Alexandrovich

Senior Researcher of the Centre of Political Studies of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of political sciences, Associate Professor;

Konyaev Sergey Vadimovich

Associate Professor of the Department of philosophy and sociology of the Faculty of social and humanitarian sciences, Academy of labor and social relations, Candidate of sociological sciences.

PRACTICE OF DOUBLE STANDARDS, OR TO THE ISSUE OF THE RIGHT AND THE MORAL IN THE MODERN WORLD POLICY

Abstract. The article analyzes the practice of double standards in the application of the norms of law and morality in world politics. Special attention is paid to the consideration of the correlation between the phenomena of law and morality. It is emphasized that in the context of confrontation the tactic of interactions between a states in the modern world are characterized by an opportunistic nature.

Key words: law, morality, world policy, international relations

Право и мораль, как известно, являются важнейшими регуляторами мировой политики. В современном мире мы нередко сталкиваемся с практикой двойных стандартов в отношении применения соответствующих норм. Общепринятым стало одобрение действий одних акторов, даже в случае пренебрежения ими нормами права и морали, на фоне осуждения активности других участников мирового политического процесса.

Правовая норма может лишь временно и частично совпадать с моральной максимой, но полагать их тождественными друг другу на этом основании

было бы серьезной ошибкой. У данных феноменов разная природа: мораль, будучи агентом неформальных институтов, способна, наряду с логикой текущих событий, породить или отменить нормы права, которые относятся к формальным «правилам игры». Сошлемся на известного политического философа Роулза: «Справедливость — это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина — первая добродетель систем мысли... Подобным же образом законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформи-

рованы или ликвидированы, если они несправедливы» [1]. О важности духовной составляющей общественной жизни писал и отечественный мыслитель Г. Померанц, считая эту проблему практической, а не риторической: «Опыт последних веков показал, как опасно доверять логике, не проверяя ее сердцем и духовным опытом. Ум, ставший практической силой, опасен. Опасен научный ум со своими открытиями и изобретениями. Опасен политический ум со своими реформами. Нужны системы защиты от разрушительных сил ума, как на АЭС — от атомного взрыва» [2]. Мораль и связанная с ней справедливость, являются в равной мере необходимым элементом устойчивости, как самой малой общности, так и всего социального пространства, что позволяет полагать их важными элементами «системы защиты от разрушительных сил ума». Впрочем, у морали находятся и вполне прикладные аспекты применения, затрагивающие, например, сферу управления общественными процессами.

Так, в современных темпоральных социально-политических условиях субъект управления нередко вынужден принимать ответственные решения в обстановке рациональной ограниченности, вызванной дефицитом времени или многомерной сложностью предмета его усилий. В таком случае, ориентация на справедливость или на «общественное благо» способна облегчить поиск приемлемого решения. «Как полагает Й. Элстер, тот факт, что нам порой не хватает знаний, не служит препятствием к проведению произвольных институциональных преобразований... Это значит, что при создании институтов следует руководствоваться определенными моральными принципами, например, понятиями о справедливости, равенстве и человеческом достоинстве, которыми оперирует нормативная теория» [3]. Действенность духовной координаты общественного целого скрыта от

поверхностного взгляда, что отличает ее от публичной силы формального закона или правила, но это не мешает специалистам рассматривать мораль в качестве важнейшего показателя устойчивости и здоровья любой общности.

Есть известный парадокс в том, что в международных отношениях либеральные ценности провозглашаются на уровне нормативно устроенного надгосударственного образования, в то время как все, что так и или иначе связано с государством, является предметом подчас весьма острой критики либерального образа мысли. Иными словами, либерализм — это доктрина неформальной, гражданской части общества, а не формального государства. Есть известный парадокс и в том, что страны ЕС, каждая из которых в своей внутренней политике представляет собой ту или иную модальность адаптивного, а значит, — холистического типа общества и лидерства, на внешнеполитическом поле взаимодействия совместно образуют сугубо нормативную, то есть неадаптивную систему управления с характерным для нее «ручным управлением» [4]. Таким образом, нормативный уклон в работе современных международных институтов дает основание для постановки вопроса о неоправданно заниженной роли фактической (например, моральной) составляющей в их работе. Этот вывод мы находим справедливым и в отношении развитых стран, объединенных в ЕС.

Уместно задаться вопросом: почему внешняя политика США столь радикально отличается от политики внутренней? Причину мы видим в том, что «безмолствует» главный субъект неформальных институтов — американское гражданское общество: не секрет, что среднестатистический американец довольно безразлично относится к событиям, происходящим за пределами его города, штата или страны. Поэтому государство, как субъект-носитель нормы, а не морали, оставшись «без

присмотра» со стороны гражданского общества, реализует во внешней политике не холистическую, а «урезанную» нормативную модель поведения. По этой же причине не следует ожидать, что кто-нибудь из стран-участников Евросоюза во всеуслышание задаст, казалось бы, вполне очевидные вопросы, как, например, почему перед гаагским судом предстала только сербская сторона конфликта в лице Милошевича и сравнительно недавно осужденного Караджича, а к их албанским визави суд не проявил такого же интереса? Почему в отличие от сербских лидеров господам Бушу, Пауэллу, Блэру, равно как и другим участникам незаконного вторжения в Ирак, повлекшего за собой разрушения и многочисленные жертвы среди мирного населения, не были предъявлены обвинения? Вопросов этих очень много, и они хорошо понятны любому непредвзятому обывателю. На наш взгляд проблему образует не то, что этих вопросов не существует, а то, что их некому задавать, ибо гражданское общество, как главный субъект-носитель морали и справедливости, выведен за скобки управления международными делами. Получается так, что нет субъекта — нет морали [5]! Отсутствием соответствующего надгосударственного субъекта мы и можем объяснить то, что деятельность международных организаций фактически остается без полноценной легитимной оценки со стороны мировой общности, которой для этого явно не хватает институциональной силы [6]. Чтобы конструкция межгосударственного взаимодействия обрела большую устойчивость, структуры гражданского общества должны выйти на наднациональный уровень так же, как это случилось с государством и бизнесом [7]. Только непосредственное участие гражданских организаций в международной жизни способно придать оценке работы надгосударственных струк-

тур помимо легального еще и легитимный статус, что без сомнений послужит оздоровлению всей мировой политики, обеспечив большую сбалансированность между нормативной и фактической ее сторонами. Влияние морального фактора, который всегда сопутствует гражданской активности, способно придать гораздо большую эффективность и отдельно взятой нормативно-правовой составляющей, которая в ее нынешнем виде оставляет безнаказанными не только аморальные, но и откровенно преступные действия, в том числе и со стороны мирового гегемона. Причина такой пассивности — отсутствие адекватного механизма «сдержек и противовесов» в сегодняшней мировой политике. Если бы перед Бушем, Блэром и другими «маячила» перспектива морального осуждения и международного суда за деяния в отношении суверенной территории, стали бы они атаковать Ирак без соответствующего разрешения ООН? Думается, что едва ли. Представляется, что уже давно назрела необходимость придания надгосударственного институционального статуса морали, которая с выходом гражданских объединений на надгосударственный уровень станет одним из наиболее действенных элементов системы сдержек и противовесов в международной политике.

В то же время практика двойных стандартов продолжает процветать [8]. В качестве наиболее свежего примера приведем жесткие способы подавления проявлений электоральной активности в рамках референдума о независимости Каталонии 1 октября 2017 года со стороны испанской полиции, оценка которых с точки зрения норм права и морали весьма неоднозначна. Движение за независимость Каталонии имеет глубокие корни, а попытки проведения референдума ранее блокировались официальными властями Испании. Сам вопрос сохранения Каталонии в составе Испа-

нии спорен и выходит за рамки нашего внимания. Интересующий нас вопрос сводится к оценке степени оправданности применения силового подхода как попытки пресечения волеизъявления избирателей с точки зрения норм права и морали вместо того, чтобы сесть за стол переговоров и попытаться найти компромисс как альтернативы, несмотря на призывы к диалогу со стороны Еврокомиссии. Конкретное проявление «демократии по-испански» формирует прецедент и в очередной раз демонстрирует практику двойных стандартов в действии. Официальная позиция ЕС и США свелась преимущественно к поддержке идеи единой Испании, при обозначении которой не акцентировалось внимание на отнюдь не демократичных методах работы испанской полиции, выразившихся в применении против участников референдума шумовых гранат и резиновых пуль. Однако стоит, например, в России провести задержание кого-либо из представителей несистемной оппозиции за нарушение общественного

порядка, представители западного политического истеблишмента делают из этого трагедию вселенского масштаба, взывая к необходимости соблюдения прав человека.

В заключение заметим, что практика двойных стандартов в применении норм права и морали в мировой политике, на наш взгляд, имеет сугубо конъюнктурную природу. Акторы миропорядка в современную эпоху функционируют в условиях состояния конфронтации, в основе которого популизм берет верх над прагматизмом. Полагаем, что преодоление указанного тренда гипотетически может способствовать и постепенному искоренению практики двойных стандартов, в том числе и с точки зрения права и морали в мировой политике. В противном случае предложенное выше придание надгосударственного институционального статуса морали как одному из наиболее действенных элементов системы сдержек и противовесов в международной политике становится малозначимым.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Роулз Д. Теория справедливости. Новосибирск, 1995, С. 19.
2. Померанц Г. Саморегулирующаяся вавилонская башня. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.pomeranz.ru/p/pub_babil_tower.htm (Дата обращения 10.01.18).
3. Политическая наука: новые направления. / Под ред. Р.Гудина и Х.Д. Клингеманна. М., 1999, С. 171.
4. Сегодня многие зарубежные специалисты отмечают не только бюрократизм, но и авторитарность принципов управления ЕС, которая с этой точки зрения все больше напоминает советскую систему. См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://russian.rt.com/inotv/2016-03-20/Francuzskij-politik-Evropa-zhivet-v> (Дата обращения 10.01.18).
5. Проще говоря: «дита не плачет — мать не ведает».
6. Надежда на то, что общественность каждой страны будет оказывать давление на свое правительство, а оно затем будет влиять на политику международной организации, выглядит утопично.
7. Транснациональные корпорации давно функционируют в режиме надгосударственных образований, оказывая значительное влияние на развитие процессов глобализации.
8. См.: Карпович О.Г., Булавин А.В. Права человека и некоторые вопросы обеспечения национальной безопасности в США // Геополитический журнал. № 4 (19). 2017. С.30.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Кондаков Сергей Александрович

Кандидат политических наук

Эл. почта: kondakov@yml.com

Аннотация. В статье говорится о перспективах замены невозобновляемых источников энергии возобновляемыми как в России, так и в остальном мире. Показаны факторы необходимости перехода на новые, безопасные источники энергии. Представлены данные о ситуации в альтернативном сегменте энергетики по регионам мира.

Ключевые слова: энергетическая политика России, возобновляемая энергия, перспективы альтернативных источников энергии в мире, актуальность использования возобновляемых источников энергии, экологическая безопасность.

Kondakov Sergey Alexandrovich

Candidate of Political Sciences

ALTERNATIVE SOURCES OF ENERGY IN THE MODERN ECONOMY

Annotation. The article talks about the prospects of replacing non-renewable energy sources with renewable ones both in Russia and in the rest of the world. The factors of the need to switch to new, safe sources of energy are shown. Presented are data on the situation in this segment of energy by regions of the world.

Key words: Russia's energy policy, renewable energy, prospects for alternative energy sources in the world, the relevance of the use of renewable energy sources, environmental safety.

Проблема энергетического жизнеобеспечения — одна из актуальных забот человечества на протяжении всей его истории. Варианты её решения всегда находились в центре внимания научной мысли. В XXI веке заметно активизировались поиски оптимальных путей и источников гарантированного обеспечения ускорившегося процесса развития мировой экономики, широкомасштабного глобального прогресса в различных сферах человеческого бытия. Актуальность проблемы обусловлена и многими другими факторами, в частности, критическим состоянием невосполнимых природных ресурсов вследствие их безудержного и бесконтрольного расходования. В результате возникла угроза экологической безопасности планеты, будущего её жителей. Особенно тревожит судьба России, либеральный режим которой разрушил промышленное производство и перешёл по примеру «банано-

вых республик» на глобальную торговлю природными ресурсами, превратившись в сырьевое рантье, сырьевой придаток Западного мира и Китая.

Поиск альтернативных, возобновляемых источников энергии — жизненно важен для нашей страны как фактор сохранения природного баланса и как стимулятор развития обрабатывающей промышленности, ускоритель разработки и применения высоких технологий в базовые сферы экономики. Без этого России трудно освободиться от статуса страны «третьего мира».

Начиная с 2000-х годов, всего за 10 лет мировая добыча природного газа выросла более чем на 80%, что и определяло тенденцию нефтегазового развития энергетической отрасли на ближайшие годы. В то время, всего 5-6 лет назад, трудно было представить, что альтернативные источники энергии в перспективе будут иметь значимость, равную

традиционным природным источникам. Раньше данный энергетический вектор сталкивался с главной проблемой — чрезвычайно низкой энергоэффективностью технологий. Другими словами, затраты на строительство, а также на изготовление оборудования в большинстве случаев не покрывались результатами «на выходе» и, в конечном итоге, такой вид «топлива» даже и близко не мог конкурировать с привычными энергоносителями. Более того, некоторые виды пополняемых источников имеют ряд ограничений, например, ветряные мельницы, которые доставляют звуковой дискомфорт проживающим неподалёку людям.

В последние несколько лет интерес к сфере использования нетрадиционных источников энергии в мире вырос в разы. Инвестиции в эту сферу увеличивает ряд стран.

Так, по данным экспертного сообщества REN-21[1], инвестиции в область возобновляемых источников энергии в США в период с 2008 г. по 2016 г. выросли почти в 2 раза — с 130 млрд. долл. до 241 млрд. долл. в год. В Европе же в 2004 году на возобновляемые источники энергии приходилось 14% всех энергетических расходов, а в 2013 году их доля выросла до 25%. В некоторых странах говорится о перспективе в 50 процентов покрытия нужд в энергетике за счет возобновляемых источников. Эту тенденцию отмечает, в частности, исполнительный директор Международного энергетического агентства Фатих Бируль: «Мы стали свидетелями трансформации мирового рынка энергетики, где на первый план выходят возобновляемые источники, а центр развития «зеленой» энергетики сместился в развивающиеся страны».

Технологии по разработке и использованию альтернативных источников энергии не стоят на месте. Заинтересованность в их развитии проявляют как в глобальных масштабах, на уровне

отдельных государств и региональных объединений, так и в рамках некоторых крупнейших частных компаний, таких как Apple, IKEA, которые в перспективе заинтересованы обеспечивать свои энергетические нужды исключительно за счет возобновляемых источников. Новые разработки в этой сфере увеличивают КПД и резко снижают себестоимость производства.

Заслуживают упоминания новые разработки в области аккумуляторов, которые позволяют более эффективно «заряжаться» и «разумно» расходовать заряд. Об этом свидетельствуют, в частности, разработки в области автомобилестроения компании Tesla, которые перевернули представление в мире об электромобиле. Последние модели демонстрируют баснословные 1000 километров пробега на одном заряде, и всё это расположено внутри полноценного, полноразмерного автомобиля (седан и внедорожник); это отнюдь не модель микро-класса, которыми представлялись электрокары ранее. Электромоторы уже не редкость под капотами некоторых суперкаров, а стали появляться и полностью электрические модели.

Собственно говоря, можно провести параллель с автомобилестроением, а именно двигателестроением. Производимые ныне моторы «выжимают» из каждой капли горючего максимум отдачи, снижается выброс в атмосферу, объем мотора теперь можно делать гораздо меньше при той же мощности, а расход топлива при этом будет радикально меньше, чем раньше. Так и в использовании энергии, например, ветра или солнца.

Какие же энергоносители являются оптимально возобновляемыми и перспективными? В настоящее время можно отметить следующие источники: солнечная энергия, энергия ветра, гидроэнергия, геотермальная энергия, биоэнергетика, энергия приливов и отливов,

а также волн. Если говорить в целом, то технологии позволяют все более и более эффективно использовать каждый полученный Ватт.

Наиболее доступным, относительно дешёвым и экологически чистым источником возобновляемой энергии выступают Солнце и ветер, и не случайно люди издавна пытались использовать энергию солнца. Под солнечными лучами нагревали воду, сушили одежду, глиняную посуду перед ее отправкой в печь, однако эти способы примитивны и их нельзя назвать эффективными. Первые оптимальные технические средства, преобразующие солнечную энергию, появились еще в 18 веке. Французский ученый Ж. Бюффон показал опыт, в котором ему удалось с помощью большого вогнутого зеркала в ясную погоду воспламенить сухое дерево с расстояния около 70 метров. Его соотечественник, известный ученый А. Лавуазье, применял линзы, чтобы концентрировать энергию солнца, а в Англии создали двояковыпуклое стекло, которое, фокусируя солнечные лучи, расплавляло чугун всего за несколько минут.

Естествоиспытатели проводили множество опытов, которые доказывали, что использование энергии солнца может и должно стать перспективным. Однако солнечная батарея, которая превращала бы солнечную энергию в механическую, появилась сравнительно недавно, а именно в 1953 году. Ее создали ученые из Национального аэрокосмического агентства США. Уже в 1959 году солнечную батарею впервые применили для оснащения космического спутника.

В современных условиях энергия солнца находит всё более широкое применение в устройстве сушилок, опреснителей воды, для различного вида печек; и правительства ряда стран, особенно тех, которые не имеют нефтегазовых запасов, всячески поощряют использование возобновляемых источников энергии в бытовых условиях (отопление до-

мов, нагревание воды и т.д.) и даже выплачивают денежные вознаграждения за их применение; да и в России владельцы частных энергоустановок не будут платить подоходный налог. Так, в 2014 году почти 19,2% мирового энергопотребления осуществлялось за счёт альтернативных источников энергии [2]. Солнечные электростанции и солнечные тепловые станции весьма популярны в США, Испании, Германии. Достаточно эффективной геотермальной установкой, использующей гейзеры, является установка в Калифорнии с номинальной мощностью 750 МВт [3].

Возобновляемую энергию получают из фактически неиссякаемых природных источников. Например, Солнце, согласно астрономическим расчётам экспертов, будет ещё светить в течение пяти миллиардов лет, то есть энергия Солнца — бесконечна.

Энергия ветра — также использовалась людьми еще в древности, самым простым примером можно назвать хождение под парусами и ветряные мельницы. Ветряки используются и сейчас, особенно они эффективны в областях с постоянными ветрами, например, на побережьях. Ученые постоянно выдвигают идеи, как модернизировать уже имеющиеся приспособления для преобразования ветряной энергии, одна из них — ветряки в виде парящих турбин. За счет постоянного вращения они могли бы «висеть» в воздухе на расстоянии нескольких сотен метров от земли, где ветер сильный и постоянный. Это помогло бы в электрификации сельской местности, где невозможно использование стандартных ветряков. К тому же такие парящие турбины могли бы быть оснащены интернет-модулями, с помощью которых осуществлялось бы обеспечение людей доступом в мировую паутину.

Крупнейшим источником возобновляемой энергии выступает гидроэлектроэнергия, обеспечивающая 3,3 мирового потребления энергии, а также ве-

тер: использование его энергии растёт примерно на 30% в год и весьма активно используется в странах Европы, США и Китае [4].

Эксперты считают весьма перспективным направлением использование приливов и отливов. Уже сейчас этим вопросом занимается около ста компаний по всему миру, существует и несколько проектов, доказывающих эффективность данного способа добычи электричества. Преимущество этого источника перед солнечной энергетикой состоит в том, что потери при переводе одной энергии в другую минимальны: приливная волна вращает огромную турбину, которая и вырабатывает электричество.

Использование энергии приливов и отливов несколько отличается от технологий, которые мы привыкли видеть в речных гидроэлектростанциях. Часто ГЭС наносят вред окружающей среде: затопляются прилегающие территории, разрушается экосистема, а вот станции, работающие на приливных волнах, в этом плане гораздо безопаснее.

Предприимчивые и рачительные страны всё более широко используют все возможные виды альтернативных источников энергии. Например, в Норвегии, Исландии, Канаде, Китае большое внимание уделяют выработке гидроэнергетики; в частности, в Китае работают почти половина малых гидроэлектростанций мира.

Разумеется, производство возобновляемых энергоресурсов требует больших инвестиций, но в конечном счёте они окупятся созданием безопасной экологии, необходимой для сохранения здоровья людей и вообще жизни на Земле. Например, в 2010 году инвестиции в возобновляемую энергетику во всём мире составили 211 млрд. долларов [5] — но это не предел, а фактически только начало.

Вместе с тем в обозримой перспективе спрос на традиционные энергоресурсы будет ещё относительно высоким. По

данным экспертов мирового нефтяного гиганта Exxon, с 2010 года по 2040 год потребление нефтепродуктов для транспортных нужд ОЭСР (32 страны) сократится на 10%, но зато в остальном мире их использование увеличится в два раза [6].

Не стоит забывать о нестабильной ситуации на рынке нефтегазовой отрасли, немаловажной частью которой выступает диверсификация российских поставок со стороны Запада. По данным разных аналитиков, запасы природного газа могут иссякнуть на нашей планете через 30-60 лет, что, конечно, не придает оптимистического настроения владельцам этой отрасли.

Кроме того, нельзя не учитывать и постоянно растущее загрязнение окружающей среды и общего вреда для планеты во время добычи и использования «невозобновляемого» топлива. В некоторых странах, например, в Китае, вопрос экологии стоит особенно остро, так как уровень загрязнения достиг уже критического состояния. Более того, вопрос озоновых дыр в защитном слое планеты тоже очень сильно беспокоит всё человечество. Ослабление озонового слоя увеличивает поток солнечной радиации на Землю, что может явиться, в частности, причиной роста числа раковых заболеваний кожи у людей. Также повышенный уровень излучения ведёт к резкому повышению смертности среди морских животных и растений. Восстановление же озонового слоя занимает несколько десятилетий, но это с учетом того, что выбросы вредных веществ в атмосферу будут сокращаться.

Не может не беспокоить и то обстоятельство, что использование в качестве источника энергии традиционных нефти, природного газа, угля ведёт к опасным климатическим изменениям, даже к критическому повышению парникового эффекта, за пределами образования парниковых газов, значительному повышению температуры: ряд экспертов уже

считает, что во второй половине нынешнего столетия температура на планете может подняться на 5-7 градусов.

В целом заинтересованность в замещении традиционных источников энергии возобновляемыми становится в Европе с каждым годом все более приоритетным. В Китае, Германии, Великобритании с помощью возобновляемых источников энергии производится больше электричества, чем с помощью атомной энергии.

В ближайшей перспективе европейские страны, конечно, не смогут полностью заменить традиционные источники энергии нетрадиционными в силу разных причин. Помимо вышеупомянутой причины в виде недостаточной эффективности альтернативных источников энергии, на данный момент есть и другие тормозящие факторы, в частности, финансовые: например, страны Восточной Европы не форсируют развитие альтернативной энергетики по финансовым соображениям.

Как известно, площадь Европы составляет более 10 млн. кв. км. и разные страны этого региона имеют разные территориальные характеристики, делящиеся по группам применения конкретного типа «возобновляемого топлива». Основные игроки в этой сфере в Европейском регионе — это Германия, Франция, Греция, Бельгия, Испания, а также Великобритания (ныне вышедшая из ЕС). Но не стоит забывать об остальных странах мира.

За подсчеты в области энергоресурсов в мире отвечает Международное энергетическое агентство [7]. В данной организации насчитывается 29 стран-участниц. Хотелось бы отметить лидеров в этой области, которые упоминаются в ежегодном докладе IEA.

Китай. Эта страна, согласно IEA, считается по экономическим показателям «неоспоримым мировым лидером», на которого приходится до 40% увеличения возобновляемых мощностей. Давление

со стороны общественности, недовольной уровнем загрязнения воздуха в городах, привело к усилению правительственных мер, направленных на увеличение производства чистой энергии.

США. Недавнее решение правительства Америки о налоговых льготах для потребителей солнечной и ветровой энергии явилось важной поддержкой этой энергетической отрасли. Несмотря порой на некоторое замедление процессов в сфере «зеленой» энергетики, эксперты IEA ожидают, что по темпам роста этот рынок в перспективе станет вторым после экономического рывка Китая.

Индия. По подсчетам экспертов, производство энергии на основе возобновляемых источников к 2021 году может увеличиться в этой стране на 76 ГВт, в основном за счет солнечной энергии, производство которой увеличится в восемь раз. Премьер-министр Индии Нарендра Моди поставил целью рост до 175 ГВт к 2022 году по сравнению с 45 ГВт сейчас. Индия планирует оказать государственную помощь в размере 3,1 млрд. долларов предприятиям, производящим солнечные энергетические установки. Правда, IEA заявляет, что производство может быть ограничено неразвитой инфраструктурой.

Мексика. Согласно прогнозу, производство чистой энергии в Мексике удвоится к 2021 году, что даст рост на 15 ГВт. Недавняя реформа энергетики и внедрение системы аукционов привели к тому, что солнечная и ветровая энергия предлагаются по одной из самых низких цен.

Евросоюз. В среднесрочном прогнозе утверждается, что производство альтернативной, чистой энергии в Евросоюзе увеличится на 21%, что меньше роста в 62% в последние шесть лет. IEA связывает это со слабым ростом потребности в электричестве и политической нестабильностью.

Выход Великобритании из ЕС, меры Германии по уменьшению стоимости чистой энергии для потребителей, ограни-

чения на солнечные и ветровые проекты в Польше рассматриваются в качестве рисков, которые могут отрицательно повлиять на экономический рост. Целью союза к 2030 году является 27-процентная доля чистой энергии во всем объеме потребления.

Российская Федерация. В России данному вопросу уделяется пока крайне мало внимания. Со времен СССР на нашей территории осталось большое количество ГЭС, ведь Советский Союз был лидером в мире по количеству использования источников возобновляемой энергии. И ныне наиболее развитыми объектами, производящими чистую энергию, по-прежнему являются гидроэлектростанции. Правда, несмотря на то, что Россия располагает вторыми по размеру и мощности в мире гидроэнергетическими ресурсами (мировая доля — 9%) после Китая, уровень их освоения по сравнению с другими странами весьма низкий. Так, если степень освоения гидроресурсов в Канаде составляет 65%, в США — 85%, а во Франции — 95%, то в России этот показатель находится лишь на уровне 19%. В общем объеме производства электроэнергии в России доля ГЭС составляет около 15%.

Одним из важных отличий гидроэнергетики от других видов генерации является то, что ГЭС способны покрывать пики потребления энергии, эффективно контролируя мощность с помощью изменения скорости водяного потока. Увеличению доли ГЭС препятствует прежде всего то, что их строительство требует больших инвестиций, а в современной буржуазной России частный капитал не заинтересован в инвестициях, отдача от которых может произойти лишь через длительный период, а олигархам нужны «быстрые деньги». Так что появление в стране новых гидроэлектростанций в обозримый период не предвидится.

Доля возобновляемых источников энергии в выработке электроэнергии в России и вовсе незначительна. Самый

мощный, к тому же бесплатный источник энергии солнца фактически не используется никак. А ведь его всегда можно использовать — даже хранить впрок в виде аккумуляторов, а там, где солнце светит не ярко — прибегать к помощи огромных линз-стёкол. Даровая энергия и абсолютно чистая экологически. Не используем силу ветра, водопадов. По итогам 2014 года совокупно солнце и ветер дали всего 0,024% электроэнергии. Если точнее, то производство солнечной энергии составило в 2014 году 160 гигаватт-часов, ветряной — 92,6 гигаватт-часа, притом, что общее производство электроэнергии по России — 1047,4 тераватт-часа.

Большими ресурсами солнечной энергии обладает юг России, а также Якутия. Вообще перспективными с точки зрения возобновляемых источников энергии являются те регионы, где годовая продолжительность солнечного сияния составляет две тысячи часов и более. Согласно государственной стратегии развития солнечной энергетики, до 2020 года в России должны быть построены солнечные электростанции суммарной мощностью около 1,5 ГВт (в 2016 году объем запланированных к вводу солнечных мощностей — 200 МВт, в 2017-м — 250 МВт, после 2018-го — 270 МВт ежегодно). На текущий момент общая мощность российских солнечных станций составляет чуть больше 60 МВт.

В качестве вывода хотелось бы сказать, что проблема возобновляемых источников энергии будет становиться всё актуальнее с каждым годом. Рано или поздно России придется уделить должное внимание этому вопросу, чрезвычайно актуальному как с точки зрения экологии, так и экономики. Не уделять этому феномену внимания чревато значительными рисками для нашей страны, экономическая стратегия которой ориентирована на производство нефти, газа и других невозобновляемых ресурсов.

Несмотря на заверения некоторых официальных лиц в том, что Россия находится в процессе успешного схождения с «нефтяной иглы», в реальности, однако, это далеко не так. Конечно, резкой перестройки мировой энергетической политики не произойдет, но она долж-

на быть. Уже сейчас нужно начать перестраивать энергопотребление в соответствии с современными тенденциями опережающего экономического развития, в противном случае можно опоздать и безнадежно отстать от мирового экономического прогресса.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Renewable Energy Policy Network for the 21st Century, «Сеть по изучению политики в области возобновляемой энергии в XXI веке».
2. По данным Renewable Energy Policy Network for the 21st Century.
3. Сидорович В. Мировая энергетическая революция: как возобновляемые источники энергии изменят наш мир. ООО «Альпина Паблишер», 2015.
4. Там же.
5. По данным Renewable Energy Policy Network for the 21st Century.
6. Сидорович В. Указ. соч.
7. International Energy Agency, IEA, автономный международный орган в рамках Организации экономического сотрудничества (ОЭСР).
8. Костяной А.Г. Изменение климата и их последствия для России – Современная мировая политика. Учебник. Под редакцией доктора исторических наук, профессора Е.П.Бажанова, М. 2018, С.131.

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК СЕГОДНЯ И СИРИЙСКИЙ КРИЗИС

Иванов Станислав Михайлович

*Ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН,
кандидат исторических наук*

Аннотация. В условиях продолжающейся глобализации всех мировых процессов ближневосточные кризисы оказывают все большее негативное влияние на общую обстановку в мире. Центром нестабильности в регионе остается раздираемая внутренними противоречиями и вмешательством внешних сил Сирия. Многие вооруженные конфликты и гражданские войны на Ближнем Востоке провоцируются шиитским Ираном и суннитскими Турцией, Саудовской Аравией. Как следствие, новые волны перемещенных лиц, мигрантов и беженцев на Балканы и в страны ЕС. Процесс исламизации Европы сопровождается активизацией террористической деятельности радикальных исламистских группировок по всему миру.

Ключевые слова: Ближний Восток, палестинская, курдская проблемы, радикальные исламистские группировки, внутривосточные кризисы, гражданские войны, Сирия, Иран, Саудовская Аравия, терроризм.

Ivanov Stanislav Mikhailovich

Researcher of the Center for International Security of the IMEMO RAS, Candidate of Historical Sciences

MIDDLE EAST TODAY AND THE SYRIAN CRISIS

Abstract. In the context of the ongoing globalization of all world processes of the Middle East crises have an increasingly greater negative impact on the overall situation in the world. The center of instability in the region remains torn by internal divisions and foreign intervention Syria. Many armed conflicts and civil wars in the middle East provoked Shiite Iran and Sunni Turkey, Saudi Arabia. As a result, a new wave of displaced persons, migrants and refugees in the Balkans and in the EU. The process of the Islamization of Europe is accompanied by the intensification of terrorist activities of radical Islamist groups around the world.

Key words: Middle East, Palestinian, Kurdish problem, radical Islamist groups, political crises, civil wars, Syria, Iran, Saudi Arabia, terrorism.

Ближний или Средний Восток (англ. вариант — Middle East) включает в себя страны Северной Африки и Западной Азии, протянувшиеся вдоль побережья Средиземного моря от Марокко до Турции включительно, на юге к ним примыкают Судан, Йемен, Иордания, монархии Персидского залива, Ирак и Иран [1].

Роль и значение ближневосточного региона в истории нашей цивилизации, современной мировой политике и экономике общепризнаны. Помимо богатейших месторождений нефти и газа мирового значения [2], здесь пролегают стратегические морские, сухопутные

и воздушные коммуникации, связывающие Африку и Азию с Европой, ускоренными темпами развиваются энергетика, промышленность, сельское хозяйство и инфраструктура. Регион представляет собой огромный рынок сбыта вооружений, различных промышленных товаров и продуктов питания из Европы, США, Китая и других развитых стран, общая численность его населения уже превышает 500 миллионов человек и демографический рост продолжается довольно высокими темпами.

Вместе с тем Ближний Восток остается ареной острой конкурентной борьбы,

жесткого противостояния и столкновения интересов региональных центров силы и ведущих мировых держав. Внутренняя политическая нестабильность, вооруженные конфликты, атмосфера хаоса и насилия, безработица в ряде арабских стран порождают все новые потоки легальных и нелегальных мигрантов и беженцев отсюда на Балканы и в другие страны Европы. Просматривается прямая связь с процессами миграции с Ближнего Востока, исламизацией западных стран и ростом террористической угрозы на европейском континенте. На политические проблемы региона накладывает свой негативный отпечаток и самый высокий в мире уровень социально-экономического неравенства среди местного населения. Так, доля национального дохода, приходящаяся на 10% лиц с самыми высокими заработками (верхний дециль по уровню доходов), в странах Ближнего Востока в 2016 году составила 61%, в то время как для Европы этот показатель равен 37% [3].

Если до последнего времени основным источником напряженности в регионе считалась палестинская проблема и, как следствие, арабо-израильская конфронтация, то теперь к этому добавились межарабские, конфессиональные конфликты и нерешенность курдской проблемы. Особую остроту принимают шиитско-суннитские войны в Ираке, Сирии, Йемене и борьба курдов Турции, Сирии, Ирака и Ирана за свои национальные права и свободы. Не способствуют снижению конфронтации в регионе масштабное вмешательство внешних сил во внутренние дела арабских государств, а также нарастающие противоречия между региональными центрами силы в лице Израиля, Турции и Саудовской Аравии, с одной стороны, и Ирана, — с другой. Деятельность ООН по вопросам урегулирования ситуаций в Сирии, Йемене, Ливии и других «горячих точках» региона неэффективна в силу отсутствия консенсуса между

постоянными членами Совета Безопасности ООН по путям скорейшего выхода из кризисов на Ближнем Востоке. Выступая перед членами Генеральной Ассамблеи ООН 17 января 2018 года, Генсек ООН Антониу Гутерриш назвал ситуацию на Ближнем Востоке «гордиевым узлом», где переплелось множество проблем — конфликты в Сирии, Йемене, нестабильность в Ираке и палестино-израильский вопрос [4].

Прозвучавшее 6 декабря 2017 года признание президентом США Д.Трампом Иерусалима столицей Государства Израиль и его решение о переносе посольства США из Тель-Авива в этот город [5] вновь привлекло внимание мировой общественности к палестинской проблеме. В последние годы вялотекущие переговоры по ближневосточному урегулированию зашли в тупик и, похоже, что многих региональных и международных игроков устраивало положение «ни войны, ни мира» на этом направлении. Как известно, Египет и Иордания в предыдущие годы заключили с Израилем мирные соглашения и установили с ним дипломатические отношения. Руководители этих стран пытались выступать посредниками в преодолении разногласий между палестинцами сектора Газа (группировка ХАМАС) и Западного берега реки Иордан (группировка ФАТХ). В результате этих усилий была достигнута договоренность о возвращении сектора Газа под контроль Палестинской национальной администрации (ПНА) уже в декабре 2017 года и подготовке всеобщих выборов на палестинских территориях. Тем самым создавались предпосылки для формирования единой палестинской делегации на переговоры с Израилем и поиску путей мирного урегулирования этого конфликта.

Другие арабские государства формально сохраняли дипломатический и другой бойкот Израиля, но от ранее звучавшей агрессивной враждебной риторики в адрес Тель-Авива воздер-

живались. Якобы саудовское руководство даже имело контакты по линии спецслужб с Израилем, поскольку после начавшегося процесса снятия ограничительных санкций с Ирана угроза ирано-шиитской экспансии в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене и, в целом в регионе, стала доминирующей угрозой как для Тель-Авива, так и для Эр-Рияда. В ходе своего ближневосточного турне в мае 2017 года Д.Трамп пытался сколотить антииранский региональный военно-политический союз с участием Израиля, Саудовской Аравии и других арабских и мусульманских стран. Казалось бы, этот сценарий устраивал Вашингтон и не было необходимости провоцировать новый арабо-израильский конфликт в регионе. Как известно, еще в 1995 году конгресс США принял решение о переносе посольства США в Иерусалим, но все предыдущие американские президенты «держали за пазухой этот камень» и не решались бросить его в палестинцев. От такого одностороннего шага Вашингтон предостерегали соответствующие резолюции ООН и все мировое сообщество.

И, тем не менее, под предлогом необходимости реализовать свои предвыборные обещания и в силу своих произраильских настроений Д.Трамп пошел на эту авантюру. Генеральная Ассамблея ООН на своем заседании 21 декабря 2017 года проголосовала против признания Иерусалима столицей Израиля. По итогам голосования 128 стран призвали США отменить это решение, 35 стран воздержались, девять — поддержали американцев [6]. Наиболее резко его осудили палестинцы, арабские и мусульманские страны (Иран, Турция, Пакистан, другие). Это и понятно, поскольку Иерусалим считается священным для мусульман городом, где расположена третья по значению мечеть ислама «Аль-Акса». Палестинцы и их сторонники рассчитывали добиться провозглашения Восточного Иерусалима столицей Государства Палестина.

На палестинских территориях и в самом Израиле возникли стихийные митинги и акции протеста, раздались призывы к новой интифаде (восстанию). Из сектора Газа были запущены несколько ракет по Израилю, в результате столкновений протестующих с израильской полицией среди палестинцев были погибшие и раненые.

Можно констатировать, что Д.Трамп своим необдуманным решением не только спровоцировал новую волну насилия в регионе, отодвинул на неопределенное время ближневосточное урегулирование, но и способствовал новой активизации радикальных исламистских группировок на Ближнем Востоке. Даже региональные союзники США — монархи Персидского залива, руководители других арабских и мусульманских государств вынуждены были считаться с мнением «арабской улицы» и исламской «уммы» и уже более осторожно подходить к своему дальнейшему сотрудничеству с Вашингтоном.

Вряд ли эта «медвежья услуга» Трампа благоприятно отразится и на повышении уровня национальной безопасности самого Израиля. Выигравших от этой провокационной затеи Вашингтона пока не просматривается. Кроме джихадистов всех мастей арабо-суннитского толка (ваххабиты, салафиты, такфиристы), Иран с его союзниками в шиитских общинах региона также заметно усилил свои позиции в арабском и исламском мире и получил лишний пропагандистский козырь в своей непримиримой борьбе с Израилем.

В целом же, регион все еще пожинает плоды трагических событий «арабской весны» 2011 года, которые в той или иной степени затронули практически все страны Арабского Востока, существенно дестабилизировали военно-политическую обстановку в ряде арабских государств, привели к смене элит и правящих режимов в них, спровоцировали затяжные вооруженные конфликты, в которые

оказались вовлечены, как выше было отмечено, не только внутренние противоборствующие силы, но и иностранные государства и даже негосударственные акторы. Президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси заявил 17 января 2017 года, что совокупные потери стран ближневосточного региона в результате так называемой арабской весны составляют 900 млрд. долларов США. Также в результате спровоцированных конфликтов погибли около полутора миллионов человек, свыше 15 млн. человек стали беженцами [7].

В условиях разрушения государственности и образовавшегося вакуума власти и идеологии в ряде арабских стран активизировались исламистские экстремистские организации как суннитского, так и шиитского течений ислама. На смену господствовавшим в регионе десятки лет идеям арабского социализма (национализма) и панарабизма пришли, с одной стороны, радикальный ислам крайнего суннитского толка (салафизм, ваххабизм, такфиризм, джихадизм), а с другой — иранский агрессивный шиизм. Эти два основных течения ислама стали все активнее использоваться региональными политическими силами для удержания или смены власти, распространения своего влияния на другие страны.

Можно сказать, что мир столкнулся с новым «ренессансом» ислама или волной панисламизма. Правительства, оппозиция стран Ближнего Востока и внешние силы в борьбе за власть, влияние, территории и ресурсы региона опираются в своей деятельности не только на традиционные мусульманские институты, но и не брезгают использовать в своих интересах различные группировки радикальных исламистов, которые превращаются во влиятельные политические силы. Политизированный воинственный ислам становится новой идеологией в странах Ближнего Востока.

Так, правящей партией Турции уже много лет является исламистская Пар-

тия справедливости и развития (ПСР), которая не только отходит от внутривнутриполитического курса основателя Турецкой Республики Кемалю Ататюрку на развитие светского турецкого общества, но и поддерживает зарубежные радикальные исламистские группировки, такие как палестинская ХАМАС в секторе Газа, «Братья-мусульмане» — в Сирии, Египте и других арабских странах. В ходе гражданской войны в Сирии Турция стала надежным плацдармом для террористических группировок исламистов типа «Джабга ан-Нусра», «Исламское государство» (организация запрещена в РФ), бандформирований туркоманов.

«Братья-мусульмане» в 2011-12 гг. побеждали на парламентских и президентских выборах в Египте. Только вмешательство военных смогло остановить процесс насильственной исламизации одной из ключевых стран арабского мира. Признанная Лигой арабских государств (ЛАГ), США, ЕС, Израилем и многими другими странами террористической организацией ливанская шиитская группировка «Хизбалла» [8] стала как бы государством в государстве, ее члены являются депутатами парламента, членами правительства, она имеет свои спецслужбы и вооруженные силы. На ротационной основе около 10 тысяч бойцов «Хизбаллы» постоянно находятся в Сирии и выполняют задачи по защите правительства Башара Асада. В 2014 году было провозглашено создание квазигосударства исламистов-джихадистов на обширных территориях Сирии и Ирака под названием Исламский халифат, которое в течение нескольких лет не только угрожало взятием Дамаска и Багдада, но и пыталось распространить свое влияние и вести джихад (войну с неверными) по всему миру. С помощью передовых информационных технологий вербовщики ИГ привлекли в свои ряды десятки тысяч граждан европейских и других иностранных госу-

дарств, осуществили десятки кровавых терактов по всему миру.

Эпицентром региональной нестабильности вот уже седьмой год остается Сирийская Арабская Республика. Главными противоборствующими сторонами здесь являются правительство Башара Асада и вооруженная оппозиция. И те, и другие, вынуждены были одно время сражаться с боевиками радикальных исламистских группировок, в первую очередь, с «Исламским государством». Асад с началом гражданской войны опирался на родственное ему арабо-алавитское меньшинство (до 15 % населения страны), партийную баасистскую верхушку и силовые структуры. Извне Дамаск поддерживали Иран, ливанская группировка «Хизбалла» и, так называемый, иностранный шиитский легион (Афганистан, Пакистан, Ирак, Йемен). ВС России оказали помощь правительству Асада в борьбе с «Исламским государством», другими террористическими группировками, разминировании освобожденных территорий, решении гуманитарных проблем, создании условий для прекращения огня, внутри сирийского перемирия и начала мирных переговоров в Астане.

Сирийская вооруженная оппозиция изначально опиралась на арабо-суннитское большинство страны, в том числе и на радикальные мусульманские группировки типа «Братьев-мусульман». Часть военнослужащих, представителей других силовых структур и чиновников госаппарата из числа арабов-суннитов перешла на сторону оппозиции. Внешняя помощь сирийской оппозиции (финансами, материальной, оружием, подготовкой военных кадров и т.п.) оказывается Турцией, Иорданией, монархиями Персидского залива во главе с Саудовской Аравией и США.

Курдское меньшинство (13 % населения страны) сохранило нейтралитет в гражданской войне в Сирии и ограничилось созданием органов самоуправле-

ния и отрядов народного ополчения для защиты своих районов от боевиков ИГ и турецких захватчиков. Общеизвестно, что курды сыграли весьма важную роль в разгроме бандформирований радикальных исламистов. Они выражают готовность принять участие в переговорах по мирному урегулированию ситуации в стране и воссозданию единого сирийского государства. Требования курдов к Дамаску сводятся к сохранению автономного статуса курдских районов и закреплению равных с арабами прав свобод в новой конституции страны. Пока что, ни Башар Асад, ни представители оппозиции на переговоры в Астану и Женеву курдские делегации не приглашают никакими гарантиями курдам по будущему их статусу не дают. Арабский национализм и шовинизм продолжают превалировать в политике лидеров арабского большинства Сирии.

Категорически против участия курдов в мирных переговорах выступают Анкара и Тегеран. Р. Эрдоган считает ведущую политическую силу сирийских курдов Партию демократического союза (ПДС) террористической организацией, аффилированной с турецкой Рабочей партией Курдистана (РПК), и не скрывает своих намерений провести военную операцию по умиротворению курдских районов Сирии. Тегеран также опасается роста сепаратистских настроений среди своих курдов в случае предоставления сирийским курдам статуса автономии или субъекта федерации. Военную помощь курдским ополченцам оказывают США, в период наиболее ожесточенных сражений с ИГ на помощь сирийским курдам приходили бригады иракских курдов, известные под названием «пешмерга», и курды-добровольцы из Ирана и Турции.

Несмотря на разгром наиболее крупной террористической группировки радикальных исламистов «Исламское государство» и достигнутое соглашение о прекращении огня между пра-

вительственными войсками и силами вооруженной оппозиции, процесс мирных переговоров в Женеве и Астане при посредничестве ООН, России, Турции и Ирана пока пробуксовывает и не дает ощутимых результатов. Стороны внутри сирийского конфликта выдвигают неприемлемые друг для друга предварительные условия, в частности, оппозиция требует ухода Башара Асада в отставку. Представители правительства Сирии настаивают на разоружении отрядов оппозиции. Переговорщики по-прежнему избегают прямых контактов и предпочитают общаться между собой через иностранных посредников. Многие группировки внешней и внутренней сирийской оппозиции продолжают игнорировать переговорный процесс, отказываются участвовать в разработке будущей конституции страны, формировании коалиционного правительства. Имеются так называемые «ястребы» или сторонники продолжения войны до «победного конца» и в окружении Асада. Их активно поддерживают спонсоры из Тегерана. Довольно хрупкое состояние «ни войны, ни мира» время от времени нарушается взаимными атаками и обстрелами с обеих сторон конфликта или провокациями оставшихся в стране джихадистов. Так, в конце 2017 года минометным обстрелам и массированным атакам беспилотных летательных аппаратов (дронов) из провинции Идлиб подверглась российская военная база Хмеймим. Якобы эти акции были осуществлены в ответ на начавшееся наступление правительственных войск в провинции Идлиб.

Несмотря на все декларации о сохранении «единой и неделимой Сирийской Арабской Республики», страна де-факто продолжает оставаться разделенной на несколько анклавов. Большая часть страны контролируется правительственными войсками и иностранными союзниками режима (шиитский легион). Наряду с этим, согласно достигну-

тому в Астане соглашению о перемирии и прекращении огня созданы, так называемые, четыре зоны деэскалации под контролем местного ополчения, вооруженной оппозиции и остатков террористических группировок типа «Джабган-Нусра». Наиболее крупной зоной деэскалации с наибольшим числом вооруженных противников режима Башара Асада считается провинция Идлиб. На границе с Турцией под контролем курдской Партии демократического союза (ПДС) созданы три автономных кантона (Африн, Евфрат, Джазира), которые принято называть автономным районом «Рожава». Северо-восточные районы страны (восточный берег реки Евфрат) после разгрома ИГ взят под контроль ополченцами, созданных с помощью США «Сирийских демократических сил» (курды, арабы-сунниты и христиане). Вашингтон планирует на базе этих отрядов сформировать воинские части по охране границ Сирии с Турцией и Ираком, чтобы предотвратить возрождение «Исламского государства».

В августе 2016 года под предлогом борьбы с боевиками ИГ сухопутная группировка ВС Турции вторглась в Сирию и захватила плацдарм шириной до 100 км (между пограничными городами Джараблус и Аазаз) и глубиной до 50 км. Р. Эрдоган угрожает в 2018 году продолжить наступление в сирийских провинциях Африни Евфрати, тем самым не только разгромить курдские отряды самообороны, но и существенно расширить захваченный ранее турецкими войсками плацдарм. 21 января 2018 года турецкие войска после массированных налетов авиации и артподготовки вторглись в провинцию Африн и приступили к ее зачистке от курдских ополченцев. Дамаск заявил, что рассматривает эти действия как нарушение суверенитета страны, акт агрессии и терроризм.

Несмотря на пропагандистские заявления о своих намерениях покончить

с террористами в Сирии, Р. Эрдоган ясно дает понять, что для него главными террористами в этой стране остаются курды и Асад. «С Асадом мира в Сирии не будет», — с таким заявлением во время своего визита в Тунис 27 декабря 2017 года выступил президент Турции. По словам турецкого лидера, у сирийского государства нет будущего, если действующий его глава — Башар Асад — останется на посту. «Он виновен в гибели миллиона сирийских граждан... Он разжег государственный терроризм», — подчеркнул Р.Эрдоган [9]. Это заявление не стало сюрпризом для мирового сообщества, но поставило под сомнение успешность совместных действий России, Турции и Ирана по урегулированию сирийского кризиса.

Кроме группировки ВС Турции, в Сирии также незаконно находятся военнотрудовые спецназа и армейской авиации США (по разным источникам от 500 до 2000 человек), которые дислоцируются в основном на временных базах на севере в курдских кантонах и в северо-восточных районах страны, контролируемых оппозиционными «Сирийскими демократическими силами» (SDF).

По соглашению с правительством Б.Асада в стране сохраняется заметно сокращенная в конце 2017 года по своей численности и боевому составу группировка ВС РФ (база ВКС Хмеймим и пункт базирования ВМФ Тартусна Средиземном море). Основными их функциями после разгрома ИГ стали контроль за сохранением перемирия и режима прекращения огня между зонами деэскалации и правительственными войсками и оказание гуманитарной помощи населению пострадавших от гражданской войны и действий боевиков-джихадистов районов Сирии.

В стране с согласия Дамаска остаются и другие иностранные военные контингенты: воинские части и советники КСИР Ирана (свыше 10 тысяч человек), боевики ливанской шиитской группи-

ровки «Хизбалла» (8 — 10 тысяч человек на ротационной основе), четыре шиитских формирования наемников и добровольцев из Афганистана, Пакистана, Йемена и Ирака (бригады «Хашдаш-Шааби») общей численностью до 20-25 тысяч человек. По своему численному и боевому составу иностранцы-шииты существенно дополняют сильно поредевшие за годы гражданской войны ряды регулярной армии Сирии. Тегеран финансирует и снабжает всем необходимым как армию Асада, так и эти иностранные шиитские формирования с тем, чтобы сохранить военное превосходство дружественного ему сирийского режима над оппозицией. Иранские аятоллы предлагают Дамаску объявить террористами всех сирийцев, которые добровольно не сложат оружия, и продолжить против них контртеррористическую операцию до победного конца с применением авиации, бронетанковой техники и артиллерии.

Руководство Израиля внимательно следит за обстановкой в Сирии и не скрывает своей озабоченности дислокацией иранских вооруженных сил вблизи своих границ и передачей ими ливанской «Хизбалле» современных видов вооружений, прежде всего, ракет малой и средней дальности. Учитывая сравнительно небольшую по площади территорию Государства Израиль, в Иерусалиме считают, что ракеты, запущенные с сопредельной территории Ливана или Сирии, могут вывести из строя многие израильские жизненно важные и стратегические объекты. В качестве превентивных мер израильские военные выявляют принадлежащие боевикам «Хизбаллы» потенциально опасные для своей страны склады и транспорты с оружием и боеприпасами и уничтожают их ракетно-бомбовыми ударами. Израильское руководство дает понять своим партнерам в Вашингтоне, Брюсселе и Москве, что не потерпит превращения Сирии в военный плацдарм Ирана и шиитских

негосударственных акторов типа группировки «Хизбалла».

Руководства Турции, Иордании, монархий Персидского залива и других стран-членов Лиги арабских государств (ЛАГ) весьма негативно расценивают военное присутствие Ирана и его сателлитов в Сирии. Членство Сирии в ЛАГ было приостановлено 12 ноября 2011 года на фоне эскалации насилия в этой стране. Подавляющее большинство арабских стран сошлись на том, что ответственность за кровопролитие лежит на руководстве Сирии, поэтому оно не заслуживает права представлять свой народ на этом представительном международном форуме. В марте 2013 года ЛАГ предложила представителям сирийской оппозиции занять место Сирии в организации [10]. Также арабо-суннитское большинство региона не признало клан Асада — алавитов мусульманами. Практически все государства ЛАГ (за исключением Ирака и Ливана) выступают за немедленную отставку Асада и скорейший вывод всех иностранных шиитских военных формирований из Сирии. Естественно, что все страны с правящими суннитскими элитами всячески поддерживают сирийскую внешнюю и внутреннюю оппозицию. За годы гражданской войны Сирия превратилась как бы в полигон вооруженного противостояния региональных центров силы: шиитского блока во главе с Тегераном и суннитского — во главе с Эр-Риядом. Из монархий Персидского залива только Катар и Оман стремятся сохранить нейтралитет в этом шиитско-суннитском региональном конфликте. Сирийский кризис оказывает свое дестабилизирующее влияние на соседние арабские государства: Ливан и Ирак и, в целом, на регион Ближнего Востока. Только в Ливане нашли убежище около 1 млн сирийских беженцев [11], при том, что население этой страны составляет всего лишь 6 млн 800 тысяч человек.

В ноябре 2017 года президенты России, Ирана и Турции наметили план дальнейших действий по политическому урегулированию в Сирии. Одним из конкретных шагов в этом направлении предлагается активизировать переговорный процесс между самими сирийцами, для чего было предложено в 2018 году провести в г.Сочи расширенный по составу участников Конгресс сирийского национального диалога, на котором обсудить проект новой конституции страны и наметить проведение подконтрольных ООН выборов в Сирии. Пока большая часть сирийской оппозиции не поддержала эту инициативу [12].

Оценивая ситуацию на Ближнем Востоке в целом, можно констатировать, что регион остается одним из наиболее нестабильных в военно-политическом отношении на нашей планете. Нерешенность палестинской и курдской проблем, вооруженные конфликты в Сирии и Йемене, повсеместная активизация радикальных исламистских группировок террористической направленности, распад государств, внутривнутриполитические кризисы и акции протеста в Ливии, Алжире, Ливане, Тунисе, Египте, Ираке, Саудовской Аравии, на Бахрейне, в Турции, Иране, других странах — все это порождает атмосферу хаоса и насилия на Ближнем Востоке [13]. Одним из главных препятствий к урегулированию ситуации в регионе становится борьба за лидерство между Ираном и Саудовской Аравией, руководства которых спровоцировали своими действиями масштабные шиитско-суннитские войны и конфликты. При этом Эр-Рияд пользуется поддержкой не только арабо-суннитского мира, но и Турции, США, а опосредованно и Израиля. В заключение можно отметить, что сирийский и другие ближневосточные кризисы так или иначе оказывают свое негативное влияние на экономическую и политическую обстановку во всем мире, имеют свои глобальные разрушительные последствия в области международной стабильности и безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Всего в регионе 22 государства: Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Египет, Судан, Израиль, Палестина, Иордания, Ливан, Сирия, Йемен, Саудовская Аравия, Оман, ОАЭ, Бахрейн, Катар, Кувейт, Ирак, Иран, Кипр, Турция
2. [Электронный ресурс] // URL: <http://pochemy.net/?n=1511>
3. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3496313>
4. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/43829054>
5. [Электронный ресурс] // URL: <https://lenta.ru/news/2017/12/06/jerusalem/>
6. [Электронный ресурс] // URL: <https://lenta.ru/news/2017/12/21/unresolution/>
7. [Электронный ресурс] // URL: <http://rusvesna.su/news/1516253286>
8. [Электронный ресурс] // URL: <https://golosislama.com/news.php?id=29343>
9. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/12/27/shokiruyushhee-zayavlenie-erdogana-mira-v-sirii-ne-budet.html>
10. [Электронный ресурс] // URL: <https://golosislama.com/news.php?id=15603>
11. [Электронный ресурс] // URL: <https://riafan.ru/1011222-chislo-siriiskikh-bezhencev-v-livane-vpervye-upalo-nizhe-milliona-chelovek-oon>
12. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/11/24/5a169b399a79479087643244>
13. См. подробно: Карпович О.Г. Отношения Турции и России в условиях сирийского кризиса: маневры между Западом и Москвой // Вестник российской нации. 2017. № 1. С. 154-163.

Manoylo Andrey Viktorovich

Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences

INFORMATION WARFARE

Materials of the report to the executive staff of the Central Office of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (November 22, 2017)

Annotation. this article is the structural and semantic core of the report, made by the author on November 22, 2017, on a lesson with the heads of the Central Office of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. The report is devoted to the study of information wars technologies used in modern international relations and world politics. Information wars in the modern world have become one of the usual factors of the reality surrounding us. Each of us daily turns out to be in the focus of the action of this or that information attack, which carries a charge of murderous aggression directed both at the society as a whole and on the consciousness of each person separately. At the same time, the majority of the most dangerous operations of information warfare of American origin are based on the same standard organizational scheme, which is a sequence of information injections, separated by periods of exposure (information "silence") and time-coordinated goals, objectives and targets. The report reveals the specifics of planning, organizing and conducting information attacks on politicians with a view to their discrediting in the eyes of the voters (on the example of the "Panamanian dossier"): how to recognize the information attack, what are its signs, the true goals and targets of information aggression. The information attack technologies used by organizers of informational attacks, framing, priming, anchoring, "labeling", "trial balls", technology of "controlled leakage" of information, including technology of the "WikiLeaks" class are considered. The second part of the article is devoted to communication strategies and methods of personal protection against external information attacks, security and tactics of behavior in the context of information warfare. It is noted that the growing information pressure from the US on the so-called "attacks by Russian hackers" and accusations of Russia's interference in the internal affairs of the United States indicate that the importance of the operational component in repulsing information attacks by the enemy is skyrocketing, prevailing over purely technical methods. Counteraction to information operations of the enemy is an operational combination combining organizational and information (information-psychological) methods of influence.

Key words: information war, politics, security, information attacks, international relations, information operations, informational throw-in.

Информационная война – вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия.

Структурно современная информационная война состоит из последовательности **информационных операций**, объединенных единым замыслом и согласованных по целям, задачам, формам и методам информационного воздействия.

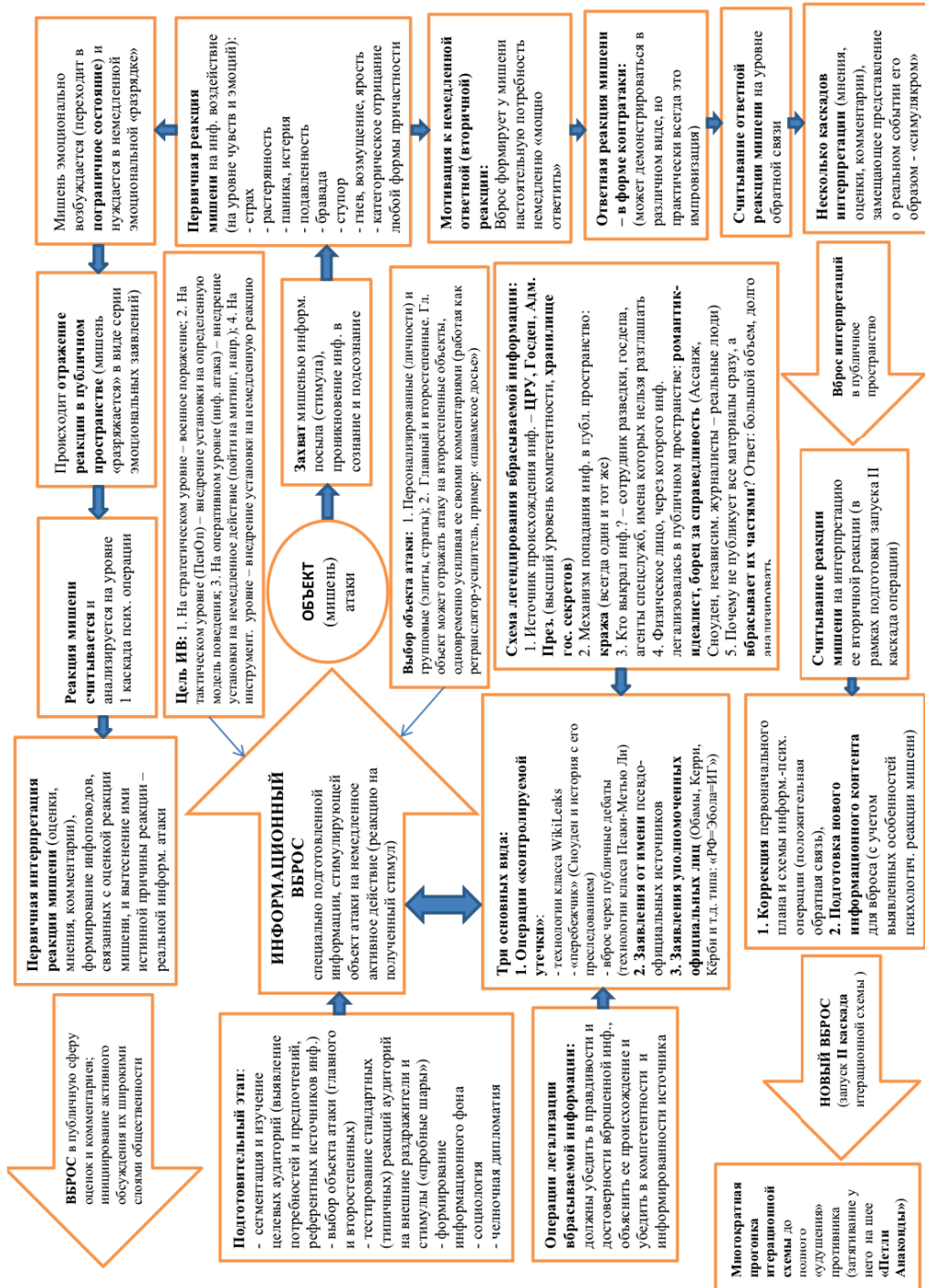
Уровни ведения информационной войны

4 уровня ведения информационных войн:

Цель ИВ на каждом уровне:

1. Стратегический	1. Военное поражение
2. Tактический	2. Внедрение установки на определённую модель поведения
3. Оперативный	3. Внедрение установки на немедленное действие
4. Инструментальный	4. Внедрение установки на немедленную реакцию

Информационный вброс

Информационный вброс – блок специально подготовленной информации, стимулирующей объект информационного воздействия на совершение немедленных ответных действий (в качестве реакции на полученный внешний стимул).

ВБРОС

специально подготовленной информации, стимулирующей объект атаки на немедленное активное действие (реакцию на полученный стимул)

ОБЪЕКТ
(мишень)
атаки

ЗАХВАТ

мишенью информ. посылка (стимула), проникновение инф. в сознание и подсознание

Виды информационных атак

Внешние

Внутренние

Подготовительный этап информационной операции

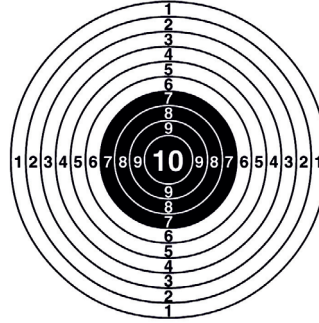
- сегментация и изучение целевых аудиторий (выявление потребностей и предпочтений, референтных источников инф.);
- выбор объекта атаки (главного, второстепенного и ложного);
- тестирование стандартных (типичных) реакций аудиторий на внешние раздражители и стимулы («пробные шары»);
- формирование информационного фона;
- социология;
- челночная дипломатия.

Выбор объекта атаки

Выбор объекта атаки:

1. **Персонализированные** (личности) и **групповые** (элиты, страны);
2. **Главный, второстепенные и ложные.** Гл. объект может отражать атаку на второстепенные объекты, одновременно усиливая ее своими комментариями (работая как **ретранслятор-усилитель**, пример: «панамское досье»);

Выбор референтных каналов

Доверие к тому или иному каналу определяется не только качеством контента, но и выработанной годами устоявшейся привычкой.

1. Газеты (Известия, Коммерсант и т.д.)
2. Федеральные телеканалы
3. Крупные международные информационные агентства
4. Доверенные лица

ИЗВЕСТИЯ

LIFE NEWS

 РИА НОВОСТИ
www.ria.ru

Первичная реакция мишени

Первичная реакция мишени на инф. воздействие (на уровне чувств и эмоций):

- страх
- растерянность
- паника, истерия
- подавленность
- бравада
- ступор
- гнев, возмущение, ярость
- категорическое отрицание любой формы причастности.

Мишень эмоционально возбуждается (переходит в **пограничное состояние**) и нуждается в немедленной эмоциональной «разрядке».

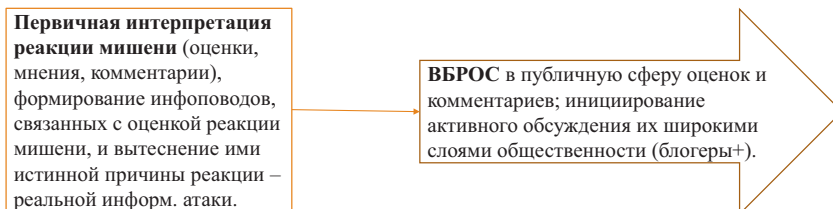

Происходит **отражение реакции в публичном пространстве** (мишень «разряжается» в виде серии эмоциональных заявлений)

Реакция мишени считается и анализируется на уровне 1 каскада инф. операции.

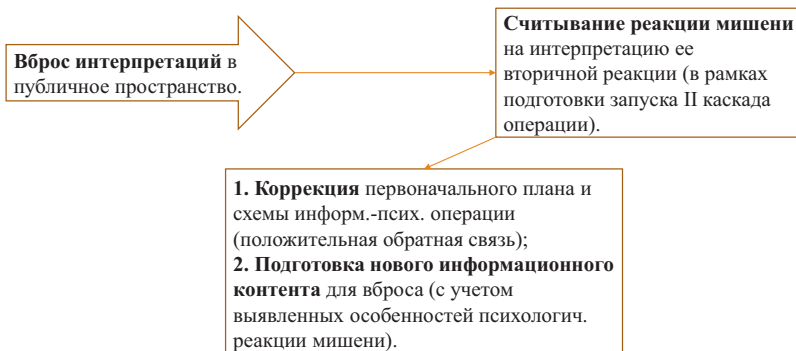
Первичная интерпретация реакции мишени

Мотивация к немедленной ответной реакции

Вброс интерпретаций

Новый вброс

НОВЫЙ ВБРОС
(запуск II каскада
итерационной схемы).

Многokратная прогонка итерационной схемы до полного «удушения» противника (затягивание у него на шею «Петли Анаконды»).
Считывание ответной реакции мишени на уровне обратной связи.

Операции легализации вбрасываемой информации

Операции легализации вбрасываемой информации: должны убедить в правдивости и достоверности вброшенной инф., объяснить ее происхождение и убедить в компетентности и информированности источника.

Основные виды операций

- 1. Операции «контролируемой утечки»:**
  - провокация кражи секретной информации;
  - технологии класса WikiLeaks;
  - «перебежчик» (Сноуден и история с его преследованием);
  - вброс через публичные дебаты (технологии класса Псаки-Метью Ли).
- 2. Заявления от имени псевдо-официальных источников.**
- 3. Заявления уполномоченных официальных лиц (Обамы, Керри, Кёрби и т.д. типа: «РФ=Эбола=ИГ»).**

Схема и признаки легендирования вбрасываемой информации

1. Источник происхождения инф. – ЦРУ, Госдеп, Адм. През. (высший уровень компетентности, хранилище гос. секретов);
2. Механизм попадания инф. в публ. пространство: **кража** (всегда один и тот же);
3. Кто выкрал инф.? – сотрудник разведки, госдепа, агенты спецслужб, имена которых нельзя разглашать;
4. Физическое лицо, через которого инф. легализовалась в публичном пространстве: **романтик-идеалист, борец за справедливость** (Ассанж, Сноуден, независим. журналисты – реальные люди);
5. Почему не публикует все материалы сразу, а **вбрасывает их частями**? Ответ: большой объем, долго анализировать.

**TOP
SECRET**

Противодействие информационным атакам в России

Международный уровень:
создание Киберполиции БРИКС
(Совет Безопасности РФ)

Национальный уровень:
ЦЕНТР ИНФОРМАЦИОННЫХ
ОПЕРАЦИЙ

- обеспечение информационной безопасности первых лиц государства, отражение информационных операций и атак, направленных на первых лиц (президента, премьера, др.), планирование и реализация собственных операций и контропераций информационной войны;

- контридеологическая и контр-пропагандистская борьба с идеологами цветных революций, в том числе в социальных сетях;

- мониторинг политической активности и протестных настроений в информационном пространстве; и др.

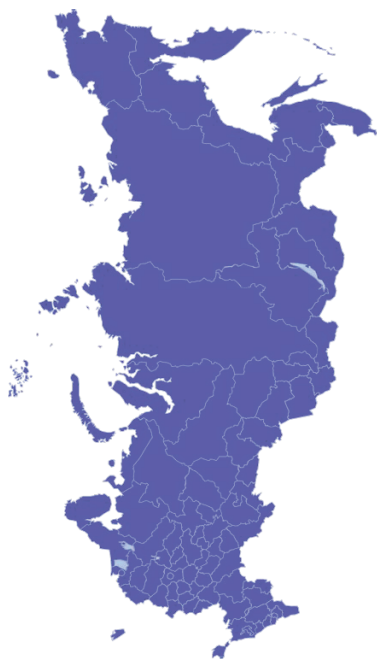
Ведомственный уровень:
Система специальных структурных подразделений

Задачи:

обеспечение **СОБСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ** руководства федерального ведомства

ведомства

(защита от информационных атак, в том числе – внутренних, мониторинг и разведка в информационном пространстве, выявление угроз и признаков подготовки информационных атак и кампаний; и др.)

Внутренний уровень: ?

1. МО - созданы силы информационных операций; **2. ФСБ** – отдел по «мониторингу» информационного пространства, нацеленный на борьбу с технологиями цветных революций в социальных сетях; **3. Роствardia** - на базе Новосибирского университета начаты (в экспериментальном порядке) набор и обучение нескольких групп курсантов по направлению «информационная война: отражение информационных атак».

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Фельдман Павел Яковлевич

*Кандидат политических наук, доцент кафедры философии
и социологии «Академии труда и социальных отношений»,
Эл. почта: pavelfeld@mail.ru*

Аннотация. В данной статье предпринята попытка концептуализации феномена демократического контроля применительно к российским социально-политическим реалиям. Автор приходит к выводу о том, что на современном этапе имеет место своеобразный парадокс: политическим руководством страны выдвигается тезис о необходимости полноценного делегирования контрольных функций институтам гражданского общества, однако стремление бюрократии противодействовать этой инициативе на местах оказывается практически непреодолимым. Как следствие: за обществом прочно закрепляется статус пассивного созерцателя, не способного оказывать существенного влияния на процесс принятия политико-управленческих решений органами власти.

Ключевые слова: демократический контроль, общественный контроль, российская политика, гражданское общество, обратная связь.

Feldman Pavel Jakovlevich

*Candidate of political sciences, the associate professor of the department of philosophy and political science
of the «Academy of labor and social relations»*

RUSSIAN MODEL OF DEMOCRATIC CONTROL: THE CURRENT STATE AND PROSPECTS OF EVOLUTION

Abstract. This article attempts to conceptualize the phenomenon of democratic control in relation to Russian socio-political realities. The author comes to the conclusion that there is a kind of paradox at the present stage: the political leaders of put forward the thesis about the need for delegation of control functions to the institutions of civil society, but the desire of the bureaucracy to oppose this initiative on the ground level is almost insurmountable. As a consequence, the society is firmly entrenched in the status of a passive contemplator who is not able to influence on the process of policy making.

Key words: democratic control, public control, Russian politics, civil society, feedback.

Летом 2017 г. на площадке Петербургского международного экономического форума прошло заседание панельной секции «Государство и общество: новые подходы к открытому диалогу», в ходе которого между политиками, экспертами и представителями третьего сектора развернулась полемика о статусе и функциях гражданского общества в процессе управления государством. Остроту и пафос состоявшейся дискуссии в полной мере отражает реплика главного редактора «Эха Москвы» А.А. Венедиктова: «Общество в отношении власти — это равноправный партнер, независимый контролер или пассивный зритель?» [1]. Вот уже более 20-и лет этот краеуголь-

ный вопрос стоит перед российским политологическим сообществом, и надеяться на его скорое прояснение в ближайшей перспективе не приходится. Однако отправной точкой на пути к разрешению настоящей дилеммы, с нашей точки зрения, могла бы стать концептуализация феномена «демократического контроля» применительно к социально-политическим реалиям современной России.

С момента распада СССР и вплоть до середины 2000-х гг. научная рефлексия по поводу тенденций и перспектив развития демократического контроля в России сводилась к обоснованию необходимости заимствования американ-

ского и европейского опыта его реализации. Данный период становления отечественной политологической мысли характеризуется сакрализацией институтов и практик, обеспечивающих надзор со стороны гражданского общества за деятельностью государственных органов. К концу 2000-х — началу 2010-х «восторженное» отношение исследователей к рассматриваемому феномену сменилось на скепсис, достигший своего апогея на современном этапе. Консервативно ориентированная часть российского экспертного сообщества постепенно укрепляется во мнении о том, что отсутствие институтов демократического контроля служит конкурентным преимуществом авторитарных держав, где процесс принятия и реализации политических решений обретает динамизм благодаря своей закрытости для любого воздействия извне. В данном контексте демократический контроль предстает как некий барьер, препятствующий оперативной реакции государства на возникающие перед ним угрозы и вызовы времени. Впрочем, сторонники подобной позиции допускают партнерский характер отношений между властью и гражданским обществом в тех случаях, когда последнее играет роль проводника и воплотителя инициатив правящей элиты.

С точки зрения идеологически нейтрального системного подхода, демократический контроль отождествляется с функцией обратной связи, посредством которой объект (общество) регулирует деятельность управляющего им субъекта (государства). Следовательно, наличие развитых механизмов демократического контроля может рассматриваться как неотъемлемое условие институциональной устойчивости и стабильности политической системы. В данном ключе частичное делегирование контрольных функций институтам гражданского общества представляется экономически целесообразной и политически оправданной мерой, направленной на повы-

шение эффективности управления государством. Однако смысловая многогранность понятия «контроль» вносит элемент неопределенности в интерпретацию соответствующего феномена. Не вполне корректным представляется отождествление демократического контроля с общественным надзором за реализацией государственной политики. Суть последнего, на наш взгляд, сводится к формальной процедуре мониторинга законности установленных процедур и мероприятий. Частным случаем демократического надзора можно считать работу наблюдателей на выборах. В этом же синонимическом ряду располагается понятие «общественная экспертиза», используемое для обозначения процедуры независимой оценки проектов политико-управленческих решений гражданскими институтами. Экспертиза, в отличие от контроля, носит преимущественно рекомендательный характер, а ее результаты (заключения, предложения, ходатайства и т.д.) не обязательны к учету органами власти. Таким образом, под *демократическим контролем* мы предлагаем понимать реализацию институтами гражданского общества комплекса политико-управленческих полномочий по выявлению, учету и устранению отклонений реализуемого государством курса от подлинных интересов граждан и норм существующего законодательства.

До сих пор остается открытым вопрос о правомерности отождествления феноменов демократического и общественного контроля. Полагаем, что при всей семантической близости соответствующих терминов между ними существуют весьма принципиальные различия. Первое понятие, будучи более широким и многогранным, включает в себя формализованный мониторинг деятельности органов исполнительной власти со стороны парламентариев и политических партий. Субъекты партийно-парламентского контроля интегрированы

в систему государственных институтов, что наделяет их внятным политико-правовым статусом и достаточно широкими полномочиями. Ключевыми формами реализации подобного контроля служат депутатские запросы, интерpellации, парламентские расследования. Общественный контроль, как правило, осуществляется негосударственными акторами, чьи полномочия и функции сводятся к оказанию внешнего воздействия на органы власти. Подобная деятельность ведется гражданскими активистами, средствами массовой информации, некоммерческими организациями, экспертными советами при министерствах и ведомствах, а также иными органами общественного представительства.

Публичная дискуссия о роли и статусе гражданского общества в современной России сводится, главным образом, к оценке эффективности существующих механизмов демократического контроля. На сегодняшний день с высокой долей вероятности можно утверждать, что в нашей стране заложен институциональный фундамент для реализации данного направления, однако на практике *контроль* нередко подменяется принудительной общественной легитимацией политико-управленческих решений, ниспускаемых по вертикали власти. Данная проблема усугубляется организационным ослаблением, маргинализацией и даже радикализацией оппозиционно настроенных представителей «третьего сектора», которые от правозащитной деятельности все чаще переходят к организации политических провокаций. Принятый в 2014 г. по инициативе Президента РФ В.В.Путина Федеральный закон «Об основах общественного контроля» наделяет достаточно широкими полномочиями экспертно-совещательные советы при органах власти и Общественные палаты. Однако низкий уровень доверия граждан к подобным структурам, подтвержденный целым рядом социологических исследо-

ваний, ставит под сомнение не только их легитимность, но и способность артикулировать насущные интересы широких слоев населения. Кроме того, повышенная роль государства в формировании Общественных палат не позволяет охарактеризовать их как подлинные субъекты демократического контроля. С другой стороны, инерционное развитие институтов коллективной самоорганизации граждан вынуждает власть «в ручном режиме» выстраивать систему общественного представительства по принципу иерархического подчинения и вертикальной интеграции. Как следствие, культивируются симулякры институтов гражданского общества, при помощи которых государство опосредованно контролирует само себя.

Следует, однако, признать, что политическая лояльность не всегда служит преградой для эффективной реализации общественного контроля. В частности, Общероссийский народный фронт, занимающий пропрезидентскую позицию, на сегодняшний день весьма успешно осуществляет мониторинг выполнения «Майских указов» В.В. Путина, выявляет значительное число нарушений при проведении госзакупок, а также информирует федеральную власть о случаях коррупции и злоупотребления должностными полномочиями на местах. Идеино-политическая ориентация данной организации служит гарантом учета ее позиции в процессе принятия политико-управленческих решений органами власти. Перехватывая проблемную повестку у оппозиционных структур, Народный фронт задает тональность правозащитного дискурса и служит системой «раннего оповещения» о назревших социально-экономических проблемах. При этом в современной России не констатируется должной степени вовлеченности рядовых граждан в процесс реализации общественного контроля, что обуславливается не только информационной закрытостью институтов

власти, но и низким уровнем политико-правовой грамотности населения. Дабы смягчить абсентеистские тенденции, приобретающие на современном этапе устойчивый характер, «Открытое правительство» во главе с министром М.А. Абызовым пытается качественным образом преобразовать информационно-коммуникационную инфраструктуру диалога между властью и российским обществом. В частности, государством предпринимаются определенные меры по выводу общественной экспертизы законопроектов в виртуальную среду. Однако официальные Интернет-ресурсы (портал государственных закупок, сайт regulation.gov, тематические форумы на страницах Общественных палат и экспертных советов) предлагают своей аудитории довольствоваться пассивным наблюдением за процессом принятия политико-управленческих решений.

Несколько наивно было бы ожидать того, что политический класс современной России добровольно простимулирует ускоренное внедрение и развитие механизмов независимого контроля, поскольку данный процесс сопряжен с неизбежным отчуждением части политико-управленческих функций в пользу гражданского общества. Постсоветская бюрократия по-прежнему рассматривает потенциальное вмешательство негосударственных субъектов в процесс реализации государственной политики как посягательство на ее суверенное право управлять страной. При этом на практи-

ке степень неприятия тех или иных форм демократического контроля со стороны чиновничества обратно пропорциональна иерархической позиции должностных лиц в системе власти. В этой связи можно констатировать некий парадокс: с одной стороны, Президентом и высшим политическим руководством страны выдвигается четкий тезис о необходимости интенсификации диалога между властью и обществом, а с другой — бюрократическое противодействие данной инициативе оказывается практически непреодолимым. Особенно остро данная проблема ощущается на локальном и региональном уровнях.

С высокой долей вероятности можно предположить, что дальнейшая эволюция российской модели общественного контроля будет осуществляться в рамках политико-сетевой парадигмы. Монопольное право на публичный мониторинг эффективности реализуемого курса останется прерогативой узкого круга негосударственных субъектов, входящих в политическую сеть, ядром которой выступает правящая элита, а периферией — Общественные палаты, экспертно-аналитические советы, профессиональные союзы традиционного типа, проправительственные НКО и фабрики мысли. Избранная властью концепция «управляемого контроля» останется практически безальтернативной в условиях, когда государство не желает, а само общество и не требует либерально-демократических преобразований.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Официальный сайт Петербургского международного экономического форума. URL: <https://www.forumspb.com/ru/2017/sections/68/materials/351/sessions/1784#translation>
2. Общественную палату признали неэффективной // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/02/15/677735-eksperti>

КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И СПОРЫ В ГОРИЗОНТАЛЬНОМ СРЕЗЕ

Цветкова Ольга Викторовна

Доцент, кандидат политических наук,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Эл. почта : tsvetkovaov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается политико-территориальная структура Кавказского региона. Поднимается проблема внутривосточных территориальных конфликтов в отношении спорных территориальных ареалов и прохождения субнациональных границ субъектов РФ на Северном Кавказе.

Ключевые слова: Кавказский регион, территориальный конфликт, территориальный спор, этнотерриториальный конфликт, межнациональные отношения, субнациональные границы, Северный Кавказ.

Tsvetkova Olga Viktorovna

Associate Professor, Candidate of Political Science,

Lomonosov Moscow State University

CAUCASIAN REGION: TERRITORIAL CONFLICTS AND DISPUTES IN THE HORIZONTAL CUT

Abstract. the article discusses the political-territorial structure of the Caucasus region. Special attention is paid to geopolitical and ethnic specificities of the Caucasus region. Raises the problem of in-country territorial disputes in the disputed territorial areas and the passage of subnational borders of subjects of the Russian Federation in the North Caucasus.

Key words: Caucasian region, a territorial conflict, territorial dispute, territorial conflict, ethnic relations, sub-national borders, the North Caucasus.

Кавказ рассматривается как один из важнейших геостратегических регионов. В геополитическом отношении Кавказский регион разделен на две части: Северный Кавказ и Закавказье. Северный Кавказ входит в состав Российской Федерации и включает Предкавказье (Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края) и республики Адыгея, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию, Северную Осетию и Чечню. Территория Закавказья расчленена на три самостоятельных национальных государства: Армения, Азербайджан, Грузия.

Кавказский регион представляет собой огромную многонациональную и многоконфессиональную территорию, где слились интересы многих ве-

душих государств мира. На Кавказе проживают малочисленные народы, которые имеют друг к другу претензии территориального характера, а межрегиональные конфликты подогреваются этническими противоречиями на данных территориях.

Северный Кавказ имеет чрезвычайно сложную и неоднородную внутреннюю политико-территориальную структуру, на территории проживает многоэтнический состав населения, где традиционно происходит контакт различных культур и ярко выражена территориальная идентичность.

На протяжении XX в. на Северном Кавказе отмечено более сорока территориальных переделов. Каждый из них, решая одну проблему, одновременно породил другую. Изменения в этно-

территориальном устройстве осуществлялись как в горизонтальном срезе (изменение границ), так и в вертикальном (изменение статуса национально-территориальных образований).

Региональные особенности Кавказского региона связаны с напряженными межнациональными отношениями. Это подтверждается конфликтами в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Абхазии, взаимоотношениями между Грузией и Россией, Азербайджаном и Арменией.

Территориальные конфликты и споры в Кавказском регионе актуализированы в связи с особенностями субнационального пограничья. К специфическим особенностям следует отнести: геополитическое положение субъекта РФ, межнациональные отношения, размытые этнические границы, наличие института национально-территориальной автономии.

Территориальные конфликты представляют собой столкновение сторон субъектов РФ по поводу размежевания территории, относительно изменения субнациональных границ, а также спор относительно прав населения проживать, владеть или распоряжаться данной территорией.

Внутристрановой территориальный конфликт характеризуется тремя элементами: участниками — субъектами РФ, наличием оспариваемой субнациональной границы и спорного территориального ареала, четким совпадением объекта и предмета территориального спора. В большинстве территориальных конфликтов присутствует две стороны, однако возможны случаи, когда стороны увеличиваются по причине расположения спорного территориального участка, находящегося на стыке нескольких субнациональных границ субъектов РФ. Основания территориальных конфликтов разнообразны, среди них: улучшение геополитического положения с точки зрения расширения территории,

стремление завладеть ресурсами территории.

В представлении автора территориальные споры основаны на обоснованиях изменений субнациональных границ субъектов РФ путем мирного присоединения на основе права к другому административно-территориальному образованию (субъекту РФ) [2]. Под территориальным спором подразумевается столкновение сторон по поводу принадлежности какого-либо территориального ареала. Территориальный конфликт носит более выраженный характер с применением силы конфликтующих сторон в отношении спорного территориального ареала.

В политической науке территориальные конфликты классифицируются следующим образом. Г. Козырев указывает на следующие типы конфликтов по признаку территории проживания и наличия или отсутствия государственных, а так же административных границ:

- ▶ межгосударственные, региональные конфликты между этносами, разделенными административной границей в рамках единого государства (например, карабахский или осетинский в рамках СССР);
- ▶ конфликт между центром и регионом (например, грузино-абхазский и молдово-приднестровский конфликты);
- ▶ местные конфликты [3].

Классификация территориальных споров во многих источниках разделяется на два вида: спор о положение линии границы и спор о принадлежности определенного участка территории [4].

Северный Кавказ является многонациональным и многоконфессиональным регионом. Следовательно, территориальные конфликты и споры связаны с этнополитической составляющей. В тоже время, следует уточнить, не каждый территориальный конфликт является этническим. Этнический конфликт

представляет спор между этническими общностями, т.е. этносами и этнические группы. Этнотерриториальный конфликт трактуется как притязания этнической общности на территорию и ее границы другой этнической группы. Причем данное территориальное притязание в основном носит острую форму противостояний и противоборств.

События последнего времени на Северном Кавказе наглядно демонстрируют ряд требований об изменении субнациональных границ субъектов РФ или выходе муниципального образования или этнической группы из состава субъектов Северного Кавказа. Например, протест против выхода Адыгеи из Краснодарского края в связи с провозглашением ее республикой выразился в возникновении требования о переходе Майкопского района с преимущественно русским населением «назад» в Краснодарский край. Впоследствии обсуждался вопрос о возможности изменения субнациональных границ и присоединения Республики Адыгеи к Краснодарскому краю, что вызвало резко негативную оценку республиканского руководства. Кроме того, поднимался вопрос и об образовании Абазинского административного района в составе Ставропольского края.

При этом важно заметить, что политика федерального центра направлена на консервацию субнациональных границ субъектов Кавказского региона, так как изменения повлекут за собой эскалацию насилия. В результате некоторые национальные движения нашли способ достичь своих требований в рамках действующей административно-территориальной системы. Так например, в составе Карачаево-Черкесской Республики в 2006 г. появился Абазинский, а в 2007 г. — Ногайский районы.

Современная политическая практика в отношении территориальных конфликтов и споров по вопросам субнациональных границ субъектов РФ

демонстрирует курс на укрепление государственности, что привело к системе федеральных округов.

В 2000 году территория Северного Кавказа вместе с Нижним Поволжьем вошла в состав Южного федерального округа с центром в Ростове-на-Дону. Однако осознание неэффективности сложившейся системы управления и нарастание многочисленных этнополитических и социально-экономических проблем развития региона вызвали поиск новых форм административно-территориального устройства на Северном Кавказе. Следствием этого явилось решение в 2010 году об изменении системы федеральных округов. Был создан восьмой Северо-Кавказский федеральный округ с центром в Пятигорске, а глава был наделен особыми полномочиями. Данные преобразования позволяют судить о новых тенденциях в развитии региональной системы управления, попытках найти его более эффективные формы. Таким образом, Северный Кавказ на протяжении десяти лет уже дважды поменял свою административную принадлежность.

Выделим конфликтогенные факторы и субнациональные конфликтные ареалы на Северном Кавказе.

Ставропольский край характеризуется высокой полиэтничностью, консервативным сознанием и тенденцией к территориальному обособлению по этническому признаку и тяготением к национально-культурному сегментированию. Конфликтогенность усилилась в 2010 году в связи с выходом Ставропольского края из состава Южного федерального округа и вхождением в Северо-Кавказский федеральный округ.

В 2013 году население Невинномыска Ставропольского края выступили с просьбой перехода из состава Северо-Кавказского округа в состав Южного федерального округа по причине высокой криминогенной обстановки в соседних национальных республиках.

На сегодняшний день между Ставропольским краем и республикой Дагестан наблюдается субнациональный спор по использованию земель (пастбищ) на востоке Ставропольского края переселенцами из Дагестана. Следует отметить, что внутренние субнациональные границы не имеют наглядного или внешнего проявления в пространстве (нелинейность границы) в связи, с чем проблема породившая конфликт не нашла своего разрешения. На данном этапе спор удастся сдерживать на уровне «конфликта элит». Данное противостояние пока не перешло в масштабный этнический конфликт, хотя есть все предпосылки для этого в дальнейшем, так как проблема использования пастбищ на востоке Ставропольского края конфликтогенна и носит межэтнический характер.

Этнотерриториальные проблемы на уровне республики возникли в Карачаево-Черкесии по вопросу несправедливого установления границ муниципальных образований. Протесты выражались в основном среди населения абазинцев. Образование Ногайского административного района рассматривается лидерами ногайцев как первая победа на пути создания Ногайской республики.

В Карачаево-Черкесской республике проживает более 80 национальностей, характеризуется данный субъект активным миграционным оттоком русского населения в Ставропольский край или на территорию СКФО. В 2010 году создание СКФО вызвало неоднозначную реакцию население республики, жители восприняли создание округа настороженно, обвинив федеральные власти в ограждении проблем русского населения на Северном Кавказе. Таким образом, на данной территории возник иной вид конфликта как «конфликт вхождения в округ». Население черкесы восприняли создание округа как положительный фактор, причем посчитав, неприемлемо разделение трех республик, населенных адыгами, по двум округам — ЮФО и СКФО.

Территория Кабардино-Балкарской республики разделена на три зоны по природно-географическому положению. Каждой зоне свойствен свой ареал расселения по этническим группам Кабардино-Балкарии: русские проживают в городах республики (Майнский и Прохладненский районы); кабардинцы в равнинной части республики и балкарцы в предгорных и горных частях республики. На территории республики существуют межобщинные разногласия по вопросу земель, культивирующие этническую и межэтническую напряженность. С 2005 года поднимается вопрос о границах муниципальных образований в рамках выполнения Федерального закона 131 «О местном самоуправлении». В Кабардино-Балкарии балкарцы протестуют против включения своих территорий в состав муниципалитетов с преимущественно кабардинским населением. Аналогичные требования раздела административных районов на этнически однородные сохраняются и в других республиках.

Конфликтогенным фактором в республике Осетия-Алания выступают осетино-ингушские отношения народов. В территориальном отношении остается проблема для вынужденных переселенцев-ингушей в частично или полностью «закрытые» населенные пункты, такие как Октябрьское, Ир, Чернореченское, Терк, Южный и Владикавказ (полностью), Камбилеевское, Тарское и Чермен (частично). Переселение ингушей на данные территории не осуществляется из-за несогласия местных жителей-осетин. В данном случае внутри субъекта территориальный конфликт возникает из-за взаимного недоверия двух народов и последствий осетино-ингушского конфликта.

На этнополитическую ситуацию республики Ингушетия влияют отношения с соседними субъектами в СКФО, прежде всего с Чеченской республи-

кой, Республикой Северная Осетия и Республикой Дагестан. Одной из проблем республики Ингушетия является вопрос об урегулировании отношений с соседним субъектом — республикой Северной Осетией. Конфликтная ситуация связана с осетино-ингушским конфликтом 1992 года, когда население (чеченцы и ингуши) были депортированы в Среднюю Азию и чечено-ингушская автономия была упразднена. Осетино-ингушский конфликт был первым в России вооруженным этно-территориальным противостоянием. В настоящее время большинство требований одной из сторон конфликта не снято и не получило разрешения. Конституция республики Ингушетия законодательно закрепляет в качестве приоритета республиканской политики возвращение «отторгнутых территорий», то есть Пригородного района, который относится к Северной Осетии. На данном этапе этот конфликт не разрешен и находится в «замороженном» состоянии.

Межрегиональные споры по вопросам субнациональных границ неоднократно высказывала Чечня (в отношении Новолакского района Дагестана как территории проживания чеченцев-аккинцев) и республика Адыгея (в отношении районов Краснодарского края, населенных шапсугами).

Следует отметить, вопрос территориального размежевания и субнациональных границ особо актуализировался в 2012 году между Чеченской Республикой и республикой Ингушетия. Глава и руководство Чеченской республики заявили о законном праве на Сунженский и часть Малгобецкого районов республики Ингушетии, при этом опираясь на архивные документы, которые доказывают принадлежность этих районов к территории Чеченской республики. Глава Ингушетии поддержал вопрос демаркации субнациональных границ между республи-

ками. Данное обстоятельство вызвало общественный резонанс среди населения республик, предпринимались попытки научных сообществ и политических деятелей через архивные документы определить историческую принадлежность данной спорной территории.

Обратимся к исторической справке. В декабре 1992 года Чечено-Ингушскую АССР разделили на Чечню и Ингушетию при этом внесли соответствующие поправки в конституцию РСФСР. Согласно закону «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» в 1992 году четких субнациональных границ не было проведено. В июле 1993 года между руководством республик было принято Соглашение «Об определении государственной границы между Чеченской Республикой-Ичкерия и республикой Ингушетией». В результате под юрисдикцию Чеченской Республики переданы следующие населенные пункты из Сунжунского района (Серноводская, Ассиновская, Чемульга, Аршты, Карабулак, Троицкая, Нестеровская, Орджоникидзевская); из Малгобецкого района (Вознесенновская, Акки-Юрт, Новый Редант). Процесс становления субнациональных границ был приостановлен началом военных действий в Чеченской республике и на данном этапе вопрос границ остается открытым.

Населением республики Ингушетия вопрос изменения субнациональных границ воспринимается крайне негативно, это объясняется тем, что население Чечни и Ингушетии не хотят принимать участие в территориальном конфликте. Вопрос урегулирования конфликта поднимался неоднократно на протяжении последнего времени, выдвигались предложения ряда исследователей о повторном объединении двух республик.

Отметим, если территориальный спор будет продолжаться, подобные процессы распространятся на соседние субъек-

екты Северного Кавказа, в частности вопрос территориальных разногласий возникнет по пригородным Маздокскому району республики Северная Осетия-Алания, Шелковскому и Надтеречному району Чеченской республики.

Межэтнические предубеждения жителей Чеченской республики носят конфликтогенный характер, что порождает множество групповых и межличностных конфликтов. Неурегулированность вопроса установления субнациональной границы между Чеченской и Республикой Ингушетия порождает напряженность, что провоцирует конфликты между двумя республиками. Проблема спорной территории Ауховского района рассматривается как внутрисубъектный вопрос республики Дагестан, но имеет особое влияние на общественное настроение чеченского населения.

Проблема обеспечения стабильности и безопасности в республике Дагестан связана с оттоком русского населения с территории республики. Проблема восстановления Ауховского района республики Дагестан затрагивает интересы четырех этнических групп: дагестанских чеченцев (чеченцев-акинцев), лакцев, аварцев и кумыков. Обращаясь к исторической справке в 1944 г. из Чечено-Ингушской АССР дагестанское население (чеченцы-акинцы) были депортированы в Центральную Азию. Ауховский район Дагестана был ликвидирован, села переименованы и заселены лакцами, в результате образовался Новолакский район. В 1980-х годах проблема переселения и реабилитации репрессированных народов была поднята вновь с требованием восстановления Ауховского района. Попытки реализации этих требований выдвинули на поверхность целый ряд этнонациональных и территориальных противоречий между чеченцами, акинцами, кумыками, аварцами и лакцами. Правительство республики Дагестан дало согласие и восстановление района началось

с 1990-х годов по 2010 г. Реализация программы населения была прекращена в связи с нехваткой и задержкой финансирования.

Отметим: отношение Чеченской Республики к бывшему Ауховскому району или к ныне существующему Новолакскому району республики Дагестан не выдается как претензия на территорию. В данном случае речь идет не о желании присоединить территорию, а о восстановлении старого названия района, в котором проживают чеченцы-акинцы.

В 2013 году население Невинномыска Ставропольского края выступили с просьбой перехода из состава Северо-Кавказского округа в состав Южного федерального округа по причине высокой криминогенной обстановки в соседних национальных республиках.

Итак, учитывая Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года необходимо актуализировать ценности «стабильности» с преобладанием межкультурной коммуникации для сохранения и развития этнокультурного многообразия народов России. Создать территориальную систему мониторинга, разработать индикаторы и показатели эффективности и оценить по ним ситуацию в каждом субъекте Кавказского региона. При этом необходимо учитывать конфликтогенные факторы, лежащие в основе возникновения внутривосточного территориального конфликта/ спора: географическое тяготение территории субъекта, экономические ресурсы спорного участка субъекта, историческая принадлежности территории субъекта; статус административно-территориальной единицы, связанный с изменением, упразднением и слиянием автономии; отсутствие автономии в национально-государственном образовании; разделенность субнациональными границами этнических групп с целью воссоединения по этническому, историческому, конфессиональному признакам [5].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Тишков А. Осетино-ингушский конфликт / Часть первая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vvvaу.net/publ/analitika/tishkov_v_a_osetino_ingushskij_konflikt_92_chast_pervaja/5-1-0-23
2. Цветкова О.В. Границы и межрегиональные отношения в политико-территориальной структуре России: технологии моделирования. — Ульяновск: 2016. — 384 с.
3. Козырев Г. И. Введение в конфликтологию. М: 2001. — 154 с.
4. Клименко Б.М. Мирное решение территориальных споров. М: 1982. — 183 с.
5. Карпович О.Г. Современные международные конфликты и конфликтные противоречия в формирующемся многополярном мире // Тренды и управление. 2016. № 2. С. 153-161.

РЕГИОНАЛИСТИКА

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ В МЕКСИКЕ: ОТ ПРЕИСПАНСКОГО НАСЛЕДИЯ К СОВРЕМЕННОСТИ¹

Проценко Анна Евгеньевна

*Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра Полис,
Институт Латинской Америки РАН.
Эл. почта: anaprotsenko@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена особенностям геополитического видения Мексики и процессу становления национальной геополитической школы. Аргументация работы начинается с определения места геополитических исследований в российской политической науке, а также того внимания или, напротив, недостатка внимания, которое уделяется латиноамериканской геополитике, в общем, и мексиканской геополитике, в частности.

Ключевые слова: геополитика, геополитическое видение, национальная школа геополитики, Мексика, геополитический код.

Protsenko Anna Evgenievna

PhD (Political Studies), senior research fellow in Center Polis at the Institute of Latin America, Russian Academy of Science

GEOPOLITICAL VISION IN MEXICO: FROM PRE HISPANIC ERA TO THE PRESENT TIMES

Abstract. The article presents the research of the peculiarities of Mexican geopolitical vision and the formation of the national geopolitical school. The argumentation of the work starts with the explanation what place does geopolitics take in within the Russian political science? It is important to evaluate the existed attention or, on the contrary, the lack of attention paid to Latin American geopolitics, in general, and Mexican geopolitics, in particular.

Key words: geopolitics, geopolitical vision, nation school of geopolitics, Mexico, geopolitical code.

Геополитика в российских политических исследованиях. Геополитика продолжает составлять благодатную почву для дискуссий в российском академическом и экспертном сообществе. В первую очередь на себя обращает внимание частота использования слова «геополитика» или «геополитический» в достаточно широком контексте, что нередко означает не обращение к термину, введенному в научный оборот, а выбор эдакого красного словца. Как отмечает доктор философских наук, профессор из Н.С. Розов, в обществе присутствует негативное отношение к геополитике, появившееся по причине устоявшегося мнения, о непосредственной взаимосвязи между последней и идеологией. Отечественные исследователи, чьи цитаты приводит

Н.С. Розов, вносят свою лепту в процесс цементирования негативного представления об интересной, современной синтетической дисциплине[2]. Другой российский исследователь А.А. Байков пишет, что любые связи с геополитикой в «респектабельном политологическом мейнстриме» в постсоветской России расценивались неприличными[3]. Подобное состояние сохраняется по причине недостаточного знакомства с современными зарубежными разработками, да и подчас отечественными публикациями в области геополитики. Они привнесли любопытный и свежий взгляд на географию, политический процесс, пространство и территорию.

«Пророков в своем Отечестве» условно и обобщенно можно разделить на два

больших лагеря. Первый из них наиболее звучен в силу популярности авторов, связанный с их активным присутствием в информационном поле, а нередко и политической карьерой (А.Г. Дугин, В.В. Жириновский и другие). Хотелось бы отметить только один момент, что этих авторов объединяет традиционный подход к геополитике, нередко выражавшийся в имперском экспансионизме или отношению к территории, как исключительно физической категории. Несмотря на использование в своих работах термина «постмодерн», складывается впечатление, что концептуальный переход к другим методам, а, что еще более важно, к другому научному подходу (критическая геополитика), для них пока не произошел или ими не разделяется[4].

Несмотря на часто звучащую критику, что «отечественная школа геополитики» не сложилась, а этот термин может использоваться только как исторический и обобщающий для работ российских философов, географов и историков, работавших на рубеже XIX-XX вв., вторую группу составляют исследователи из академического сообщества, работавшие и работающие сегодня на стыке геополитики, политической географии, геоистории, истории и теории международных отношений (В.Л. Цымбурский, В.А. Колосов, Н.С. Мироненко, И.Ю. Окунев, М. Ильин, Б.А. Исаев и др. [5]).

Любопытным представляется тот факт, что российская геополитическая школа развивается настолько в ногу с современной критической геополитикой, в результате чего зеркально повторяет те ее особенные черты, которые критики дисциплины нередко относят к разряду ее слабостей[6]. В первую очередь это касается особого национализма дисциплины, который можно проиллюстрировать фразой «патриот в квадрате». Это означает, что авторы стремятся к поиску закономерностей и созданию обобщающих конструкций, отталкиваясь, в первую очередь, в своих штудиях от страны

проживания или принадлежности с точки зрения ее интересов и особенностей или представляют компаративные работы, сравнивая внешние кейсы с родной. Опосредованным выводом к этой закономерности, подмеченной британским профессором геополитики К. Доддсом[7], является помимо ориентации на свою родину также превалирование *европоцентризма* в размышлениях исследователей. *Европоцентризм* в данном случае означает или повышенное значение, отводимое европейским «большим пространствам»/«ключевым зонам», или оперирование концепциями, предложенными европейскими авторами или теоретиками из США. Складывающаяся в результате картина мира продолжает недосчитывать или не учитывать важность «больших пространств» за пределами традиционных зон и не принимать в расчет оригинальные идеи авторов, живущих за пределами стран «золотого миллиарда». В свое время аргентинский исследователь К. Эскуде совершил прорыв в развитии политической науки, введя в научный оборот термин «периферийный реализм»[8]. Он расширил теоретические наработки реалистской парадигмы и обосновал, казалось бы, простую истину, что у малых сил международной системы есть свои интересы, а их реализм подчиняется другим законам, отличным от правил поведения для сильнейших акторов, описанных классиком Г. Моргантау. Согласно этой же логике в развитии дисциплины «геополитика» уже произошел методологический переход в сторону новой или критической геополитики, оперирующей постструктуралистским взглядом на изучаемый объект. Тем не менее, наблюдается определенное географическое отставание исследователей укрупнить фокус своего внимания вслед за расширением линзы охвата глобализирующегося мира. Отставание само по себе становится критичным по той простой причине, что раньше *европоцентризм*

совпадал с мир-системой, в которой центр системы располагался в капиталистических странах Западной Европы и США. С тех пор мир-система действительно стала глобальнее и мультицентричнее, что существенно изменило границы зоны периферии и периферии, а само распределение политической силы в пространстве значительно трансформировалось. Сохранение европоцентристского подхода во взглядах исследователей можно сравнить с микробиологом, пытающимся с помощью лупы изучать микроорганизмы в эпоху существования обычных и электронных микроскопов.

Латиноамериканская геополитика в российских исследованиях. Латиноамериканская геополитика, как общее региональное направление, и мексиканская геополитика, как частный кейс-стади, представляют собой интересный тест для отечественных и зарубежных исследователей. Возьмем для примера учебники, посвященные геополитике, на русском языке. Традиционной для них стала схема организации материала по главам, в которых читателю предложена теоретическая часть, объясняющая основную терминологию, исторический раздел, перечисляющий основных авторов и их классические труды, среди которых не получится найти ни одного латиноамериканца, а также страновой или региональный экскурс, описывающий политическую историю с точки зрения геополитики. Латинская Америка все чаще привлекает внимание авторов, включающих ее в традиционный список, ограничивавшийся прежде США, Европейским союзом, Японией, Китаем и, естественно, по *jus-soli* Россией. Региональной страной пионером, попавшей в этот своеобразный геополитический рейтинг признания, стала Бразилия.

Просматривая ряд экскурсов в геополитику региона, напрашиваются несколько выводов. Во-первых, они повторяют исторические исследования по

развитию политических процессов или становлению региональной подсистемы международных отношений. Во-вторых, авторы стремятся преодолеть историзм, заменив его выделением факторов, влияющих на развитие стран региона, среди которых чаще других перечисляются: проблема внешнего долга, добывающий характер экономик, наркотрафик, организованная преступность, низкий уровень внутрирегиональной торговли, интеграционные процессы и группы, сложившиеся в этой части мира. В-третьих, крайне редко упоминаются фамилии латиноамериканских геополитиков или оригинальные региональные геополитические разработки. Скорее всего, подобное происходит в результате излишней амбициозности задачи, когда один человек физически не может быть глубоким специалистом-регионоведом по всем регионам мира и работать с не адаптированными источниками, зачастую не переведенных на русский.

Логично обратиться к отечественной школе латиноамериканистики и российским латиноамериканистам в поисках работ, посвященных анализу латиноамериканской геополитики и геополитиков.

Наиболее изученной страной с точки зрения геополитики стала Бразилия. Многочисленные работы, созданные в стенах Высшей военной школы и посвященные изучению военно-стратегической геополитики Бразилии, привлекали внимание советских исследователей [9]. Тем не менее, работы, опубликованные в 60-70-х гг. XX в. не используют термин геополитика, не принятый в те годы в научном сообществе. Российские исследователи обратились к латиноамериканской геополитике в конце 90-х годов. Сначала она рассматривалась в качестве внутренней составляющей или контекста процесса эволюции доктрин и концепций безопасности в регионе. В своей докторской диссертации Б.Ф. Мартынов, среди латиноамериканских персоналий, работавших в этой об-

ласти, перечисляет Голбери -де-Коуто-э-Силва, А. Мейра Маттос, А. Пиночет, Х. Гульямели, Э. Меркадо Харрин[10]. Позднее отдельное внимание этот же исследователь уделил классическим темам территорий и границ посредством изучения сохраняющих актуальность в регионе территориальных конфликтов и споров[11]. Другой российский латиноамериканист, специализирующийся на внешнеполитическом анализе, доктор В.П. Сударев в 2010-2012 гг. обращался к геополитическому подходу в исследованиях, рассматривая некоторые черты региональной геополитики. Следует отметить, что в своих работах ученый выражал скептицизм в отношении оригинальности объекта исследования, а также используя перенос некоторых геополитических категорий для оценки состояния межамериканских отношений в избранный им временной отрезок[12]. В своих исследованиях, латиноамериканист П.П. Яковлев, отмечает существование геополитических эпох, геополитических конструкций и сдвигов в регионе, но также использует их, не углубляясь в детали региональной геополитической теории[13]. В определенном смысле, эссенцию традиционного отношения к региональной геополитике с точки зрения империализма или неоимпериализма США, обоснованного пару столетий назад доктриной Монро, представил украинский исследователь А.Г. Гольцев[14]. К региональной теории геополитики с новой точки зрения, опираясь на подход классической и критической геополитики, обратилась исследовательская группа молодых латиноамериканистов с 2015 года. Исследователями была сделана ставка на поиск оригинального регионального материала, а также его последующий анализ через оптику «геополитического кода» и «геополитического видения» [15].

Перипетии дисциплины геополитика. Латиноамериканская геополитика в зарубежных исследованиях.

Схожие с описанными в начале статьи сложностями использования термина геополитика мы можем наблюдать и в зарубежных исследованиях. Этим можно объяснить существующий разрыв в публикациях, посвященных геополитике после второй мировой войны. К ней возвращаются в конце 70-х — начале 80-ых годов XX в., а индульгенцию термин получает с легкой руки американца Г. Киссинджера. Следует оговориться, что геополитика может использоваться в нескольких контекстах. С одной стороны это синтетическая дисциплина, наделяющая исследователя дополнительным инструментарием для анализа международных отношений. С другой стороны, геополитика государства, региона или определенного политического процесса будет означать внутреннюю логику и ряд закономерностей, характерных для них, которые можно описать с помощью терминологии геополитики дисциплины. Говоря о геополитике, важно точно определять субъект-объектную связь и выбирать для себя уровень, в зависимости от субъекта. Четыре уровня геополитики выделил К. Доддс: политический уровень (государственные деятели, формулирующие и проводящие в жизнь внешнюю политику); военно-стратегический уровень (военные ведомства и персоналии, разрабатывающие военно-стратегические планы по обеспечению безопасности и/или развития государства); академический (исследователи и преподаватели, изучающие и преподающие дисциплину геополитика и оперирующие геополитическим инструментарием в исследованиях международных событий); обывательский уровень (упрощенные схемы, созданные предыдущими тремя уровнями и транслируемые населению в новостях, а также популярной культуре (в фильмах, книгах, аналитических передачах)) [16].

Историю развития академической геополитики можно подразделить на ряд этапов. Классический этап относится

к началу введения в оборот термина и его популяризации. Не будем повторять широко известные данные о том, как шведский ученый под влиянием трудов немецкого географа предложил новый термин геополитика. Отметим лишь, что классический этап достиг своего расцвета в Европе (ряд ярких работ представили американские авторы), тем не менее, на него исподволь повлияло Западное полушарие и его политическая история. Так, в своей лекции в университете города Киль в 1939 г. Карл Шмитт, представляя аудитории концепцию «большого пространства» (*Großraum*), для ее обоснования использовал доктрину Монро как исторический прецедент ситуации, в которой одна держава объявляет некое (обширное) пространство сферой своего исключительного влияния[17].

Европейские события Второй мировой войны надолго отправляют геополитику под запрет, но, что любопытно, в это время она переживает бурное развитие и возрастающий интерес в Латинской Америке. Это было вызвано рядом факторов. Во-первых, в странах региона с начала XX в. происходят политические перемены, которые в ускоренном социальном лифте возводят военных в высшие эшелоны управления государством. В ряде стран региона создаются специализированные военные школы и институты, для которых возникает запрос на создание геостратегических текстов, направленных на строительство нации и обеспечение ее безопасности (Бразилия, Перу, Колумбия, Эквадор, Боливия, Чили, Аргентина) [18]. Во-вторых, немецкая и итальянская миграции в Новый свет в первой трети XX в. составили крупные диаспоры в некоторых странах региона, что, в свою очередь, обеспечило присутствие настроений в обществе в Аргентине, Чили и Бразилии, симпатизирующих фашистскому и нацистскому проекту национального строительства. В-третьих, военная и послевоенная миграция принесла в регион достаточно

противоречивых новых переселенцев, для которых труды немецких теоретиков геополитиков не были табуированы.

В-четвертых, молодые латиноамериканские страны с момента завершения национально-освободительных войн, а традиционно их рубежом принято считать испано-американскую войну (1898 г.) испытывали необходимость обеспечения собственной безопасности в желаемых физических границах, а, напомним, что помимо этого у многих стран существовал образ своих желаемых границ или даже «воображаемых территорий» (воображалось в данном случае, что они должны войти в состав национальной территории). Наряду с этим молодые нации, говорящие в большинстве своем на одном испанском языке, нуждались в жестком национальном проекте или основополагающей политически заряженной идее, национальной идентичности, которая могла собрать вокруг себя определенную географическую территорию, а, что самое главное, не позволила бы ее частям отойти к соседям. Зачастую именно в этой насущной необходимости коренились истоки знаменитого латиноамериканского национализма, достаточно сильного и значимого в политической жизни стран по сей день. Попытавшись определить, кого в регионе можно удостоить пальмы первенства в разработках геополитики, будем ориентироваться на выбор самих латиноамериканских исследователей. Первым региональным геополитиком шведский профессор эквадорского происхождения А. Риварола Пунтиглиано называет испанского дипломата и исследователя Карлоса Бадия Малагрида, писавшего геополитические работы в 1919 году[19]. Геополитика постепенно распространяется в регионе, а книги, посвященные ей, появляются в Аргентине в 1919 г., в Бразилии в 1935 г., в Чили в 1944 г., в Мексике в 1945 г., в Колумбии и в Перу в 1948 г., в Боливии в 1951 г., в Эквадоре в 1957 году.

Геополитика как дисциплина возвращается из забвения в Европе, подвергается ревизионизму и академическому возрождению в конце 70-х — начале 80-х годов. В 1979 г. появляется одна из классических обзорных работ по геополитическому мышлению в Латинской Америке. Ее подготовил американский профессор и военный (родился и провел детство в Аргентине) Д. Чайлд. При достаточно краткой аналитической части этой публикации, ее особое значение заключается в детальной и обширной библиографии, подготовленной автором по каждой из избранных им 8 стран [20].

В то время как европейские и американские исследователи не только возвращаются к геополитике, но и разрабатывают новые направления в дисциплине, среди которых выделим политическую географию, политическую экономику, критическую геополитику [21], в Латинской Америке наблюдается обратная картина. Региональная дисциплина зеркально повторила европейскую судьбу геополитики. Отторжение дисциплины, вызванное в Европе трагедией второй мировой войны, в Латинской Америке происходит как следствие процессов демократических транзитов. Геополитические разработки бразильских, аргентинских, чилийских, перуанских, колумбийских военных исподволь напоминают об арестах, пытках гражданского населения и пропавших без вести — всех тех кровавых событиях, которые сопровождали военные правительства у власти. В некоторых странах, например в Чили, одиозный военный диктатор А. Пиночет был также по совместительству и основоположником национальной геополитической школы, что, не удивительно, наложило крайне негативный отпечаток на геополитику. В результате найти книгу, посвященную латиноамериканской геополитике, обзору страновых школ геополитики или развитию академической дисциплины, написанную латиноамериканцами нам не удастся до начала

XXI века. Позволим себе небольшую голословность и скажем, что в регионе наблюдается ситуация, схожая с российской. Интерес к геополитике возник заново, а слово набирает столь галопирующую популярность, что уже превратилось в модный и красивый эпитет, используемый на каждом шагу. Базовая работа, представившая взгляд со стороны на геополитическую расстановку сил в регионе, но не на развитие дисциплины, была опубликована американским исследователем Ф. Келли в 1997 году [22]. На наш взгляд, действительно фундаментальная и обобщающая монография по латиноамериканской геополитике с точки зрения развития дисциплины вышла в колумбийском издании в 2015 году [23]. Обобщая состояние латиноамериканской геополитики, немецкий профессор Д. Нолте указывает, что ее можно разделить на три крупных направления: историческое прочтение (А. Риварола Пунтиглиано), критическая геополитика (Х. Пресиадо Коронадо и П. Ук, Л. Кабрера Толедо), а также неоклассическая геополитика (С. Гуззини) [24]. По его мнению, Латинская Америка в XXI в. стала менее геополитически маргинализованной в мировой политике. Другая интересная особенность выделенная исследователем, состоит в том, что геополитическое мышление в регионе сдвинулось с национального на региональный уровень. В межамериканской системе произошли значительные перемены, с одной стороны, снизилось влияние США, выступившего гарантом невмешательства в дела американского континента, провозгласив доктрину Монро, а, с другой стороны, все больше себя проявляет новый игрок — Китай. Эти глобальные сдвиги в распределении силы происходят на фоне изменившегося значения самой Латинской Америки. Из географического, культурного или лингвистического конструкта она превращается в геополитический регион, в котором присутствуют центры силы, входящие в состав

полицентричной (многополярной) конфигурации системы международных отношений в настоящее время.

Мексиканское геополитическое видение и национальная школа. Присутствие силы в регионе, а также политически заряженных проектов и идей, выступающих осью для центростремительных сил, очевидно для самих латиноамериканцев и для исследователей за пределами региона. Латинская Америка стремится определить свое место в мировой системе международных отношений. Так, Д. Нолте выделяет среди таких политических проектов или пространственных проекций силы: Бразилию и Мексику. И Бразилию, и Мексику окрестили восходящими региональными державами, тем не менее, в геополитическом ракурсе чаще можно услышать о лидерстве Бразилии, но не наблюдается такого единогласия в отношении роли Мексики. По мнению Д. Нолте, Мексику можно считать суб-региональным центром силы, а ее влияние распространяется на компактный регион к югу от ее границы — Центральную Америку.

В XXI в. во время трех президентских электоральных циклов в Мексике вопросы внешней политики не стояли на первом плане, но в 2006 г. и 2012 г. они вывели на первый план дискуссию в среде политической и академической элиты по вопросам, какую роль страна должна играть в регионе и в мировой политике. Параллельно с этим повышается интерес к геополитике, который в академическом сообществе повлек за собой переосмысление национального геополитического наследия, попытки периодизации национальной школы и кодификации основных мексиканских геополитиков и их работы.

Важным событием в формировании центров по изучению геополитики стало создание в 2007 г. Постоянного геополитического семинара на факультете политологии и социологии Национального автономного университета

Мехико (УНАМ). Это произошло во многом благодаря личной инициативе профессора Леопольдо Аугусто Гонсалеса Агуайо, который посвятил многие годы в своей исследовательской карьере изучению политической истории Мексики с точки зрения гео-экономического подхода. В своих работах профессор неоднократно отмечал необходимость изучения в стране мирового опыта и развития геополитического знания после 70-х гг. XX века. Параллельно с этим в своих работах он последовательно сравнивает европейский и латиноамериканский опыт и приходит к выводу о необходимости развития мексиканского геополитического видения и формализации национальной школы [25]. Его перу принадлежит периодизация геоистории Мексики, которая была опубликована в работе 2007 года [26]. Исследователь предлагает разделять историю страны на 6 этапов. Первый из них называется «преиспанский период», для которого обозначена только дата его окончания в 1521 году. В нем были объединены несколько малых этапов, посвященных традициям разных преиспанских цивилизаций (Месоамерика, Ольмеки, период Теотиуакана, Тольтеки, Майя). Второй обобщил в себе пребывание территории под властью испанской короны, длившийся с 1521 по 1821 годы. За ним последовали годы, которые профессор Гонсалес Агуайо называет «хаотичные полвека независимости» (1821 — 1871 год). Четвертый период был озаглавлен «сорок лет стабильности порфириата» (период президентства Порфирио Диаса). Пятый период — «семьдесят лет ПРИ» (руководство страной одной партией ПРИ (Институционально революционная партия — ПРИ — аббревиатура на испанском языке). Пятый период длился с 1911 по 1981 год. Шестой период, начавшись в 1981 г., длится по настоящее время и был назван «периодом неолиберальных лет».

Вторым событием, положившим основу становления национальной школы, стало открытие специализации «геополитика» для кадетов Морского Университета ВМФ Мексики в 2012 году. Важно отметить, что особую роль в подготовке учебных планов, а также научное руководство профессором и преподавателем исполнял вышеупомянутый Гонсалес Агуайо. Профессорско-преподавательский состав в течение пяти лет работает в двух направлениях. Во-первых, они стремятся создать кадровый состав мексиканских ВС, который будет обладать особой теоретической подготовкой. Во-вторых, преподаватели курсов стимулированы к активной собственной исследовательской работе. Помимо нее они руководят исследовательскими проектами кадетов, в результате чего создается крупный центр геополитики в стране, аккумулирующий вокруг себя новейшие мировые наработки дисциплины, а также создающий работы, посвященные мексиканской геополитике.

Такое позднее обращение к дисциплине в стране имеет свое объяснение. Одна из причин, историческая, заключается в том негативном впечатке, который оставили события второй мировой войны. Мексика была одной из немногочисленных стран региона, кто не только объявила войну Германии, но и направила части своих ВВС для участия в зарубежных военных действиях.

Еще один важный момент, повлиявший на такое положение дел, связан с тем, что Мексика предоставила убежище испанским гражданам, беженцам гражданской войны в Испании. Многие из этих мигрантов были хорошо образованы, что позволило им работать университетскими преподавателями на своей новой родине. Испанцам принадлежит заслуга основоположников ряда значимых для Мексики научно-исследовательских центров (Эль Колехио де Мехико, Национальная школа социальных и политических исследований). Испанец

Леонардо Мартин Эчиверрия, основавший Национальную школу, называл геополитику извращенной формой политической географии, использованной немецкими географами для обоснования своей жажды захвата и наживы.

Мексика традиционно была значительным производителем печатной продукции в Латинской Америке, и речь идет не только об авторах, но и об активных издательствах. Однако публикаций, посвященных геополитике, мы находим крайне мало, сравнивая с количеством трудов в Бразилии, Аргентине, Чили или Колумбии. Политическая история Мексики в XX в. в сравнении с другими странами региона обладает одной важной особенностью. В стране со второй половины XX в. мы не встретим президентов из военных кругов, также страна избежала военных переворотов, приводивших к власти военных генералов в Центральной и Южной Америке. Следовательно, военные играли меньшую роль в обществе и политике, а стратегическое прикладное направление геополитики не пользовалось такой популярностью, как у южных соседей.

Политическое развитие Мексики определяется еще одним крайне важным фактором — непосредственным соседством с США. Страны пережили разные состояния двусторонних отношений, включая крайнюю стадию конфликта (мексикано-американская война 1847 г.), а также продвинутые стадии сотрудничества (подписание НАФТА). На протяжении этих непростых отношений Мексика, подчиняясь законам периферийного реализма, сделала для себя выбор не развивать собственную армию, а в вопросах защиты территории положиться на северного соседа. Так, в частности, Мексика стала инициатором подписания договора Тлателолко в 1967 г., объявившего Латинскую Америку зоной, свободной от ядерного оружия. Решение было принято отчасти потому, что в США уже было ядерное оружие к тому

времени, простиравшееся ядерным зонтиком на все полушарие по региональному соглашению Рио де Жанейро (Межамериканский договор о взаимной помощи 1947 года).

В интеллектуальных кругах правилом хорошего тона считалось клеймить геополитику «фашистской псевдо наукой». Среди пионеров, которые, несмотря на такие настроения, занимались геополитикой, можно выделить географа Х.А. Виво Эското, а также инженера и антрополога А. Эскалона Рамоса[27]. Отдавая дань общепринятому мнению в своих работах Виво Эското пишет о том, что геополитика это общественное течение, возникшее под влиянием нацизма и вдохновленное трудами К. Хаусхофера[28].

У этого же автора мы встречаем, что геополитика — это наука, изучающая взаимоотношения между территорией (землей, почвой) и политическими институтами. Второй ученый, Альберто Эскалона Рамос следующим образом определяет, что такое геополитика. Она является одновременно наукой, искусством и техникой совместного приложения знаний о географических, политических и исторических факторах в действиях, нацеленных на политическое доминирование над пространством. Пространство выступает в широком смысле этого слова, включающем общество, культурную сферу и экономику.

Более спокойное и взвешенное отношение к дисциплине в стране формируется уже в XXI веке. Сотрудники Морского университета в ряде работ отмечают, что геополитика — это не абстрактная дисциплина. Она должна стать теоретическим обоснованием формулирования внешней политики для «новой» Мексики, которая превращается в игрока другой лиги на мировой арене. Среди нового поколения представителей академической геополитики остановимся на работах двух авторов: М. дель П. Остос

Сетины (2010-2015) и А. Понсе Уркиса (2015) [29].

Мария дель Пилар обращается к переоценке наследия преиспанских цивилизаций, существовавших на территории страны до завоевания испанцами. Исследователь подчеркивает, что их уровень развития был достаточно высоким и характеризовался своим особым представлением о государстве в пространстве, расширению границ и контролю над территорией. Среди таких специфических черт она выделяет существование сложных политических альянсов между майяскими городами-государствами, любопытное восприятие водных преград, которые считались еще одной средой для связи с внешним миром, а не ограждением от него. Исследователь делает переносы устоявшихся в научных кругах концепций *хартленд* и *римленд* на мексиканский материал. Так, она сравнивает ацтекскую пространственную модель с поведением Венеции в Средневековой Европе. Их столица и крепость Теночтитлан сыграл роль *хартленда* в истории страны, после завоевания которого испанцы смогли контролировать всю территорию страны, известной нам под названием Мексика. Майя удостаиваются эпитета «финикийцы нового света» в силу своих способностей к мореплаванию. Важной чертой работ доктора Остос Сетины стало выделение «основополагающего мифа», который лег в основу национальной идеи для собирания земель и народов вокруг себя. В Мексике таким мифом выступила история об Ацтлане. На основе исторического материала четко прослеживается складывание концепции триграничья и идеи крестового или срединного положения страны среди двух океанов[30]. Ее коллега А. Понсе Уркиса выстраивает свои размышления, отталкиваясь от иерархии вопросов, на которые Мексика должна ответить, прежде чем создавать и проводить свою внешнюю политику. Сре-

ди них: в чем национальные интересы страны, какова судьба независимой нации и другие. В результате комплекс вопросов сводится к альтернативе: Мексика может играть роль *хартленда* Латинской Америки или *римленда* США. Сравнивая подходы двух исследователей, отметим, что они оба прекрасно владеют инструментарием классической геополитики, которую Мария дель Пилар Остос Сетина сочетает с подходами критической геополитики.

Заключение.

Мексиканский политический эстеблишмент оперирует геополитическим анализом, что прослеживается в документах, посвященных внешней политике. В последнее десятилетие специалисты по геополитике готовятся в образовательных институтах ВМФ Мексики. В силу ряда исторических событий национальная школа формируется поздно, тем не менее, институционализация центров по изучению геополитики происходит в тесном сотрудничестве между академическими кругами и военными. В работах исследователей Морского университета мы встречаем прямое обоснование предназначения геополитических исследований для современной Мексики. Она должна исполнить роль теоретической базы для формулирования и реализации новой внешней политики для новой Мексики. Образ новой страны возникает, во-первых, для закрепления дистанцирования от прежнего полуавторитарного режима партии ПРИ, переход к демократии от которого произошел по итогам президентских выборов в 2000 году. Во-вторых, статус одного из двух региональных восходящих гигантов требует осознания новой роли и адаптации внешней политики страны

к ней. В документах по внешней политике появляется новая формулировка, согласно которой Мексика — это «актор с глобальной ответственностью». Тем не менее пока рано заявлять, что внутренняя дискуссия о роли и цели страны на международной арене завершена. Идея лидерства в регионе привлекает внимание части академического сообщества и более нравится политикам и военным кругам. Геополитические исследования в этом контексте, в силу своей особой патриотичности, подсказывают им дополнительные географические аргументы в поддержку этой идеи. Срединное положение Мексики на мировой карте мира, согласно им, возникает в силу того, что она является связующим крестом сразу нескольких регионов и миров. В первую очередь она является мостом между Северной и Южной Америкой. Тем самым она напрямую соединяет так называемые «первый мир» с «третьим миром» или «мировой Север» с «мировым Югом». Помимо этого она подтягивает в зону своих интересов регион Центральной Америки. Завершает крест расположение страны между Тихим и Атлантическим океаном, что, согласно испанской традиции, позволяет через водное пространство связывать ее с Европой и АТР. Само изучение мексиканской школы и латиноамериканской геополитики, как представителей неевропейских течений, становится дальнейшим развитием критической геополитики и преодолением ее географической ограниченности. Расширение фокуса геополитики за счет неевропейских геополитических разработок будет означать, что дисциплина оперативно развивается вслед за процессами расширения глобализирующегося мира.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Статья подготовлена в рамках проекта по гранту РФФИ (РГНФ) №15-37-01216 «Геополитические коды крупнейших стран региона: элементы региональной и глобальной конфигурации системы международных отношений».

2. Розов Н.С. Геополитика как наука: отменить нельзя развивать // *Полития*. 2016. №3. http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_03_07.pdf (Дата обращения: 12.09.2017).
3. Байков А.А. Время реабилитировать геополитику?// *Полис. Политические исследования*. 2017. №1. С. 7.
4. См. например: Дугин А.Г. *Геополитика постмодерна*. М., Амфора. 2007. 384 с., Карякин В.В. *Геополитика: исследование международных проблем в эпоху постмодерна*. М., Граница. 2016. 416 с.
5. См. например: Цымбурский В.Л. *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы*. М. Российская политическая энциклопедия. 2007. 544 с.; Колосов В.А., Мироненко Н.С. *Геополитика и политическая география*. М. Аспект Пресс. 2001. 480 с.; Окунев И.Ю. *Столицы в зеркале критической геополитики*. М. Аспект Пресс. 2017. 208 с.; Ильин Б.А. *Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа политических систем. Часть 1: Основания хронополитики*. М., 1995; Исаев Б.А. *Геополитика. Учебник для вузов*. Спб., Питер. 2016. 496 с.
6. Окунев И.Ю. *Ук. Соч.* С. 20.
7. Dodds K. *Geopolitics. A very short introduction*. Oxford University Press. Second Edition. 2014. P. 85-86.
8. Escudé C. *El realismo de los estados débiles*. GEL, CFIA, Harvard University. 1995. <http://www.argentinaree.com/documentos/realismo.htm> (Дата обращения: 20.10.2017).
9. Антонов Ю.А. *Бразилия: армия и политика*. М., Наука. 1973. 256 с.
10. Мартынов Б. Ф. *Эволюция доктрин и политики безопасности латиноамериканских стран*. Докторская диссертация. М. ИЛА РАН. 1999. 299 с.
11. Мартынов Б.Ф. «Реликтовые» и потенциальные конфликты в Латинской Америке // *Международные процессы*. 2006. №11. С. 48-58.
12. Сударев В.П., Кудярова Н.Ю., Дьякова Л.В. О некоторых чертах современной латиноамериканской геополитики (аналитический доклад). <http://www.ilaran.ru/?n=689> (Дата обращения: 27.10.2017); Сударев В.П. *Геополитика в Западном полушарии в начале XXI века*. М.: МГИМО-Университет. 2012. 130 с.
13. Яковлев П.П. *Геополитические сдвиги в Латинской Америке*. http://www.perspektivy.info/table/geopoliticheskije_sdvigi_v_latinskoj_amerike_2013-05-03.htm (Дата обращения: 28.10.2017).
14. Гольцов А. Г. *Неоимперская геополитика в Латинско-Карибской Америке: современные проблемы и перспективы* // *Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения*. 2015. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/neoimperskaya-geopolitika-v-latino-karibskoy-amerike-sovremennye-problemy-i-perspektivy> (Дата обращения: 17.11.2017).
15. Проценко А.Е. *Латиноамериканская геополитика: подходы к проблеме, методология и периодизация*. <http://iberorus.spbu.ru/uploads/procenko.pdf>; Шинкаренко А.А. *Общественно-политическая мысль в Андском субрегионе в контексте теории «четвертого мира»* <http://iberorus.spbu.ru/uploads/shinkarenko.pdf>; Лосев А.И. *Геополитический код Бразилии. Генезис бразильской геополитической мысли* <http://iberorus.spbu.ru/uploads/losev.pdf>; Шелепова Ю. А. *Тихоокеанская политика Чили в период правления военных (1973-1990 гг)* <http://iberorus.spbu.ru/uploads/shelerova.pdf>; Щербаклова А.Д. *Аргентина: геополитика и национальная идентичность*. <http://iberorus.spbu.ru/uploads/shherbakova.pdf> (Дата обращения: 15.11.2017); Проценко А.Е., Шинкаренко А.А., Лосев А.И., Шитова Е. Н. *Геополитические коды стран Латинской Америки // Латинская Америка*. 2017. 12.; Shinkarenko A.A. *Teoría de “Cuarto mundo” en la geopolítica moderna: aspectos latinoamericanos* // *Iberoamerica*. 2016. № 4. С. 68-89.
16. Dodds K. *Ук. Соч.* С. 48, 119.
17. Gómez Arciniega L.A. *Entre la geopolítica y el derecho internacional: la diplomacia mexicana ante el inicio de la Guerra de Invierno (1939-1940)*// *Revista Mexicana de Política Exterior*. Num. 109. Enero — abril 2017. P. 250. <https://revistadigital.sre.gob.mx/images/stories/numeros/n109/gomezarciniega.pdf> (Дата обращения: 15.11.2017).
18. Dodds K. *Ук. Соч.* С. 50.
19. Проценко А.Е. *Латиноамериканская геополитика: подходы к проблеме, методология и периодизация*. <http://iberorus.spbu.ru/uploads/procenko.pdf> С. 7-8. (Дата обращения 20.11.2017).

20. Child J. Geopolitical Thinking in Latin America// *Latin American Research Review*, Vol. 14, No. 2 (1979), pp. 89-111.(режим доступа: через <http://www.jstor.org/stable/2502880> Дата обращения: 03-03-2017).
21. Этапы развития дисциплины составлены по работе: Colin Flint, Peter Taylor. *Political Geography: World-economy, Nation-state And Locality*, Pearson Edition Limited, 2000, P.50-51.
22. Kelly P. *Checkerboards and Shatterbelts: the Geopolitics of South America*. University of Texas Press. 1997. 240 p.
23. *Geopolítica latinoamericana: nuevos enfoques y temáticas*. Ed. G. da Silva. Bogota. Universidad Externado de Colombia. 2015. 273 p.
24. Wehner L.E., Nolte D. () *Role Theory and Geopolitical Thinking in South America/ Suarez M., Villa R., Weiffen B. (eds) Power Dynamics and Regional Security in Latin America*. Palgrave Macmillan, London. 2017. P. 105.
25. González Aguayo L.A. *Geopolítica europea y latinoamericana// Relaciones Internacionales*. 2001. (87), pp. 41-49; González Aguayo L.A. *Notas sobre la geopolítica del nacionalismo y las relaciones internacionales // Relaciones Internacionales*. 1991. Septiembre –Diciembre, Volume 13., pp. 30-32; Cuaderno de trabajo. *Antología. Los principales autores de las escuelas de la geopolítica en el mundo*. Coordinador González Aguayo L.A. México. Ed. Gernica. Pp. 341-410.
26. González Aguayo L.A. *Reflexiones sobre las Etapas Geopolíticas y la Política Exterior: el Modelo Mexicano*. 한국외국어대학교 중남미연구소 중남미연구 제25권 제2호 2007.2, 307-385 (총79페이지) <http://m.dbpia.co.kr/Journal/ArticleDetail/NODE06096928> (Дата обращения: 15.11.2017).
27. Cuéllar Laureano R. *Geopolítica. Origen del concepto y su evolucion// Revista de Relaciones Internacionales de UNAM*. 2012. Mayo-Agosto. Num. 113. P. 74-75.
28. De la Torre Villar E. *Alberto Escalona Ramos/ Lecturas históricas mexicanas*. Vol. 2. Empresas Editoriales, 1966. P. 699-704.
29. Ponce Urquiza A. *Por una doctrina geopolítica mexicana para el siglo XXI/ Escenarios geopolíticos para el México global*. México. Grupo Editorial Cenzontle. 2015. P. 11-17; Ostos Cetina M. del P. *Una metodología geopolítica para un México potencia / Escenarios geopolíticos para el México global*. México. Grupo Editorial Cenzontle. 2015. P. 17-35.
30. Ostos Cetina M. del P. *La proyección geopolítica de México: la importancia de su pasado imperial en el siglo XXI// Instituto Investigaciones Estrategicas de la Armada de México. Trabajos en línea*. TI 01/16. 16/01/2016. http://www.cesnav.edu.mx/ININVESTAM/docs/trabajos_investigacion/ti_01-16.pdf (Дата обращения: 17.11.2017).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОДЫ БРАЗИЛИИ ВРЕМЕН ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ 1964-1985 гг. ¹

Шитова Елена Николаевна

Магистр политических наук, соискатель Института Латинской Америки РАН

Эл. почта: yelena.schitova@gmail.com

Аннотация. Геополитическая школа Бразилии является одной из старейших в Латинской Америке. В сферу ее интересов всегда входили национальная интеграция, региональное развитие и позиционирование страны в мировой политике. Наибольшее развитие бразильская геополитическая школа получила во времена Военной диктатуры (1964 — 1985). Именно в этот период были разработаны основные концепции бразильской национальной геополитики, которые с успехом были внедрены в политическую повестку дня. Изучение геополитической школы Бразилии обозначенного периода помогает найти истоки тех процессов, которые по сей день находят отражение в бразильской внутренней и внешней политике.

Ключевые слова: проект «Бразилия — держава», проект «региональная держава», Пан-Амазония, внутренняя интеграция и консолидация, региональная интеграция, занятие территорий, коллективная защита запада.

Shitova Elena Nikolaevna

Master of Political Science, Institute of Latin America, Russian Academy of Science

GEOPOLITICAL CODES OF BRAZIL FROM THE TIMES OF THE MILITARY DICTATORSHIP OF 1964-1985

Abstract. The Geopolitical School of Brazil is one of the oldest in Latin America. Its sphere of interests has always included national integration, regional development and country role in the world politics. So-called golden age of the Brazilian geopolitical school took place during the Brazilian Military Government (1964 — 1985). Basic concepts of Brazilian national geopolitics were developed and successfully implemented into the political agenda during that time. The analysis of the geopolitical school of Brazil of the selected time helps to see the roots of those processes that are still relevant in Brazilian domestic and foreign policies.

Key words: project “Brazil — power”, project “regional power”, Pan Amazonia, territory consolidation, regional integration, common protection of the West.

“Быть геополитикой, современной по факту, и, что важнее, быть геополитикой бразильской по сути”
Генерал Голберти ду Коуту и Силва [2]

Бразилия признана большинством аналитиков латиноамериканской страной, в которой геополитические исследования достигли не только максимальной концептуальной глубины, но и страной, где геополитическое поведение на практике оказалось под большим влиянием данных учений (в отличие, например, от других стран Латинской Америки, в которых большинству геополитических исследований была присуща выработка теоретических конструкций для практического применения по случаю, струк-

турируя себя вокруг «стратегического этногеоцентризма»).

Под пристальным вниманием бразильских геополитиков традиционно находились как вопросы внутренней политики — консолидация бразильского территориального пространства (Центр — Запад и Амазония) и проект «Бразилия-держава» — так и внешней: проекция Бразилии на Атлантическом Юге, Западное побережье Африки и Антарктида (Терезинья де Кастро), отношения с США и сближение с Южной Америкой.

Внутренняя политика Бразилии всегда была нацелена на национальную интеграцию, в том числе на лучшую форму территориального планирования, куда среди прочего вошли перенос столицы, защита сухопутных границ, система дорожных полотен и собственно территориальное деление. С точки зрения бразильских геополитиков существуют три основных зоны защиты влияния страны в региональном плане: бассейн ла Платы, Атлантический Юг и Амазония. Основные цели, заявленные во внутренней политике, — это интеграция страны от Запада до Востока и от Севера до Юг и превращение в региональную державу (с перспективой дальнейшего расширения влияния) соответственно.

Составляющими, повлиявшими на становление бразильской геополитической мысли, можно назвать классиков геополитики XIX века немецкой, французской и британской школ (пространство, расположение и применение силы); геополитику «Холодной войны» — реализм (Хантингтон и Моргентау) — и прозападную политику; португальское территориальное наследие; национализм [3].

В силу сложившихся исторических обстоятельств — особенно после переворота 1964 года — в большинстве своем геополитикой в Бразилии занимались военные, а сама геополитика, как уже было написано выше, по большей части всегда была прикладной и решала конкретные прикладные задачи. Особое развитие геополитики времен Военной диктатуры (1964-1985 гг.) пришлось на 1960-1970-е гг.

Среди основных представителей геополитической школы можно выделить: генерал Голбери ду Коуту и Силва (Golbery do Couto e Silva), Карлос ди Мейра Маттос (Carlos de Meira Mattos), Альваро Тейшейра Соарес (Álvaro Teixeira Soares) и Терезинья ди Кастро (Therézinha de Castro).

Генерал и геополитик Голбери ду Коуту и Силва (1911-1987) является од-

ним из основных теоретиков доктрины национальной безопасности страны, разработанной еще в 1950-х гг. Высшей школой войны (Escola Superior de Guerra (ESG)) [4] и одним из основателей Национального сервиса информации (Serviço Nacional de Informações (SNI)) [5]. Участник Бразильского экспедиционного корпуса (FEB — Força Expedicionária Brasileira), а с 1951 — заместитель Департамента исследований в Высшей школе войны.

Основными геополитическими трудами Г. ду Коуту Силва являются «Геополитика в Бразилии» («Geopolítica no Brasil»), «Стратегическое планирование» («Planejamento Estratégico»), «Национальная политическая конъюнктура» («Conjuntura Política Nacional») [6]

Основные геополитические идеи Г. ду Коуту и Силва радикально расходились с идеями основателей Бразильской Геополитической Школы (Escola Geopolítica Brasileira), формируя новую национальную и интернациональную реальность после второй мировой войны, что и сделало его, по словам португальского исследователя бразильской геополитической школы Хорхе Мануэл да Коста Фрейтас, одним из самых влиятельных авторов Бразилии и Латинской Америки [7]. Для него на первом месте стояло формирование бразильской геополитики, отвечающей защите национальной безопасности и международным вызовам. Утверждение Бразилии (как во внешней политике, так и во внутренней), увеличение цивилизованной границы в необитаемых районах (что было особенно актуально для Амазонии), как в контексте южноамериканских отношений, так и для защиты и сохранения западной христианской цивилизации [8].

В развитии приведенных выше тезисов Г. ду Коуту Силва опирается на следующее: доктрину, перспективу и основные указания (директивы к действию).

Внутренние геополитические директивы (по Г. ду Коуту Силва) включа-

ли в себя: более твердую артикуляцию экуменической базы континентального проектирования Бразилии; подталкивание продвижения на Северо-Запад колониальной волны, начиная с центральной платформы — настоящего центрально-ядерного региона страны — через интеграцию центрально-западного полуострова во всю бразильскую эйкумену (пространственная интеграция и повышение значимости); наводнение цивилизации Амазонии, покрытие пограничных узлов, начиная с продвинутой базы, сконструированной с Центро-Запада, следуя оси основного притока реки (экспансионизм «вовнутрь» и мирная проекция «вовне») [9].

Во внешней политике — обеспокоенность в геостратегической позиции Бразилии — обязательства перед Западом (обсуждаемая ориентация с США) — антикоммунистический проект для региона. Г. ду Коуту и Силва обозначил следующие геополитические проблемы во внешней политике: существование центрального ядра, невероятно чувствительного к вторжениям с моря, и чья безопасность жизненно

необходима для остальной территории в целом; Северо-Восток страны как зона наиболее уязвимая для вмешательства извне; Юг (от границы с Уругваем до штата Мату-Гроссу) — зона максимальной уязвимости неблагоприятным действиям регионального характера; атлантическое побережье как необходимый элемент бразильской защиты и развития. В качестве решения им были предложены сдерживание приграничных линий, сотрудничество с развивающимися странами, и национальная геостратегия перед лицом собственной динамики центров силы [10].

Таким образом в работах Г. ду Коуту Силва делает упор по двум основным направлениям: *интеграция и валоризация территорий* (во внутренней политике) и *безопасность и защита* (во внешней) — участие в системе западной защиты.

Еще одним известным представителем геополитической школы периода военной диктатуры стал Карлос ди Мейра Маттос (1913-2007), также генерал, специализировавшийся на бразильской геополитике. К. ди Мейра Маттос — автор большого количества работ по геополитике, признанный в 1988 году исследователем Филиппом Келли «самым большим авторитетом в южноамериканской геополитике» и «самым первым из основных бразильских геополитиков, который смог внести геополитические идеи в бразильскую политическую повестку дня» [11]. Основные его работы: «Исторические знамена Бразилии: мировое проектирование Бразилии» («Bandeiras históricas do Brasil: Projeção Mundial do Brasil», 1960), «Бразильское революционное мышление» («Pensamento Revolucionário Brasileiro», 1964), «Геополитика и тропики» («Geopolítica e Trópicos»), «Бразилия: геополитика и предназначение» («Brasil — geopolítica e destino», 1975), «Пан-амазонская геополитика» («Uma Geopolítica Pan-Amazônica», 1980), «Геополитика и гео-

Рис. Геополитическое деление Южной Америки

Цитг. по: Silva, Golbery do Couto, Aspectos geopolíticos do Brasil - 1959 / Conjuntura política nacional: o poder executivo & Geopolítica do Brasil - 3 ed. - Rio de Janeiro: J. Olympio, 1981. Pp. 88.

рия границ» («A Geopolítica e a teoria de Fronteiras», 1990) и др.

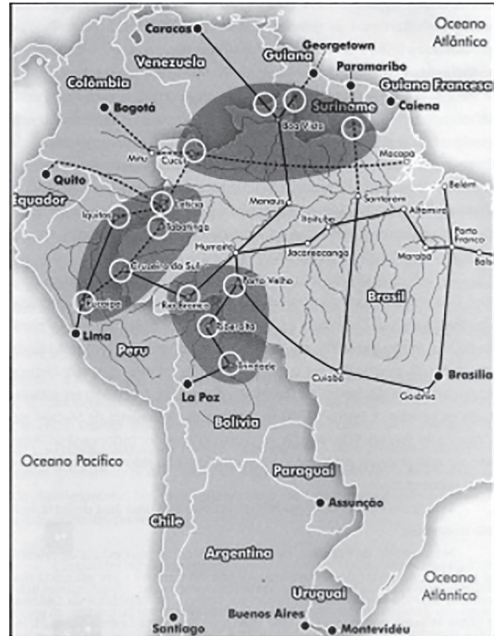
Одним из основных вопросов, исследуемых К. ди Мейра Маттос, стала Амазония и сложности ее интеграции. Вопрос, который его волновал, — возможности и геополитические вызовы Бразилии как «возрастающей мировой державы», а в более широком аспекте — анализ способности «бразильского человека» («homem brasileiro») построить тропическую цивилизацию, или, другими словами, потенциал Бразилии в конкуренции на мировой арене. Главная цель — разместить Бразилию в рейтинге на более высоких позициях: Бразилия обладает всеми условиями для того, чтобы стать державой — уже могла бы быть державой средней мощности (население и территория). Но при этом, обращая внимание на развитие, нельзя забывать и о безопасности.

Среди основных тем, охваченных К. ди Мейра Маттосом в рамках его геополитического проекта — зоны международного пограничного обмена, внутренние зоны пограничного обмена, пограничные территории распространения и создание небольших полюсов развития (наподобие столицы Бразилии Бразилиа, построенной в стратегических соображениях «с нуля» для более пропорционального развития страны, маленькие «Бразилиа»). А также необходимость создания «хребта» территории и решение «испанского окружения/ блокады» путем интеграции транспорта.

В работе «Геополитика Пан-Амазонии» [12] К. ди Мейра Маттос устанавливает необходимые различия между Амазонией и Пан-Амазонией: если первый концепт мыслится в национальных рамках, то второй имеет уже более глобальный, мультинациональный характер.

Он же вводит понятие «приграничного обмена» и «силовых полей», которые определяются как «совокупность экономических двигателей или общность,

Рис. Внутренние территории приграничного обмена и их взаимодействие с транспортными системами Южной Америки

Meira Mattos de, Carlos. Uma geopolítica e projeção do poder. 1977.

сформированная различными единицами данного типа на определенном социо-экономическом пространстве». Полюса развития должны пользоваться средствами существующей или запланированной коммуникации пропорционально взаимному интересу со стороны различных стран-соседей. Уже тогда появляется дискурс об южноамериканской интеграции (начиная с его книги 1958 года) — рис. Слева. [13]

По мнению К. ди Мейра Маттоса, существует три региональных полюса (образующих треугольники между составляющими их городами) [14]: Первый — в северной зоне: Боа Виста (Бразилия) — Летем (Гайяна) — Святая Елена (Венесуэла). Город Боа Виста, находящийся в бразильском штате Рорайма, для К. ди Мейра Маттоса имеет стратегическое значение: «Этот треугольник Боа-Виста — Летем — Святая Елена должен будет иметь прогресс, интенсифицированный тремя странами, переживаясь в приграничную зону обмена, настоящий полюс международной ве-

личины, со взаимной поддержкой, распространяя экономическое и социальное развитие на соседние регионы» [15]. Второй — пограничная зона реки Солимоинс. Табатинга (Бразилия) — Литисия (Колумбия) — рамон Кастилья (Перу). «Это регион, которому достались очень благоприятные условия, для того, чтобы себя трансформировать в выдающийся полюс мультинациональной интеграции, двигатель жизнеспособности региона; широкий и свободный морской путь объединяет Манаус и Икитос; с хорошо развитым современным морским флотом, этот регион может стать границей обмена и подталкивания к развитию» [16]. Третий — на крайнем юге пограничной амазонской дуги: Порту-Велю и Рио Бранко (Бразилия) — Риберальта и Кобиха (Боливия). «Эта территория соединяется наземным путем с Куябой и Манаусом, а морским — с Манаусом, Белемом и Тринидаджем, столицей департамента Бени, в Боливии» [17].

В видении К. ди Мейра Маттоса амазонский хартланд должен был развиваться силами региональной кооперации, а контуры пан-амазонской геополитики составлены различными центрами силы Амазонского пакта, подписанного в 1978 году, в процессе взаимодействия.

Отдельным фокусом в исследованиях К. ди Мейра Маттоса стало развитие концепта «Бразилия-держава». Основной посыл в его работах «Мировая проекция Бразилии» [18] и «Континентальное проектирование Бразилии» [19] — если в 1930-е гг. «мы мечтали видеть Бразилию державой континентального масштаба, сейчас мы хотели бы видеть ее державой мирового значения» [20]. Изучив, какие именно компоненты другие авторы выделяют при работе с концептом «мировая держава», К. ди Мейра Маттос выделил пять, присущих всем изученным им концептам: географическое измерение, население, наличие природных ресурсов, технологическая и научная мощь, внутренняя

сплоченность. Для К. ди Мейра Маттоса у Бразилии есть все условия для того, чтобы рассчитывать на место среди великих мировых держав. Про потенциал Бразилии автор пишет в 1968 году, а датой достижения Бразилией должного результата называет 2000 год [21]: «По праву наличия склонности к гигантизму, оправданной в нашем географическом и демографическом выражении, мы приняли вызов испытать нашу революционную способность, достигнув целей нашей «Политики развития» в короткий срок. Допущенный срок революции не может выйти за рамки 2000 года. В начале тысячелетия мы должны находиться среди самых могущественных и процветающих стран вселенной. Таким образом миссия «революция 31 марта» — достигнуть к 2000 году своего места между самыми развитыми странами земного шара» [22].

Отдельное внимание К. ди Мейра Маттос уделял защите американского континента и гарантии защиты Атлантики. Согласно его императивам, африканское побережье напротив бразильского имеет важное значение для достижения военных планов.

Еще одним направлением исследований К. ди Мейра Маттоса стало построение цивилизации в тропиках. Тропической цивилизации посвящены его работы «Геополитика и тропики» [23] и «Бразилия: геополитика и предназначение» [24]. В своих работах он ставит под сомнение утверждения европейских и североамериканских ученых о том, тропический регион не предлагает подходящих условий для прогресса и развития человеческих групп по двум причинам: потому что населены «низшими» расами черных, желтых, смешанных; потому что климатические условия не благоприятствуют созданию продвинутых культуры и технологии. Он, наоборот, утверждает, что смешение рас и борьба против французских, голландских, английских завоевателей закалили бразильского чело-

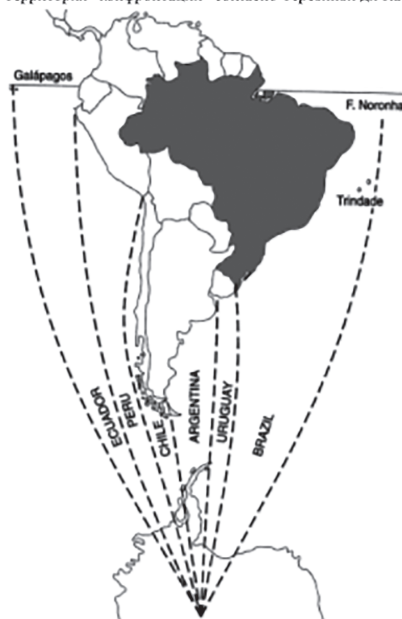

века и сделали его способными принять пропорциональные вызовы. «Человек бразильский» — способен преодолевать бедствия тропического климата и создать державу, а смешение рас становится в таком случае преимуществом.

Еще одним представителем геополитической школы времен Военной диктатуры является профессор-географ Терезинья ди Кастро (1930-2000). В отличие от предыдущих двух исследователей, данный исследователь не пришла в геополитические исследования из военной среды, хотя и родилась в семье генерала Фабио ди Кастро. Основные работы Терезиньи джи Кастро «Бразилия от Амазонии и до Платы» («Brasil da Amazonia ao Prata», 1983), «Путь в Антарктику» («Rumo à Antártica», 1976), «Бразилия в современном мире: позиционирование и руководства» («O Brasil no Mundo Atual: Posicionamento e Diretrizes», 1982), «Амазония — геополитика конфронтации и геостратегия интеграции» («Amazônia — Geopolítica de Confronto e Geoestratégia da integração» [25]). Центральным в исследованиях Терезиньи джи Кастро стали, по-первых, геополитические исследования и определение геостратегических координат, целью которых было укрепление историко-политической роли Бразилии на американском континенте и в мире, а, во-вторых, разработка геополитики и геостратегии для Амазонии и Антарктики.

Терезинья ди Кастро выделяет три природных зоны: неразвитый «остров» — площадь, которая составляет 64% всей бразильской территории; развивающийся «остров» — Северо-Восток страны, представленный 18% территории; развитый «остров», включающий в себя Юг и Юго-Восток страны (именно здесь находится государственная эйкумена) — треугольник Рио-де-Жанейро — Белу-Оризонти — Сан-Пауло. Анализируя «острова», Терезинья ди Кастро делает вывод, что Бразилия является страной ориентирован-

Рис. Территория «конфронтации» согласно Терезиньи ди Кастро

Цит. по: Kelly, Philip (1997). Checkerboards and Shatterbelts: The Geopolitics of South America. Austin: University of Texas Press.

ной к Атлантике и что имеет геополитическое доминирование только на 18% своей территории. Бразилия находится среди стран, которые могут соревноваться с развитыми странами (наравне с Мексикой, Индией и т.д.) Но для этого ей необходимо материализовать свои национальные цели.

Среди одной из таких целей — сбалансированная геополитика и геостратегия в бассейне реки Амазонки. Тема развития данного региона нашла отражение в работах «Бразилия от Амазонии до Платы» и «Амазония: геополитика конфронтации и геостратегия интеграции».

Терезинья ди Кастро определяет Амазонию как часть системы Южной Америки. И Бразилия в данном случае занимает стратегическую позицию, так как большинство притоков реки Амазонки протекает именно по ее территории (70% бассейна реки Амазонки расположено на бразильской территории), а город Белем признается ключевой позицией по контролю амазонского хинтерланда, выполняющим интегрирующую роль. Хотя Бразилия на тот момент была на восем-

надцатом месте по экономическому развитию, под ее геополитическим контролем находилось только 18% территории, с плотностью населения в среднем по стране 12 человек на км.кв. Соответственно, для интеграции необходимо было проводить политику плановой эмиграции и технического развития автохтонного населения. Занимающая 58% территории страны, по размеру, как большинство европейских стран, «легкие планеты», Амазония имеет как национальное, так и интернациональное значение. Сочетание укрепления суверенитета над данной территорией и повышающейся ответственностью перед мировой общественностью за «мировое наследие», поставило как перед бразильскими геополитиками, так и перед бразильской элитой определенные вызовы. Поддержка международными организациями движений коренных народов вызвало определенное беспокойство у бразильской элиты и было воспринято как угроза бразильскому суверенитету над бразильской частью территории Амазонии.

Новые вызовы привели к разработке новой стратегии вращения амазонской территории в остальную территорию страны. В связи с этим Терезиньей ди Кастро были названы следующие этапы: эффективное занятие территорий и гибкая политика по мягкому внедрению; переход от теории к практике в построении экономических и экологических зон в процессе современной колонизации страны; признать вызовы, которые таит в себе Амазония, и заняться ими вплотную, не отдавая на откуп третьим силам; сдерживание иностранного вмешательства в решение проблем Амазонии, которая является частью бразильской суверенной территории («интегрироваться для того, чтобы не сдать»).

Отдельное внимание Терезинья ди Кастро уделяла вопросам Антарктики, второму лейтмотиву в ее исследованиях. В работах «Антарктика — предмет

момента» [26] и «Путь к Антарктике» [27] она понимает Антарктику как краеугольный камень бразильского предназначения в качестве базы, которая может быть использована для защиты Атлантического Юга. Также важность создания «бразильской Антарктики» рассматривается с точки зрения двух основных стратегических императивов: метеорологические изменения климата; контроль и возможное использование пресных вод Антарктики. Как заключает Терезинья ди Кастро, «Антарктике предопределено стать краеугольным камнем бразильского предназначения, особенно в своей важной территории «напротив», что бросает вызов сфере нашего влияния» [28]. По мнению Терезиньи ди Кастро деление Антарктики должно было быть сделано согласно меридианам, которые проходят через крайние границы стран по побережью, направленному в сторону Антарктики, заканчиваясь на Южном полюсе. Это был «краеугольный камень» бразильского назначения.

Особенности геополитики в бассейне реки Ла-Плата: в бассейне реки Амазонки Бразилия доминирует на 70 % территории с притоками реки, в то время как в бассейне реки Ла-Плата ее контроль ограничен лишь контролем основных притоков. Поэтому в данном случае проводимая региональная политика вынуждена основываться на уравнивании.

Основное развитие бразильской геополитики пришлось на период Военной диктатуры 1964-1985. Именно тогда масштабные проекты бразильских геополитиков находили отклик в грандиозных проектах военных. Основное, что отличает бразильские геополитические исследования данного времени — это их прикладной характер, то есть сама геополитика являлась прикладной. Для бразильских геополитиков данного периода характерно единодушие в восприятии Бразилии как страны, которая обладает всеми условиями для занятия лидирующих позиций на мировой арене, в случае,

если правительство проведет ряд последовательных шагов по внутренней организации территорий. То есть геополитические исследования были направлены не только на позиционирование страны в мире, но и сбалансированное развитие в рамках самой страны. Отдельное вни-

мание уделяется приграничным зонам развития. Среди основных можно выделить бассейн реки Амазонки и бассейн реки Ла Плата. А среди территорий, выходящих за пределы территории Бразилии, но входящих в зону ее интересов, можно выделить Антарктику.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №15-37-01216 «Латиноамериканские геополитические коды: влияние на формирование внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии поведения стран региона в полицентричной мировой системе и построении долгосрочных отношений с Российской Федерацией».
2. Один из идеологов бразильского геополитического мышления времен «Холодной войны».
3. Бразильское понимание «национализма» отличается от российского и имеет скорее положительный оттенок, чем негативный.
4. Высшая школа войны (ВШВ) (Escola Superior de Guerra (ESG)) — признанный бразильский центр стратегического анализа. Официально ВШВ была создана в августе 1949 года, в прямом подчинении Генерального штаба Вооруженных сил и под президентством республики. Основной из причин создания Школы стала идея создания постоянного центра исследований, изучающего угрозы возникновения третьей мировой войны. В основу создания Школы были положены «Семь фундаментальных принципов». С самого начала школа была создана как «кузница кадров» военной и гражданской элиты.
5. Национальный сервис информации был создан в 1964 году с целью контролировать и координировать информационную и контринформационную активность в Бразилии и за ее пределами. Новая служба включила в себя федеральный центр информации и контринформации (Serviço Federal de Informações e Contra-Informações (SFICI) -1958) и Координационное объединение информации (a Junta Coordenadora de Informações (JCI) -1959).
6. Silva, Golbery do Couto e. Planejamento estratégico. — Brasília: Editora Universidade de Brasília, 1981 — 536 pp.; Silva, Golbery do Couto e. Conjuntura Política Nacional: o poder executivo e geopolítica. — Livraria José Olímpio, 1981. — 273 pp.; Silva, Golbery do Couto e. Geopolítica do Brasil. — J. Olympio, 1967 — 266 pp.
7. Freitas, Jorge Manuel de Costa. A escola geopolítica brasileira. — Rio de Janeiro: Biblioteca do Exército Ed., 2004. P. 39.
8. Данные идеи Г. ду Коуту Силва развивает в трех своих работах: «Aspectos Geopolíticos do Brasil», «Geopolítica e Geoestratégia», «O Brasil e a defesa do Ocidente».
9. Silva, Golbery do Couto, Aspectos geopolíticos do Brasil — 1959 / Conjuntura política nacional: o poder executivo & Geopolítica do Brasil — 3 ed. — Rio de Janeiro: J. Olímpio, 1981. P. 90. Ни одно из правительств Бразилии, кроме как провозгласить, не взялось за реализацию планов Г. ду Коуту и Силва.
10. Silva, Golbery do Couto, Aspectos geopolíticos do Brasil — 1959 / Conjuntura política nacional: o poder executivo & Geopolítica do Brasil — 3 ed. — Rio de Janeiro: J. Olímpio, 1981. P. 90.
11. Kelly, Philip. (1988), apud, FREITAS, Manoel da Costa. A Escola Geopolítica Brasileira. Rio de Janeiro: Biblioteca do Exército, 2004. P.53.
12. Meira Matos de, Carlos. Uma geopolítica Pan-Amazônica. 1980.
13. Meira Matos de, Carlos. Uma geopolítica e projeção do poder. 1977. «Каждая из наших стран включает в свою границу новые экономики и ценные географические расширения, освобождая от сковавшего тысячелетнего сна. Наша Южная Америка приобретет новую индивидуальность, проснувшись для того, чтобы вступить в эру своей новой континентальности, прирастет во многом в своей власти».

14. Цит. по: J.M. da Costa Freitas. A Escola Geopolítica Brasileira. — Rio de Janeiro: Editora da Biblioteca do exército, 2004. — 136 pp.
15. Meira Matos de, Carlos. Uma Geopolítica Pan-Amazônica. 1980, p. 155 “Este triângulo Boa Vista — Lethen — Santa Elena deverá ter seu progresso incentivado pelos três países, transformando-se numa área fronteiriça de intercâmbio, um verdadeiro pólo de dimensões internacionais, com localidades apoiando-se mutuamente, irradiando desenvolvimento econômico e social às regiões adjacentes”
16. Meira Matos de, Carlos. Uma Geopolítica Pan-Amazônica. 1980, p. 155 «Essa é uma região que desfruta de condições muito favoráveis para se transformar num extraordinário pólo multinacional integrado, propulsor da vitalidade regional; avia fluvial ampla e livre une Manaus e Iquito; bem aparelhada com uma frota fluvial moderna, essa há de ser uma fronteira de intercâmbio e de população de desenvolvimento».
17. Meira Matos de, Carlos. Uma Geopolítica Pan-Amazônica. 1980, p. 155 «Articula-se essa área por via terrestre com Cuiabá e Manaus, por via fluvial, com Manaus, Belém e Trindade, capital do departamento de Beri, na Bolívia».
18. Meira Matos de, Carlos. Projeção Mundial do Brasil.
19. Meira Matos de, Carlos. Projeção Continental do Brasil.
20. Meira Matos de, Carlos. Geopolítica e destino, 1975, p. 17
21. Meira Matos de, Carlos. Ensaio sobre a Doutrina Política da Revolução. — 1968.
22. «Pelo direito que possuímos uma vocação de grandeza, justificada pelas nossas expressões geográfica e demográfica, fomos desafiados a provar a nossa capacidade revolucionária alcançando as metas de nossa Política de Desenvolvimento a curto prazo. Este prazo concedido à revolução não poderá passar do ano 2000. No início do milênio, teremos de estar entre as nações mais prósperas e poderosas do universo. Assim, a missão de Revolução de 31 de Março é de levar e atingir, no ano 2000, o seu lugar entre as nações mais desenvolvidas do globo».
23. Meira Matos de, Carlos. Geopolítica e Trópicos. — 1983
24. Meira Matos de, Carlos. Brasil — Geopolítica e Destino.
25. Castro de, Terezinha. Amazônia: geopolítica do confronto e geoestratégia da integração. Fundação Educacional Unificada Campograndense, 1995. 44 pp.
26. Castro de, Terezinha. Antártica — assunto de momento // Revista do Clube Militar. 1956. № 146.
27. Castro de, Terezinha. Rumo a Antártica. 1976.
28. «Estar a Antártica fadada a se construir na pedra angular do destino brasileiro, especialmente em seu importante território defrontante que desafia o espaço de nossa esfera de domínio».

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА

Барсенков Александр Сергеевич

Профессор факультета мировой политики

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Эл. почта: barsenkov@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена политологическому анализу Великой русской революции 1917 года и ее влияния на ход мирового политического процесса.

Ключевые слова: Великая русская революция, капитализм, социализм, коммунисты, СССР.

Barsenkov Alexander Sergeevich

Professor of the Faculty of World Politics of the Lomonosov Moscow State University

THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION IN THE WORLD HISTORIES OF THE XX CENTURY

Annotation. This article is devoted to the political analysis of the Great Russian Revolution of 1917 and its influence on the course of the world political process.

Key words: Great Russian Revolution, capitalism, socialism, communists, the USSR.

Кажется парадоксальным, но через сто лет после Великой российской революции и бурного XX века в мире по-прежнему остро стоит вопрос: а существует идеальное общество [1]? В 1989 г. было объявлено о «конце истории», под которым понимали «конечную точку идеологической эволюции человечества и универсализацию западной демократии как конечной точки человеческого правления» (Ф. Фукуяма). Однако вместо «победного шествия демократии» мы повсеместно видим глубокие внутренние кризисы — политические, социальные, ценностные, — которые переживают страны, еще недавно считавшие свои общества эталонными. Более того, упоение, как здесь считали, победой в холодной войне не только не привело к становлению гармоничного и безопасного мира, но спровоцировало новые масштабные конфликты. Борьба за влияние и доступ к ресурсам ныне ве-

дутся почти без правил. В этих условиях вновь оказывается востребованной идея справедливости, нового взгляда на опыт человечества в XX веке. Важнейшей его частью являются Великая российская революция, созданная на ее основе советская цивилизация и их влияние на мир.

Социализм как система нравственных ценностей, идеалов и общественной мысли имеет многовековую историю и в середине XIX в. получила серьезное научное обоснование [2]. Следует отметить, что само понятие «социализм» вошло в политический обиход ранее, чем термин «капитализм», ставший общепринятым лишь в начале XX в. Принципы приоритета общего над частным, интересов всего социума над индивидуальными и групповыми, постановка новых целей развития обеспечивали и обеспечивают привлекательность образа социализма у народов, имеющих

самые разные культуры и опыт. История распорядилась так, что идею-мечту о солидарном обществе впервые попыталась воплотить именно Россия, и в этом — общецивилизационная значимость происходившего здесь после 1917 года.

Следует специально подчеркнуть, что Великая российская революция стала ценностным ответом на те вызовы, которые стояли в начале XX столетия перед всеми индустриальными странами. Что это были за вызовы? Во-первых, менялся характер утвердившегося в XIX веке капитализма, когда господствовал ничем не ограниченный рынок. На рубеже столетий стали появляться монополии, а постоянно воспроизводившиеся кризисы подводили к пониманию того, что государство не должно ограничивать свои цели только поддержанием безопасности и внешней политикой, но его функции должны быть шире. Нестановительно, уже к началу Первой мировой в 1914 г. появляется категория «организованный капитализм» (ввел Р. Гильфердинг), получившая в дальнейшем мощное развитие и в теории, и на практике.

Во-вторых, экономические кризисы, стачки, революции в Европе в XIX-го — начала XX веков повсеместно привели к возникновению социалистических движений, имевших в разных странах свои особенности. Постепенно формировалось понимание, что в основе социальных потрясений лежит возрастающее имущественное неравенство. Необходимость разработки политики, учитывающей интересы наемных работников, начинают понимать наиболее дальновидные представители правящих групп в Европе. В то же время в начале XX века социалисты — последователи К. Маркса разделяются на две части. Возникает движение за переход к новым общественным отношениям через постепенное реформирование капитализма посредством его социализации и гуманизации. Однако сохранились и убежденные сторонники революционного перехода

к социализму, допускавшие широкое применение насилия. Их было немало в странах, где противоречия между трудом и капиталом были особенно остры.

Третьим вызовом начала XX века стал национальный вопрос. В это время в колониальных и зависимых странах начинаются брожения в среде коренных народов, все более отчетливо проявляется стремление избавиться от иностранного влияния. В самой Европе сохранялись три империи — Австро-Венгерская, Османская и Российская, — где постоянно воспроизводились острые внутренние конфликты, периодически перераставшие в межгосударственные войны. Право народов на равенство и самоопределение превращалось в один из главных вызовов времени.

Четвертым вызовом стала чудовищная жестокость Первой мировой войны и невиданные ранее масштабы жертв. Это ставило в полный рост вопрос не только о причинах этой войны, но и о природе войн вообще, возможности предотвращения будущих конфликтов, построения мирового порядка на новых, отрицающих прежние основаниях. И не случайно, что альтернативные проекты такого будущего возникли практически одновременно — в конце 1917 и в начале 1918 г. — и в коммунистической Советской России, и в либеральных США. Ими стали озвученный на II Съезде Советов проект преодоления возможных войн на основе принципа пролетарского интернационализма («Декрет о мире»), и предложенный американским президентом международный порядок на базе интернационализма либерального («14 пунктов В. Вильсона») [3].

Притом что Российская революция отвечала на общецивилизационные вызовы, она была глубоко национальной. Любое эпохальное событие имеет три измерения: исторические предпосылки (долго копившиеся противоречия), исторический контекст (внутренний и внешний), а также действия социаль-

ных, политических групп и даже отдельных личностей. К 1917 г. не был решен главный вопрос России — аграрный, сохранение помещичьего землевладения делало нищенскую жизнь большинства крестьян беспросветной. С начала XX в крестьянские бунты были постоянным явлением российской деревни, выступления жестоко подавлялись. Остро стоял и вопрос рабочих: оплата труда, его условия и общий уровень существования оставались крайне низкими. Игнорировались национально-религиозные противоречия, неслучайно степень участия нерусских народов в революционном движении была весьма высока. Государственно-политическое устройство, не обеспечивавшее представительство как наиболее активных, так и наиболее обделенных слоев, превращалось в тормоз развития страны. Несправедливость порядков признавали все ее ответственные граждане [4].

Накопившиеся противоречия были доведены до критического предела Первой мировой войной и привели к началу революции в феврале 1917 г. Тогда общественный подъем наблюдался повсеместно. Стремление солдат, рабочих и крестьян самим участвовать в распоряжении своей судьбой ярко проявилось в стихийном создании органов народного представительства — Советов. Советы были призваны контролировать официальные структуры власти, доверие к которым было полностью подорвано. Социалистические партии не только стремительно росли численно, но их идеи в России доминировали абсолютно.

Однако неготовность и боязнь буржуазии и умеренных социалистов решать главные проблемы страны вынесли на гребень революционной волны «большевики», оказавшихся единственной партией конкретных действий. «Нашелся бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на социальную революцию, если бы действительно начали социальную реформу?» — задавал справедли-

вый вопрос своим оппонентам В.И. Ленин [5]. Были изданы декреты о земле и мире, предоставлены права всем национальностям, началась борьба за спасение от голода рабочих и жителей городов. Впервые в истории власть выступала от лица трудового и эксплуатируемого народа. В ходе Гражданской войны и отражения внешней агрессии удалось восстановить российскую государственность, сохранить независимость страны, а затем перейти к строительству первого в мире государства справедливости.

За последние 250 лет в мире произошло много драматических, в том числе вооруженных, кровавых столкновений, которые называли революциями. Часто используют это слово и сегодня, имея в виду решительное обновление обществ, преобразование изживших себя форм организации политического, социально-экономического или духовного порядков. Однако великими можно назвать лишь те из них, которые изменили не только свои страны, но и дали мощный импульс изменениям в жизни всего человечества [6]. Таких, несомненно, великих революций было три: английская XVII века, французская конца XVIII века и русская начала XX-го. В чем состоит влияние возникшего в результате российской революции советского общества на мировое развитие в XX веке? На мой взгляд, можно выделить три главных направления.

Во-первых, в СССР на государственном уровне была поставлена цель создания солидарного общества, общества без эксплуатации, преодоления разрыва в потреблении материальных благ и отчуждения от культуры. В центр социальной политики был поставлен человек труда. Готовность решительно идти к этой цели обусловило привлекательность освободительных идей. Коммунистическое движение становилось влиятельным фактором внутренней жизни государств Европы, Азии, Америки, прежде всего там, где социальные

контрасты были особенно сильны. Несомненным следствием радикальной российской революции стало укрепление социально-демократической альтернативы в странах развитого капитализма, расширявшего возможности постепенного и ненасильственного продвижения социалистических ценностей. Пример решения национального вопроса в СССР стал мощным стимулом движения к освобождению колониальных и зависимых стран. Они в различных формах получали советскую поддержку. Стремление к независимости здесь переплеталось с целями справедливого социального развития.

Происходила гуманизация внутренней политики буржуазных государств, которая шла по двум направлениям. Появлялись и проводились в жизнь масштабные социальные программы в интересах трудящихся и малоимущих групп населения. Одновременно усилился контроль над собственниками крупных состояний и получателями больших доходов с целью обуздания их эгоизма. И если в начале XX века подоходные налоги и налоги на капитал составляли единицы процентов, то в перерыве между войнами ситуация радикально изменилась. Верхние ставки налога на наследство взлетели с 0-10% до 40% в 1930-е и до 70% к началу Второй мировой. Прогрессивное налогообложение заработков стало нормой. Правительства формировали общественную собственность, кредитовали и развивали государственные активы. Одновременно создавались разноплановые возможности владеть активами и собственностью как можно большему числу граждан. Сюда можно отнести и дешевую ипотеку, и соучастие в качестве акционеров в капитале больших проектов, и разные формы накопительного капитала с возможностью управлять доходностью: пенсии, страховки, материнский капитал, образовательный [7]. Наиболее ярко это воплотилось в «новом курсе»

Ф. Рузвельта в США и в целенаправленном строительстве «государства всеобщего благоденствия» в Западной Европе; его создание рассматривалось как альтернатива социализму советского типа. Внутренняя социально-экономическая политика стала одним из важнейших фронтов холодной войны. Следует признать, что именно в ведущих странах Запада были реализованы цели, поставленные в России в 1917 г. Там либеральная демократия превратилась в демократию социальную.

Во-вторых, возникший в результате Великой российской революции СССР сыграл решающую роль в спасении мира от германского нацизма. Уже в середине 1920-х гг. в СССР — и не только — понимали, что новая война неизбежна, т.к. главные причины, приведшие к драме 1914 г., сохранялись. Версальский мир не был прочным и потому, что не был справедливым. Униженное положение немцев и ущемление в правах Германии не могли продолжаться бесконечно. Возникшие и воссозданные после падения старых империй новые государства были слабы и нестабильны. Более чем в половине стран континента установились авторитарные или националистические режимы [8]. Распад крупных государств с емкими внутренними рынками привел к нарушению сложившихся экономических связей, провоцировал постоянные таможенные и валютные войны.

Политики Запада, а вслед за ними историки, много лет проводят и навязывают другим мысль о том, что Вторая мировая война началась первого сентября 1939 г. с нападения Германии на Польшу. Тем самым «демократические страны» отводят от себя ответственность за ее развязывание. Между тем первые события будущей войны связаны с Дальним Востоком (с нападением Японии на Манчжурию) в сентябре 1931, а не 1939 года. А после прихода к власти Гитлера Англия и Франция делали все, чтобы канализировать нацистскую

агрессию на Восток. Война в Испании, раздел Чехословакии, захват Австрии были частями единого курса [9]. И не случайно современные исследователи называют период 1914-1945 гг. «второй тридцатилетней войной». Следует также подчеркнуть, что нападение на СССР, а до него — на Россию, — было составной частью германского военно-стратегического планирования в первой половине XX века [10], и в этом смысле было неизбежным.

Все это обусловило то, что подготовка к защите СССР — Отечества рабочих и крестьян — стала одним из главных направлений социалистического строительства в СССР. В 1930-е решение этих задач тесно переплелось. Создание в стране жесткой мобилизационной системы, охватывавшей государственное устройство, управление экономикой и идеологию, стало одним из главных факторов общей Победы над нацизмом в 1945 г. Сегодня, когда глобальные стратегические планы Гитлера не являются тайной, можно явственно представить, что было бы с СССР, Европой и миром в целом, если бы не сверхусилия и жертвы общества, рожденного Великой российской революцией.

В-третьих, СССР сыграл решающую роль в сохранении стабильности послевоенного мира. На завершающем этапе Второй мировой и в первые два года после ее завершения перед Европой открывались забытые сейчас, но возможные тогда перспективы. Авторитет СССР — главной военной силы союзников был как никогда высок: если накануне войны он имел дипломатические отношения с 26 странами, то в 1945 г. его признавали уже 52. На территориях освобожденных им государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) шли денацификация и преодоление последствий оккупации, что включало глубокие демократические преобразования и формирование лояльных в отношении Советского Союза правительств. Во взглядах на регион

у руководителей СССР доминировали геополитические мотивы, связанные с обеспечением военной безопасности. Следует также специально подчеркнуть, что вопреки широко распространенным утверждениям в первые годы после Победы СССР не навязывал «оккупированным» странам ЦВЕ свою модель развития. Более того, лидеры Союза ССР прямо выступали против установления здесь диктатуры пролетариата — того типа государства, который с 1917 г. существовал в самой Советской России [11]. В странах Центральной и Восточной Европы возникли намного более либеральные, чем в Союзе, левые режимы народной демократии.

Одновременно в политической жизни Западной Европы в результате войны произошло существенное колебание. Во многих странах коммунисты составляли ядро патриотического Движения Сопротивления, их престиж заметно вырос, в то время как партии, находившиеся у власти в межвоенный период, были дискредитированы. Именно после разгрома нацизма местные коммунисты впервые в истории целого ряда стран вошли в правительства и парламенты. Это не могло не сказаться на перспективах внутренней и внешней политики. Отношения западноевропейских стран с СССР обещали стать более доброжелательными и конструктивными, а сам континент — сплоченнее [12].

Однако в результате победы над нацистской Германией возникли две сверхдержавы, которых, как выяснилось, в 1941-1945 гг. объединял лишь общий враг. Вскоре все узнали, что именно в период совместной борьбы в рамках антигитлеровской коалиции против Гитлера в американской элите сформировалась твердая уверенность в том, что послевоенный мировой порядок должен создаваться при американском лидерстве и под эгидой США. Это, по мнению политического класса Америки, включало военное доминирование и роль «ми-

рового полицейского», контроль над Евразией и мессианское продвижение «американских ценностей». На роль главного противника утверждения мира по-американски уже весной 1945 г. был «назначен» Советский Союз [13]. Атомная монополия и экономическое превосходство в совокупности с жесткой продуманной стратегией предопределили переход к масштабной холодной войне против СССР. Важнейшим рубежом в реализации нового курса было провозглашение в 1947 г. «плана Маршалла», ставшего решающим фактором вначале экономического, а затем и политического раскола Европы. Переход к блоковому противостоянию стал неизбежен.

Создание в Советском Союзе атомной бомбы, успехи в ракетостроении и производстве других видов вооружений были не только условиями выживания СССР, но и важным фактором сдерживания глобальной американской экспансии. Она включала политическое, экономическое давление, психологическую войну, угрозу военного вмешательства, допускалась возможность использования оружия массового уничтожения [14]. В этих условиях СССР оказывал моральную, политическую, экономическую, а иногда и прямую военную поддержку бывшим колониальным и зависимым странам в сохранении их суверенитета. Все это сделало возможным переход к политике разрядки, которая открывала возможности конструктивного международного сотрудничества государств разных общественных систем. Разрядка затронула, прежде всего, сферу гонки вооружений. Достигнутые к началу 1970-х годов успехи СССР в оборонном строительстве позволили перейти к переговорам вначале об ограничении, а впоследствии — в 1980-е годы — о сокращении и ликвидации наиболее опасных видов оружия. Заметно расширились экономические связи.

Исчезновение в 1991 г. одного из полюсов силы знаменовало вступление

всего человечества в фазу турбулентности с непредсказуемыми перспективами. Формирование «нового мирового порядка» при американском лидерстве привело к резкому повышению роли силового компонента в мировой политике. «Темной стороной демократии» (М. Манн) стал выход на поверхность кровавых межэтнических конфликтов. Менее чем через десятилетие после окончания холодной войны было поставлено под сомнение право государств на свой суверенитет. Форсированное «расширение демократии» и навязывание «американских ценностей» привело к дестабилизации огромных регионов. Поэтому неслучайно и справедливо исследователи называют время с 1945-1991 гг. периодом «долгого мира», в сохранении которого СССР принадлежала главная роль.

Разговор о Великой российской революции не будет полным и честным, если не затронуть вопрос о судьбе СССР [15]. Создаваемая в Советской России новая общественная система с самого начала испытывала на себе давление двух факторов. Первый — низкий стартовый уровень социально-экономического и культурного развития, который был подорван участием России в Первой мировой войне и последовавшей за ней чудовищной гражданской. Второй фактор — постоянное давление внешних вызовов. Вначале это была подготовка к новой мировой войне, участие в ней, а после 1945 г. — противостояние Западу в ходе войны холодной. Все это привело к тому, что Россия строила социализм в состоянии постоянной мобилизации и не «по Марксу». Это наложило отпечаток на все стороны жизни общества: высокую долю военно-промышленного комплекса в экономике, ограниченность ресурсов для социального развития, сохранение жестко централизованной государственно-политической системы, контроль над духовно-идеологической сферой. Система обеспечивала концентрацию ресурсов на главных обществен-

ных приоритетах, но включала в себя и серьезные риски. Сосредоточение верховной власти в руках узкой группы лиц или даже одного лидера ставило будущее страны в зависимость от его личностных качеств. После решения задач мобилизационного этапа к началу 1950-х гг. возможности демократизации управления не были использованы. Через тридцать лет это привело к серьезным ошибкам при осуществлении реформ, которые вызвали не только отрицание самой системы, но и роспуск государства СССР.

Исчезновение Советского Союза, в котором после Великой российской революции строилось новое общество, заставляет вернуться к вопросу о том, так что же такое социализм? Этот вопрос не является абстрактным, поскольку сам термин по-прежнему широко используют, однако и исследователи, и политики, и обычные граждане часто вкладывают в него разный смысл. Во-первых, к социализму подходят как к мечте и идее создания общества справедливости и равенства, в котором не будет насилия и угнетения, а отношения между людьми будут носить гармоничный, солидарный характер. Эти идеи нашли отражение во всех мировых религиях, а также в широко известных утопических учениях, которые возникали в различное время у разных народов.

Во-вторых, социализм понимают как общественно-экономическую формацию, возникающую в результате исчерпания предшествующим ему капитализмом ресурсов поступательного развития и завершающую фазу истории человечества, основанную на эксплуатации. Такое толкование социализма представлено, как известно, у Маркса. Оно получило определение научного социализма, завоевало широкое признание в XIX веке. Некоторые и сейчас считают намеченные Марксом образы будущего критериями «социалистичности» при оценке того или иного общества, называющего себя социалистическим.

Третья и четвертая трактовки социализма связаны с различными представлениями о путях и способах утверждения социалистических отношений. В начале XIX века в среде австрийских марксистов родился тезис «цель — ничто, движение — все», который базировался на идее о том, что улучшения положения рабочих следует добиваться в рамках, внутри капиталистической системы. Борьба за то, чтобы буржуазное общество постепенно становилось более справедливым, должна была со временем придать ему социалистическое качество. Возможность революционного перехода отодвигалась на второй план, потом от нее отказались и вовсе. По сути, это — тот путь, по которому пошла европейская социал-демократия после Первой мировой войны.

Четвертая трактовка социализма связывала и связывает это понятие с той системой общественных отношений, которые утвердились в Советской России после 1917 г. А поскольку СССР долгое время был не только первой, но и единственной страной, где была предпринята попытка перехода к новой формации, то сложившаяся здесь система со временем стала считаться универсальной, «истинно» социалистической, и по-своему эталонной. Этому во многом способствовала догматизация общественной теории в позднем СССР. Однако по мере послевоенных успехов Запада в построении социального государства, с одной стороны, и накопления элементов стагнации в СССР, — с другой, термин «социализм» обрел негативную коннотацию. В этом смысле он часто используется и в современной России.

Нам представляется более обоснованным широкий подход, основанный на анализе всего многообразного опыта XX века. В этом контексте социализм может быть охарактеризован не столько как стадия общественно-экономической формации, сколько как процесс перехода от эпохи отчуждения к «царству

свободы». Процесс включал и включает революции и контрреволюции, ростки нового общества в отдельных странах и регионах; их отмирание и новое появление; волны подъема и спада различных социальных и собственно социалистических движений. Этот нелинейный и противоречивый процесс рождения нового общества происходил и продолжается в глобальном масштабе [16].

Предложенная интерпретация термина делает намного более продуктивным такой концепт, как «реальный социализм». В настоящее время существуют понятия «шведский социализм», «австрийский социализм», «социализм с китайской спецификой», «вьетнамский социализм», «израильский социализм», «арабский социализм», «исламский социализм», «социализм советского типа». Используются и другие дефиниции и даже экзотические определения. Так, можно встретить утверждение, что «Франция является самым социалистическим из капиталистических государств». По мнению многих, с точки зрения социальной обустроенности ФРГ является наиболее благоприятным для жизни европейским государством, что подтверждается, в том числе и высоким уровнем иммиграции в страну. Совершенно очевидно, что все эти термины отражают специфику движения к воплощению социалистической идеи у народов, находящихся на различных уровнях социально-экономического раз-

вития и обладающих значительными социокультурными и цивилизационными особенностями. Начало же движению человечества к воплощению в жизнь идеалов справедливости положила Великая российская революция, и в этом, безусловно ее всемирно-историческое значение.

Отторжение социалистического выбора и бросок современной России в «демократию и рынок» в 1990-е годы не принесли ожидаемых позитивных результатов, породили новые острые системные противоречия. Однако в настоящее время справедливость и благосостояние общества, стратегическое планирование социально-экономического развития при ведущей роли государства, расширение пространства публичной политики и гражданского участия, кажется, вновь возвращаются в число приоритетов российской власти. Ставится задача сделать Россию «страной для всех» [17]. В международных отношениях Россия выступает за формирование справедливого мирового порядка, основанного на уважении суверенитета и права государств выбирать собственную модель внутреннего развития. Перед миром стоят новые глобальные вызовы. Для выживания человечеству нужны масштабные прорывные идеи, способные предотвратить его гибель. Сто лет назад на главные вызовы той эпохи свой ответ дала Великая российская революция.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Федотова В.Г. Модернизация и культура. М.: Изд-во «Прогресс-традиция», 2016. Электр.версия. С. 257.
2. Медведев В.А. Социализм вчера, сегодня, завтра // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор. Под ред. М.И. Воейкова. СПб. : Алетей, 2011. С. 25.
3. Листиков С. Президент Вильсон и «новая» дипломатия // Эксперт. Специальный выпуск. Столетие Первой мировой войны. 2014. № 31-32. С. 56-60.
4. Из работ последнего времени, раскрывающих глубинные причины и ход революции следует выделить вышедшую в 2017 г. фундаментальную двухтомную монографию «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура», подготовленную в Институте российской истории под ред. Ю.А. Петрова.

5. Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 40. С. 179.
6. См. подробнее: Малиа М. Локомотивы истории. Революции и становление современного мира. М., 2006.
7. Гайва Е., Гурова Т., Обухова Е. Не в отдельно взятой стране // Эксперт, 18-24 сент. 2017. С. 17-19.
8. См. подробнее: Пленков О.Ю. Истоки современности. Динамика и логика развития Запада в новейшее время. Спб.: «Восход», 2014. С. 179.
9. Капто А.С. Нацизм и «либеральный антисталинизм». Отпор фальсификаторам истории. М., 2012.
10. См.: Лавренов С.Я. О преемственности германского военно-стратегического планирования в первой половине XX века // Вестник Московского университета. Сер 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 4.
11. Рибер А.Дж. Послевоенные цели Сталина // Российская история. 2017. № 4. С. 146.
12. Системная история международных отношений в двух томах / Под ред. А.Д. Богатурова. Том второй. События 1945-2003 годов. М.: Культурная революция. 2006. С. 32-37.
13. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М., 2012. С. 289-296.
14. См.: Золотарев В.А., Путилин Б.Г. Месть за Победу: Советский Союз и холодная война. М.: Военная книга, 2014.
15. Комплекс причин и ошибок, вызвавших распад СССР, проанализирован в книге: «Теория и практика социализма и его перспективы в XXI веке». Составитель И.М. Брагищев. М., Изд-во ИТРК, 2009. С. 205-241.
16. Дискуссии по проблеме см. в кн.: Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М., Культурная революция. 2009.
17. Гурова Т., Обухова Е., Скоробогатый П. Россия для всех Анализ докладов рабочих групп «Единой России» // Эксперт. 23-29 октября 2017 (№ 43). С. 13.

О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Смирнов Геннадий Николаевич

Профессор Дипломатической академии МИД России.

Эл. почта: genasmirnov-1940@yandex.ru

Аннотация. Русский национальный характер имеет свои характерные черты, отличные от черт, присущих другим. В статье подчеркивается насущная необходимость возрождения лучших качеств в национальном характере русского народа. В связи с этим автор считает, что небесполезно было бы обратиться к трудам как отечественных мыслителей, философов, поэтов, литераторов, так и зарубежных исследователей, занимающихся изучением русского национального характера, потому как и сегодня его уникальность вызывает живой интерес, стремление понять, объяснить те или иные характерные его черты. Та внутренняя сила, духовность и жертвенность народа, его доброта, душевная простота, сострадание и бескорыстие и, вместе с тем, инертность, нелогичность и иррациональность поступков, поведение, оправданное чаще всего лишь интуицией — все это делает русский народ не похожим ни на один народ в мире. Россия же, в которой живет такой народ, не похожа ни на одну страну в мире.

Ключевые слова: религия, идеология, национальные интересы политика, политическая культура, диалог культур, международные отношения, духовные ценности, национальность, русский народ, «Восток-Запад», черты характера, русская душа.

Smirnov Gennady Nikolayevich

Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,

ABOUT RUSSIAN NATIONAL CHARACTER

Abstract. Russian national character has its own characteristics, distinct from the features inherent in other nations. The article emphasizes the urgent need for the revival, resurrection of the best qualities in the national character of the Russian people. In this regard, the author believes that it would be useful to turn to the works of both domestic thinkers, philosophers, poets, writers, and foreign researchers who were engaged in and engaged in the study of the Russian national character, because, as now, its unusual and incomprehensible features are of great interest, the desire to understand, explain some of its characteristic features. That inner strength, spirituality and sacrifice of the people, its kindness, spiritual simplicity, compassion and unselfishness, and at the same time, inertness, illogicality and irrationality of actions, behavior justified by intuition more often than not, all this makes the Russian people unlike any people in the world. Russia, in which such an extraordinary nation lives, does not resemble any country in the world.

Key words: religion, ideology, national interest policy, political culture, dialog culture, international relations, treasure valuables, nation, the Russian people? "the East-the West", the russian Heart.

Национальный характер любого народа представляет собой целостную систему со свойственной ей иерархией качеств, доминирующих в образе мыслей и действий, в культуре, стереотипах поведения, свойственных данной нации. Проблема эта достаточно сложна, и в ее изучении необходим комплексный подход.

Понятием «национальный характер» сегодня пользуются весьма активно. Экспертным сообществом общепризнанно, что существуют национальные особенности, которые представляют

свойственное только одному народу сочетание национальных и общенациональных черт и они проявляются как определенные нормы и формы реакции на окружающий мир, а также как нормы поведения и деятельности. Таким образом, национальный характер — это совокупность специфических физических и духовных качеств, норм поведения и деятельности, типичных для представителей той или иной нации.

Как пишет в своем исследовании «Национальные образы мира» Георгий Гачев, «каждый народ видит мир особым обра-

зом. Зависит это от того участка мирового бытия, который достался каждому народу: от особого сочетания перво-стихий — земли, воды, воздуха, огня, — которое отлилось и в составе человека (этническом и духовном), и в быту, и в слове. История народы меняет, перемешивает, однако работает она на добротном, сложившемся тысячелетиями субстрате, а все изменения суть именно его изменения, оттого и история своеобразна [1].

Истории каждого народа сложны и противоречивы. По этой же причине неоднозначны и национальные характеры каждого из народов, которые складывались на протяжении веков под влиянием географических, климатических, социально-политических, религиозных и иных факторов. Большинство исследователей считают, что можно выделить две большие группы таких факторов: во-первых, природно-биологические и во-вторых, социально-культурные.

Особое значение для этногенеза русского народа имели лес и степь, именно на границе этих двух зон, вдоль больших и малых рек и расположилась Русь. Лес служил надежным убежищем при нападении внешних врагов, но лес и укрывал разбойников, здесь обитали дикие звери, у леса приходилось отвоевывать с огромным трудом территории для земледелия. Поэтому лес всегда был тяжел для русского человека, который населил его еще всевозможными страхами. Аналогичные двойственные чувства вызывала у русского человека и степь. Простор и ширь, с одной стороны, но и вечная угроза от многочисленных кочевников, с другой. Человека на равнине охватывало чувство невозмутимого покоя, одиночества и унылого раздумья. Как считают многие исследователи, именно здесь причина таких свойств русской духовности, как душевная мягкость и скромность, смысловая неопределенность и робость, невозмутимое спокойствие и тягостное уныние, отсутствие ясной мысли и предрасположенность к духов-

ному сну, аскетизм пустынножительства и беспредметность творчества. Степь дала русскому национальному характеру не ведомый Западу фатализм, стоицизм, широту души, способность легко сходиться и уживаться с соседями.

Эта раздвоенность между лесом и степью преодолевалась любовью к реке, которая была и кормилицей, и дорогой, и воспитательницей чувств порядка и общественного духа в народе. На реке воспитывался дух предпринимательства, привычка к совместному действию, сближались разбросанные части населения, люди приучались чувствовать себя частью общества.

В.О.Ключевский в качестве факторов, определяющих специфику русского характера, называл своеобразие и капризы русской природы, сочетание короткого лета и длинных осени и зимы, лесное окружение. Отсюда, по его мнению, проистекают такие противоречия в русском характере, как отвага и безрассудство, способность к напряженному труду и длительному бездействию, отсутствие привычки к ровному постоянному труду, замкнутость и осторожность, осмотрительность, склонность к колебаниям, крепость «задним умом».

Своеобразие русского национального характера связано с гигантскими, по европейским меркам, расстояниями, «размахом» России, ее непознаваемостью и неисчерпаемыми материальными и людскими ресурсами.

Необъятная земля, по выражению Н.Бердяева, — это «национальная плоть», которую предстоит возделывать и одухотворить. Однако русский человек пассивно относится к стихии земли, не стремится облагородить, «оформить» ее.

Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности — он расплывался в пространстве. И это было не внешней, а внутренней судьбой русского народа, ибо все внешнее есть лишь символ внутреннего.

С внешней, позитивно-научной точки зрения, огромные русские пространства представляются географическим фактором русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это — география русской души. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны... Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности. Со всех сторон чувствовал себя русский человек окруженным огромными пространствами, и не страшно ему было в этих недрах России. Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней» [2].

Таким образом, среди факторов, формировавших российскую деловую культуру, важнейшим является фактор географический. Если в Западной Европе успешное развитие рынка обеспечивалось мягким и теплым климатом, благоприятным для сельского хозяйства, удобными речными и морскими путями, сыгравшими огромную роль в Средние века и эпоху Великих географических открытий, то резко-континентальный климат России создавал большие трудности для крестьянского труда, обуславливая поиск форм организации хозяйственной жизни и создание отношений между людьми в процессах производства и товарообмена совсем иных, чем на Западе. Сжатые сроки уборки урожая из-за короткого лета, сам рельеф местности — лес и степь, — требовали «ав-

ральности», «штурмовщины», заставляли людей объединяться, «наваливаться всем миром». Тяжкие природно-климатические условия заставляли российского крестьянина в течение долгих столетий дорожить общиной как нормой социальной организации.

Этнический стереотип формируется на основе избирательности, постоянного сопоставления соответствующих черт своего и чужого народа, иными словами, стереотип формируется при сравнении «нас» с «не нами», хотя обычно это происходит спонтанно и редко осознается отдельным человеком. Такая категоризация «мы — они» происходит с древнейших времен и связана с тем, что человек, являясь членом различных социальных групп и общностей (классов, половозрастных, профессиональных, религиозных, политических, этнических групп), постоянно противопоставляет себя и членов своей «эталонной» группы другим людям, другим социальным группам.

Первые более или менее устойчивые представления о русских появились в Европе в XVI в. в книге Сигизмунда фон Герберштейна «Записки о московитских делах» [3], изданной в 1549 г. на латинском, а в 1557 г. на немецком языке под названием «Московия». Автор уделил основное внимание быту москвичей, описанию страны, людей, экономике, торговле, обычаям, традициям, религии и этикету.

В основе национального характера лежат социальные ценности, хранятся эти ценности в национальном характере народа, а устойчивость ценностей придает устойчивость обществу и нации. Поэтому представляется важным выявить набор ценностей, носителем которых является народ, в том числе русский.

Русские ценности вместе с тем являются и российскими, носителями их выступали представители не только русского, но и других народов, связанных с Россией общностью исторических су-

деб, — грек Михаил Триволис (Максим Грек), хорват Юрий Крижанич, белорус Франциск Скорина, украинец Григорий Сковорода и Феофан Прокопович, молдаване Дмитрий и Антон Кантемиры, армянин Микаэл Налбандян, азербайджанец Мирза-Фатали Ахундов, грузины Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели, казах Чокан Валиханов и многие другие.

Одной из специфических черт русского характера является терпимость к чужим нравам и обычаям, выработавшаяся благодаря жизни в многонациональном государстве. Исторически русские всегда были открыты пришельцам. Так, в XVI — XVIII вв. было много «немцев», т. е. поляков, голландцев, датчан, шведов, французов, и все они чувствовали себя в России превосходно. Кроме того, русская культура была издавна связана с культурами соседних стран. Все это способствовало формированию в России интереса к ним, включению элементов этих культур, в первую очередь западноевропейских в российскую. Русские легко схватывали, перенимали иноземное, обладая способностью переработать его до неузнаваемости, что свидетельствует об их гибкости и восприимчивости.

Служению России посвятили свои жизни многие выдающиеся люди, имеющие самые различные национально-исторические корни. Среди них полководцы М.Б. Барклай де Толли, П.И. Багратион, мореплаватели В.Беринг, Ф.Ф. Беллинсгаузен, И.Ф. Крузенштерн, ученые К.Бэр, Э.Х. Ленц, Б.С.Якоби, зодчие В.В. Растрелли, К.И. Росси, О.И. Бове. «Такое единство в многообразии» никогда не было чуждо жизненным и государственным устоям России. Питирим Сорокин в книге «Россия и Соединенные Штаты» (1944) доказывал, что история русской нации вполне свободна от дискриминации, притеснения и эксплуатации нерусских национальностей России со стороны русской нации и что в настоящее время нерусскому населению даны

привилегии, свободы и конституционные права, которыми не обладает даже сама русская нация [4].

Геополитическое расположение России между цивилизациями Запада и Востока стало глубинной основой ее двойственности, образовав структуру русского архетипа. «...Русские не чисто европейский и не чисто азиатский народ». В этой стране соединяются «два мира, две цивилизации» [5]. Однако дело здесь не только в геополитическом расположении России, но и в ее истории. Проблема выбора между Западом и Востоком встала перед Россией еще в XIII в., когда возникла угроза одновременно с двух сторон. Тогда князь Александр Невский обоснованно предпочел Восток, поскольку «увидел в монголах силу, которая помогла ему сохранить и консолидировать русскую культуру, сохранить ее идентичность от латинского Запада» [6]. В это же время у Руси появились иные географические горизонты: русская торговля открыла пути на Восток, что еще более отдалило ее от Западной Европы.

Еще один компонент «восточности» России — византийский, возникший после крещения на Руси по православному образцу в X в. Россия связана духовно не вообще с Востоком, а именно с Ближним Востоком. Поскольку Византийская империя сложилась при распаде в IV в. Римской империи (просуществовала до XV в.) из ее восточных территорий. Она была населена греками, сирийцами, армянами, коптами и другими этносами, и народами. Древняя Русь наследовала от Византии некоторые составляющие ее культуры, в числе которых отсутствие сословной замкнутости, сельские общины и городские коммуны, многокупольные церкви, традиции иконографии.

Однако, несмотря на достаточно глубокие восточные корни, для России было характерно постоянное стремление к Западу, к Европе.

Россия никогда не была государством только для русских! Русские дали имя

этому государству, положили ему начало, но никогда не создавали его исключительно для себя. Русский народ, наряду со всеми другими, а зачастую и в большей степени, разделял тяготы самодержавного и тоталитарного правления. Большевизм не был исключительно русским порождением. В той же степени несут за него ответственность латыши, украинцы, евреи, грузины, представители других народов. Крайности большевизма часто усугублялись именно выходцами из нерусских народов. Чувствуют ли грузины свою ответственность за Сталина и Берию? Не грех и евреям взять на себя ответственность за Троцкого, Кагановича, Свердлова и других. Противопоставлять собственный национализм большевизму — значит взвалить вину за происшедшее в нашей истории на другой народ, считая себя свободным от исторической ответственности. Здесь корни любого национализма, а значит и потенциального антидемократизма. Никакой народ не застрахован от болезни тоталитаризма.

Русский национализм — это особый тип национализма. Русский всегда должен понимать, что его государство — это Евразия, славяно-тюркская общность и совместная жизнь на единой территории разных народов с разными культурными традициями.

За 300 лет монгольского владычества Россия восприняла ряд ценностных ориентаций, образ мышления, идею приоритета государства над гражданским обществом, ярко выраженную традицию деспотии. С середины XIII в. на Руси утвердились образцы восточной цивилизации, в которой отношение людей к себе и к окружающему миру, к власти иные, чем на Западе. Влияние восточных культур предопределило развитие общинного характера русского народа (соборность, коллективизм), что в свою очередь послужило истоком для таких его качеств, как сильная зависимость индивида от коллектива, бесконечное

терпение, упорство в отстаивании своих взглядов, чувство солидарности, преклонение перед авторитетом.

Следует отметить, что на протяжении почти 200 лет в России попеременно преобладало то германское, то французское, то английское влияние. Германское при Анне Иоанновне (1730—1740), Петре III (1761—1762), Павле I (1796—1801), Николае I (1825—1855); французское при Елизавете Петровне (1741—1762), Екатерине II (1762—1796), в значительной мере при Александре I (1801—1825). Английское влияние ощущается в России со второй половины XVIII в.

Джеймс Биллингтон оценивает французское влияние как очень сильное, он отмечает: «Хотя французская культура зачастую доставалась России из вторых рук, в ней, тем не менее, обычно видели законченное целое, которое следовало целиком принимать или целиком отвергать. Даже более, нежели когда-то в отношениях с Византией, русские стремились перенять французский опыт помимо сопутствующего ему критического духа. Екатерина видела во французском Просвещении способ утвердить свой административный авторитет на прочных философских основаниях и обеспечить российской нации нравственное лидерство в Европе. Для российских дворян французская культура была способом достижения социальной общности» [7].

По словам Н.А.Бердяева «русский народ по своей душевной структуре народ восточный. Россия — христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи» [8].

Спор о религиозности или безрелигиозности русского народа, начатый еще В.Г.Белинским с Н.В.Гоголем, продолжается до сих пор. «По-вашему, русский народ — самый религиозный в мире. Ложь! — говорил Белинский — Основа религиозности есть поэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек

произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: годится — молиться, не годится — горшки покрывать. Приглядитесь пристальнее, и вы увидите, что по натуре своей это глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности» [9].

Абсолютное большинство зарубежных авторов одним из основных факторов восприятия русских и России в целом называют «загадочность русской души», которая представляет собой не просто распространенный стереотип присущих русским качеств, как, например, гостеприимство, открытость или музыкальность. Понятие «русская загадочная душа» вмещает в себя и объяснение многих причин поведения русских. В частности, экстремальная биполярность России и русских, вся самобытность, неясность, не поддающиеся рациональному объяснению поступки как отдельных людей, так и России в целом могут объясняться именно «русской душой».

Русский народ имеет особое качество, проявляющееся с очевидностью, — талант восприятия. Это особого рода одаренность встречается довольно редко, трудно вспомнить иной народ, который полагал бы такой вид одаренности присущим ему достоинством: одаренность без производительности, талант без свершения. То, что произведено культурой Европы, удивительно быстро схватывается, понимается, развивается до неузнаваемости. Это качество и называется «талантом переимчивости». Именно в таком заимствовании не видит ничего предосудительного А.С.Пушкин и в Письме к П.Я.Чаадаеву от 18 октября 1836 г. подчеркивает: «У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека

с предрассудками, — я оскорблен — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» [10]. Пушкин больше других в тогдашней России размышлял над тем, в чем единство русской литературы с европейской и в чем отличие. Он пришел к оригинальному и глубокому выводу: единство заключено как раз в национальном своеобразии. Иначе говоря, именно в том, чем русская или иная литература обогащает собой своими высшими достижениями мировую, другие литературы, за счет чего эти достижения становятся всеобщим достоянием культуры.

У России свое предназначение, свой путь развития. Она не должна в своем развитии слепо следовать за Западом или Востоком, наоборот, ее призвание — примерить эти две Культуры, вобрав в себя все лучшее, что есть у них.

Разговор о России и Европе, России и Западе должен предшествовать другой разговор: мы и Россия. Как мы, живущие сегодня в России связаны с ней, что в ней ценим, считаем своим, чем дорожим в ее истории и культуре, за что готовы бороться и чем согласны пожертвовать?

В России, как известно, все есть: в ней легко обнаружить западные и восточные корни, элементы европеизма и самой дикой азиатчины. Правы и те, кто говорит о духовной близости России и Запада и те, кто противопоставляет их в качестве различных культурно исторических типов. Но вот кто мы сегодня? И что есть для нас Россия? Почему мы — жители и граждане России — так расходимся в своих представлениях о ней? Почему для одних в России ценно только то, что напоминает Европу, а для других — то, что отделяет от нее? Этот раскол, питаемый ненавистью и враждой друг к другу, приобрел сегодня крайне болезненные и уродливые формы. «Патриоты» не любят «либералов», «почвенники» — «де-

мократов», «государственники» — «рыночников», последние платят первым той же монетой и все вместе в своей вражде губят Россию.

Никуда не уйти от того факта, что сегодня Россия в своем государственном развале и экономическом распаде, как никогда в своей истории, далека от Запада и от Европы. То, что сейчас происходит с нами — дорога не в Европу, а в прямо противоположном направлении.

Мы еще не до конца осознали последствия этого развала для нашей культуры, которой столь гордимся. Ведь она была соразмерна размаху и мощи Российского государства, во многом формировалась под его прямым покровительством. Никакая мелкая и крупная «приватизация» не восполнит тех потерь, которые несут сегодня наша наука, просвещение, искусство, образование, оказавшиеся без поддержки централизованных государственных структур. И это в эпоху перехода на Западе к постиндустриальной цивилизации с ее мощной информационной базой, с приоритетом науки и образования перед остальными областями деятельности. Забота об элементарном пропитании и физическом выживании вытеснила на периферию государственного интереса дальнейшее освоение космоса и наращивание темпов научно-технического прогресса, которые только и позволяют встать сегодня вровень с другими цивилизованными странами.

Экономическая система Запада явилась следствием не просто свободы частного предпринимательства, но такой, которая регулировалась жестко действующими правовыми установлениями и нормами. Вне права частно-предпринимательская активность легко вырождается в экономический разбой и спекуляцию, ведущие к обнищанию общества. Никакой рынок сам по себе не может превратить бандита и мошенника в честного торговца и предпринимателя. А гарантией правового порядка является сильное государство, способное не

только принимать, но и соблюдать свои законы.

Противопоставлять рынок государству — значит входить в него не по-европейски, а по «законам джунглей». Свобода частного предпринимательства в цивилизованном обществе, будучи свободной от произвола чиновничества и внеэкономической элиты, не освобождает человека от власти морали и права.

Сам тип русской ментальности на протяжении длительного периода истории отличался явным приматом «общественного» над «частным» ... Эта способность признавать «общее» более важным, чем «частное» (отнюдь не отвергая последнее), имела громаднейшее значение в многострадальной истории русского народа... Наряду с такими производными качествами, как доброта, отзывчивость, готовность к самопожертвованию, долготерпение, трудолюбие, отчаянная храбрость и коллективизм, она на протяжении столетий составляла особенность русского менталитета и главную черту национального характера» [11].

«Ни социальная жизнь Запада, основанная на меркантилизме и экономическом рабстве, ни его культура, ни его политический строй с господством охлократии, не могут возбуждать нашей зависти. Франция — политический вулкан. Англия — сплошная торговая контора, Америка — страна рабства и меркантилизма, Испания — очаг нечеловеческой жестокости. Россия же сильна своим политическим и социальным бытом, а главное особенностями народной психологии и общим направлением духовной жизни» [12].

У России — свое предназначение, свой путь развития. Она не должна слепо следовать за Западом или Востоком, наоборот, ее призвание — примерить эти две Культуры, вобрав в себя все лучшее, что есть у них.

Представляют интерес советы, которые дают западные специалисты по

«русским делам» [13] своим соотечественникам, относительно их поведения на деловых встречах с русскими партнерами. Приведем некоторые из них.

В истории России никогда не было развитой, в западном понимании, демократии, поэтому не ждите, что они автоматически станут эгалитарными, справедливыми, беспристрастными и открытыми для прямой дискуссии. Разумно будет объяснить русским, что вы думаете об этих понятиях.

Такие термины, как «демократичный», «честная игра», «прибыль», «движение денежных средств» мало, что значит для них на любом языке, поэтому пользуйтесь этими словами осторожно. Вы можете основывать свои решения на фактах для вас нейтральных, а у русских они могут вызвать эмоции.

Если у вас на руках «сильные карты», не злоупотребляйте ими, русские — гордые люди, и их нельзя унижать, кстати, они не так сильно, как вы, заинтересованы в деньгах, поэтому легче, чем вы, отказываются от сделки. Русские больше ориентированы на людей, чем на дело.

Выпивайте с ними между встречами, если можете, — это один из самых верных способов «навести мосты», кстати, выпивать они предпочитают сидя и часто произносят тосты и короткие речи; любят похвалу, особенно если это связано с достижениями России в технологии, а также с крупными успехами в области искусства и спорта.

Постарайтесь им понравиться. Если вам это удастся, то они будут подговаривать вас «обмануть систему», так как они больше вашего не любят жесткие инструкции и в этом отношении сродни итальянцам. Как можно чаще показывайте свое недоверие к слепой власти или чрезмерной бюрократии.

Русские действуют в основном коллективно, поэтому не выделяйте кого-либо особо на переговорах. Зависть к чужому успеху — это тоже черта русского характера.

Очень чувствительно русские относятся к разговорам о войне, считая, что Россия вела большинство войн, обороняясь от агрессивных соседей. Им не известна ваша версия исторических событий.

К Америке они относятся подозрительно, с примесью нескрываемого восхищения. Они уважают стариков и презирают отношение к ним американцев. Они любят своих детей больше, чем многие из нас; обмениваться с ними фотографиями детей — прекрасный способ установить контакт.

При деловом обсуждении для них в первую очередь важны личные взаимоотношения, потом форма беседы, внешние проявления общения и только после этого возможность заработать.

Решение о том, что правильно и что неправильно, по представлению многих русских, определяется мнением большинства, а не законом. Чувство ностальгии у них развито достаточно сильно — настоящее не имеет такой власти над их мышлением, как, например, у американцев или австралийцев.

Как и немцы, на встречу они приходят без улыбки, их можно «растопить» проявлением взаимопонимания и искренности. Они, как и немцы, доверчивы, обожают поговорить по душам. То, чего они добились в жизни, достигнуто главным образом с помощью сложной сети личных отношений: «ты — мне, я — тебе». Они не ждут никакой помощи от чиновников, от государства.

Инакомыслие в целом не пользуется у русских популярностью, да и исторически более безопасным было групповое конформистское поведение, не старайтесь отделить русского от его «группы», какой бы она ни была.

Проведенные американским ученым Р.Льюисом исследования позволили ему дать следующие рекомендации для успешного делового сотрудничества с российскими партнерами: «Российские ценности глубоко человечны, их

герои универсально аутентичны, их внешние проявления и символы полны артистизма и эстетики. Для того чтобы преуспеть в отношениях с россиянами, нужно четко держать в своем сознании эти качества, вместо того чтобы уделять слишком много внимания загадочным и парадоксальным аспектам их поведения и их современным установкам» [14].

Отечественные и зарубежные авторы (исследователи, эксперты), с трудами которых мы познакомились, в своих работах прибегают к разным методам изучения данной темы: одни определяют основные черты русского национального характера, анализируя сказки, былины, мифы и анекдоты, другие анализируют историю народа, ее отдельные факты, события и поведение русского народа в той или иной ситуации, но все они склоняются к выводу, что русский народ — особенный народ, отмеченный

Богом и выполняющий возложенную на него миссию.

Существованию в русском характере индивидуальной активности (вера в собственные силы, готовность к риску) и пассивности (фатализм, покорность судьбе) посвящены пословицы: «Богу молись, а своего ума держись», «До неба высоко, до царя далеко», «Удача-кляча, садись и скачи», «На Бога надейся, а сам не плошай», «Что не делается — все к лучшему», «Не буди лиха, пока оно тихо».

Важно для понимания характера русского человека его отношение к таким нравственным категориям, как честность/нечестность, нравственность/безнравственность, а также патриотизм или прагматизм; «С миру по нитке — голому рубаха», «С родной земли — умри, не сходи», «От трудов праведных, не наживешь палат каменных», «Заработанный ломоть лучше краденного каравая».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. — М., 2007. С.33.
2. Н.А.Бердяев. Судьба России. М., 1990. С. 28.
3. Немецкий дипломат бывал в России в 1517, 1526 гг.
4. Русская идея/Сост. М.А.Маслин., 1992. С.16.
5. Н.А.Бердяев. Указ соч. С.28.
6. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре// Евразийский сборник. Берлин, 1925. Т.4, С.14.
7. Биллингтон Дж. Икона и топор. М., 2001. С. 267.
8. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.7.
9. Русская идея. М., 2002. С. 131.
10. Пушкин А.С.Пол. Собр. Соч. в 10 т. М., 1958. Т.10. С.873.
11. Милов Л. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства.// ОНС. 1995, № 1. С. 86-87.
12. Одоевский В.Ф.«Русские ночи».
13. По материалам авторов: Джеймс Х.Биллингтон. Икона и топор. М., 2001; Тэлботт С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М., 2003; Линн Бренен. Новая энциклопедия этикета. Деловой этикет 21 века. М., 2004; Ягер Джен. Деловой протокол: стратегия личного успеха. М., 2004; Фишер Р., Юрии У., Патон Б. Переговоры без поражения. М., 2006; Льюис Ричард Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 2001; Тромпенаарс Ф. и Хэммпден-Тернер Ч. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса. Мн., 2004; Ричард Р.Гестеланд. Кросс-культурное поведение в бизнесе. Днепрпетровск, 2003.
14. Ричард Льюис. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 2001. С.275.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ СОВЕТСКОГО ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Цеханская Кира Владимировна

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Института этнологии и антропологии РАН

Эл. почта: kirilla2011@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается религиозность русско-советского социума в 20-40-е гг. XX века. Особое внимание уделено анализу открытых форм выражения православной веры в годы Великой Отечественной войны. В работе затрагиваются острые вопросы периода советской истории, в число которых входят: спорность статистики репрессий, разрушающей возможность общеправославного консенсуса в обществе, феномен социотипа советских людей, непротиворечиво соединяющий «религиозность» и «советскость», а также религиозный источник победы СССР над фашизмом, основанный на традиционных идеалах Православия.

Ключевые слова: модус самоидентификации, рудиментарная православность, социотип, коллективное бессознательное, потенциал веры, святость, жертвенность.

Tsekhanskaya Kira Vladimirovna

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS

CIVILIZATIONAL AND RELIGIOUS SELF-IDENTIFICATION OF THE RUSSIAN-SOVIET SOCIETY BEFORE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article focuses on the religiosity of the Russian and Soviet society from 1920 through 1950. Special attention is paid to the analysis of open forms of faith expression during the Great Patriotic War. Among the pressing issues of the Soviet history period considered in the article are: the contestability of the repression statistics disabling Orthodox consensus of the society; the phenomenon of the sociotype of Soviet people uncontroversially matching "religious" and "Soviet" mentalities, as well as the religious source of the USSR victory over fascism based on the Orthodox ideals traditional people.

Key words: self-identification modus, rudimental Orthodoxy, sociotype, unconscious, faith potential, sacredness, self-sacrifice.

Великая Отечественная война высвободила религиозную энергию русских. Из подтекстов культуры, из гонимой Патриаршей церкви, из нелегальных церковных катакомб непрерывно молящегося сообщества Православие полноправно и открыто вступило в личную и государственную жизнь людей. Само начало войны 22 июня, в день прославления всех русских святых, явилось как бы метафизическим сигналом к немедленному и всеобщему примирению Церкви, власти и общества. Первый шаг в этом направлении совершила Русская Церковь.

О начале войны местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Сергию (Страгородскому) сообщили после праздничной литургии, когда владыка собирался служить акафист «Всем святым в земле российской просиявшим». Митрополит Сергей тут же произнес патриотическую проповедь и благословил паству на предстоящий всенародный подвиг. 26 июня местоблюститель отслужил молебен о победе русского оружия в Богоявленском соборе и, положив начало всенародных пожертвований на нужды Красной Армии, снял бриллиантовый крест с клобука и наперсный

крест в качестве священного «зачала» общенародной помощи[1]. Общеизвестно, в военных окопах нет атеистов. В русских окопах проливалась кровь, прежде всего, крестьянская Россия, крепко связанная с землей, традиционно верующей деревней, с крестьянскими матерями, женами и сестрами в «белых платочках», спасавших и земную церковь и своих близких молитвенно-литургическим стоянием. Исходя из афористического цитероновского определения Священной войны — «За очаги и алтари!» — можно сказать так: очагом для советских солдат была его малая родина, алтарем, как место жертвоприношения во имя самой возможности бытия, стала вся страна. Не отвлеченная идея родной земли, не лирически-поэтический образ самой по себе существующей Родины, а конкретная, земная Советская Россия, государство с определенной системой ценностей, с общинно-солидарным социо-культурным укладом — вот что защищал советский народ в 1941-1945 гг [2].

Испытание войной, тревога за близких, страну, ожидание возможной смерти, плена, страданий открыто и ярко загляли в народе его простую и сильную веру, «пламеневшую» в глубинных культурных кодах советского жизнеустройства. Простота веры выражалась в отсутствии сомнений и рефлексий, в целостном восприятии очевидности Божественного промысла. Сила — в смирении перед страданием, смертью и одновременно в дерзновенных попытках их преодоления. О религиозности русско-советского социума в годы Великой Отечественной войны говорить и легко, и сложно. Легко потому, что сама суть подвига советских людей носит несомненно жертвенный, евангельский характер «за други своя», как бы не нуждающийся ни в каких задокументированных доказательствах. Сложно от того, что собранные на сегодня многочисленные свидетельства открытой религиоз-

ности советских людей, равно как и случаи трансцендентных знамений во время военных действий все же настоятельно требуют документального подтверждения. Но это необходимо отнюдь не для того, чтобы «загнать» все известные явления веры и чудес в позитивистско-секулярную систему научного осмысления, что в принципе невозможно из-за специфики объекта познания — ирреального феномена религиозной веры. Это требуется для того, чтобы и удивительный религиозный подъем народа, и опыт достоверных встреч с иноприродной, то есть божественной реальностью не были бы со временем переформатированы в красивый миф, в елейную сказку о том, чего в реальности быть не могло. О спасательных знаменьях, чудесных спасениях и об открытом выражении религиозных чувств — как воинов Красной Армии, так и мирных граждан, в последние годы собран весомый документальный материал. При ознакомлении с ним выявляется одна особенность. Почти все опубликованные материалы в виде воспоминаний, дневниковых записей, эпистолярного наследия и пр., носят, как правило, безыскусный, порой просто-душно восторженный и даже слегка наивный характер. Указанная особенность служит причиной критического отношения ученых к подобного рода свидетельствам. Недоверие и критицизм встречается со стороны двух противоположных, идеологических позиций: из лагеря «пишущей» православно-церковной общественности и со стороны секулярно-мыслящего академического сообщества. Если первые не желают верить, что «сталинская Россия» могла быть в хоть какой-то мере религиозной, то вторые просто отрицают фактор религиозности народа и ее влияние на исход военных событий.

К этим слаженным параллельным траекториям исторического мышления добавляется одна фундаментальная, неустраиваемая тенденция, не приемлемая

как для историков-либералов, так и для части церковных публицистов. Она состоит в том, что воюющий с фашистской Германией советский народ, повернувшийся ко Христу, Божией Матери, к церковным алтарям одновременно оставался верен своей советской Родине — к чему, собственно, и призывал первый патриарх XX века, святой первоиерах Тихон (Беллавин) в своем предсмертном завещании от 7 апреля 1925 г.: «Призывая на архипастырей, пастырей и верных Нам чад благословение Божие, молим вас со спокойной совестью, без боязни погрешить против Святой веры, подчиняться Советской власти не за страх, а за совесть, памятуя слова апостола: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим., 13.1) [3].

Основополагающий аспект завещания святого патриарха Тихона, после всех политических конфликтов Церкви и власти 20-х, 30-х гг., с началом Великой Отечественной войны лег в основу примирения Церкви, верующих и государства. Сам процесс примирения отнюдь не подразумевал никаких компромиссов или догматически-канонических уступок со стороны Церкви. Объединяющий мировоззренческий контекст всеобщего гражданского согласия афористически ярко выражен в известном письме рядового М.Ф. Черкасова, который пишет из окопов своей матери: «Мама, я вступил в партию... Мама, помолись за меня Богу!» [4]. Полагаем, в этих безыскусных словах солдата нет никаких противоречий, лжи, путаницы понятий. Очевидно, что для многих воинов Красной Армии и молящаяся Церковь, и Верховный Главнокомандующий, и возглавляемая им партия во время противостояния с нацистской Германией воспринимались в качестве единой национальной духовно-политической силы, организующей будущую победу. Какой же фактологический материал служит сегод-

ня в качестве доказательств открытой и глубокой религиозности крещеного русско-советского социума, проявленной в годы Великой Отечественной войны? Это многочисленные свидетельства обретения и просто укрепления веры, когда молитвенное обращение к Богу спасало от неминуемой смерти. Это встреча с иноприродной реальностью, например, — лицемерие образа Божией Матери под Сталинградом, явление, отмеченное даже Главным Политуправлением Красной Армии [5]. Это победоносный ход военных событий под Москвой, в Ленинграде, Сталинграде, Кенигсберге, овеянный соборной молитвой Иконе Казанской Божией Матери. Это документально зафиксированные свидетельства глубокой веры советских военнопленных и угнанных в германское рабство мирных граждан СССР. Наконец, это факт небывалой вовлеченности советского народа в богослужебную жизнь Церкви, которая, в свою очередь, совершила настоящий подвиг христианского всепрощения и жертвенной любви к Отечеству.

Доподлинно известно, что не только множество простых рядовых солдат и офицеров, но и советский генералитет открыто проявляли свою веру и даже участвовали в проведении церковных служб и крестных ходах. Так, генерал Л.А. Говоров не один раз участвовал на богослужении в ленинградском Никольском кафедральном соборе [6]. Маршал Г.К. Жуков всю войну не расставался с иконой Казанской Божией Матери [7]. Замначальника Генштаба Б.М. Шапошников постоянно носил на груди финифтяный образок святителя Николая Чудотворца, очевидцы вспоминают, как бывший полковник Царской армии молился: «Господи, спаси Россию и мой народ!» [8] Преемник Шапошникова на посту начальника Генштаба, сын священника, маршал А.М. Василевский был организатором и участником знаменитого Кенигсбергского молебна [9]. Рели-

гиозное благочестие было свойственно маршалу Ф.И. Толбухину, брат которого — протоиерей — всю блокаду служил в Ленинграде. По приказу Толбухина в освобожденной Вене в 1945 г. были отреставрированы витражи в русском православном соборе и отлит в дар колокол с надписью «Русской Православной Церкви от победоносной Красной Армии» [10]. Религиозность была присуща командующему ленинградским фронтом генералу М.М. Лобанову. Так, при взятии г. Луки в 1944 г. генерал вызвал в д. Заозерье священника М. Образцова и в присутствии населения окрестных деревень, в присутствии всего штаба и красноармейцев был отслужен благодарственный молебен в честь одержания победы [11]. После Сталинградской битвы православные храмы стал посещать маршал В.Н. Чуйков, именно часть воинов 62 Армии, находившихся под его командованием, увидели в ноябре 1942г. образ Божией Матери в сталинградском небе, — знамение, ставшее знаком скорой победы [12]. О степени веры и воцерковленности военнослужащих Красной Армии можно судить по скупым отчетам советских чиновников, уполномоченных по делам Русской Церкви. В донесении уполномоченного по делам Русской Православной церкви в Марийской ССР за 1944 г. отмечалось, что церковные богослужения посещает даже командный состав воинских частей. В указанном документе приводится случай, когда верующие крестным ходом переносили в сентябре иконы из Цибикурской церкви в Йошкар-Олу, то по пути следования процессии к иконам прикладывались командиры воинских частей и жертвовали деньги, всего было собрано 17000 рублей [13]. Высокая степень воцерковленности военнослужащих наблюдалась в Москве и Московской области. Так, Г. Карпов, докладывая в ЦК ВКП(б) о праздновании Пасхи в ночь с 15 на 16 апреля 1944 г., подчеркивал: почти во всех церквях го-

рода присутствовали военные офицерского и рядового состава, общим числом более 500 человек. Активная посещаемость военнослужащими праздничного богослужения отмечалась в Подмоскovie: в Казанском храме с. Коломенское Ленинского района в службе участвовало 50 человек, в церкви Александра Невского пос. Бирюлево Ленинского района — 275, в Троицкой церкви г. Подольска — 100 человек [14]. Духовно-мобилизационную значимость церковного окормления воинов Красной Армии ясно осознавало высшее военное руководство. 2 ноября 1944 г. в Главное Политуправление РККА с 4-го Украинского фронта поступила телеграмма с просьбой в срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения проповедей в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов Православной Церкви [15].

Патриотическая позиция и деятельность Русской Православной церкви о которых будет сказано далее, вызывала признательность большого числа советских людей. Об этом писали в адрес правительства СССР командиры и бойцы действующей армии, общественные, религиозные деятели дружественных и нейтральных государств. Благодарственные письма поступали и в адрес церковных иерархов. Так, 1 мая 1944 г. боец Второй партизанской бригады А.Г. Голицин поздравил владыку Алексея (Симанского) с праздником, особо отметив важность церковной поддержки: «Ваш агитлисток сыграл немалую роль среди оккупированного населения в деле оказания помощи партизанам, а вместе с тем и борьбе против фашизма. Этот листок — среди населения — как Божье письмо, и из-за него немецкие коменданты грозили смертью...» [16] Можно сказать, война обострила и обновила благочестие крещеных людей, для которых ладанки, образки, нательные крестики стали настоящей святыней, а молитва превратилась в насущную

потребность души. Протоиерей Иоанн Букоткин вспоминал, как он потерял на соломенном полу землянки нательный крест. Старшина, зная о религиозности красноармейца, вынул из кармана гимнастерки иконку и крест и сказал: «Выбирай!» Букоткин взял иконку с образами Божией Матери и Спасителя, она сопровождала будущего священника всю войну. О. Иоанн подчеркивал, что у многих офицеров Красной Армии были нательные кресты и образки: кому мать дала, кому жена [17]. Другой священник, протоиерей Борис Васильев, пришедший в окопы диаконом и воевавший в Сталинграде, отмечал: «Немцы шли в бой, у них у всех было написано по-немецки «С нами Бог!» Немцы давили танками женщин, детей, стариков. Но мы-то шли со знаменами — там была красная звезда. Но была еще иконка в кармане и крест. У меня до сих пор хранится иконка Святителя Николая Чудотворца, пробитая пулей... [18]»

Уже собран и все время пополняется большой документальный материал о многочисленных случаях спасения из безвыходных ситуаций по личным и соборным молитвам красноармейцев. Приведем наиболее известные из них. Будущий патриарх Пимен (Извеков), ушедший на войну иеромонахом и ставший лейтенантом 519 стрелкового полка, вместе со своим полком попал в мае 1942 г. в окружение. Люди были обречены из-за высочайшей плотности огня. Тогда однополчане встали на колени перед молодым иеромонахом и попросили молиться о спасении: «Батя, молись! Куда нам идти?» Под шквалом огня будущий предстоятель Русской церкви стал молиться, обращаясь к своей потаенной иконочке Божией Матери. Полк прорвал окружение, люди спаслись. При этом некоторые участники молитвенного действия утверждали, что образ Божией Матери на иконе иеромонаха Пимена как бы «ожил», — Богородица протянула руку и указала путь спасения [19]. По-

добное чудо спасения по молитвам Божией Матери вспоминал один из членов танкового экипажа из 27 отдельной танковой бригады 2 Украинского фронта. Весной 1943 г. во время боев на Украине экипаж попал в окружение. 17 русских танков Т-34 против 32 «Тигров». И тогда командир майор Н.П. Первушин обратился к своим товарищам: «У кого-нибудь есть, ребята, то, что написали матери, бабушки для помощи в тяжелую минуту?» Так, неуклюже, может быть, впервые для себя, командир спрашивал о молитве. Такая молитва нашлась у одного из танкистов: «Огради мя, Господи, силою Честного и Животворящего Твоего Креста и сохрани мя от всякого зла. В руци Твои, Господи, Иисусе Христе Боже Мой, предаю дух мой. Ты же мя благослови, ты мя помилуй и живот вечный даруй мне. Спаси Господи». Сначала молитву прочел сам командир, под светом тусклой электролампочки, под грохот артиллерийских снарядов. Затем приказал снять шлемы и прочел молитву вслух еще три раза. Помолвившись, танкисты надели шлемы и, открыв сильный огонь, прорвали оборону, выйдя из боя без потерь [20].

Невозможно не упомянуть о знаменитом Кенигсбергском молении 7 апреля 1945 г. Как отмечалось выше, молебен был организован начальником Генштаба, командующим 3-м Белорусским фронтом, маршалом А.М. Василевским. Он приехал на участок фронта вместе с офицерами и священниками. Солдаты стали шутить, но командующий быстро прекратил всякие шутки, велел всем построиться и снять головные уборы. Священники отслужили молебен и двинулись с иконой Казанской Божией Матери к передовой. Более подробно об этом событии повествует монахиня София (Ошарина), насельница Раифского монастыря, участница взятия Кенигсберга: «Кенигсберг давался очень трудно. Мощные укрепления, связанные подземкой, большие силы немцев, каждый

дом — крепость... Взяли Кенигсберг с Божией Помощью. Я сама видела, хотя и наблюдала с некоторого расстояния. Собрались монахи, батюшки, человек сто или больше. Встали в облачениях с хоругвями и иконами. Вынесли икону Казанской Божией Матери. А вокруг бой идет! Солдаты посмеиваются: «Ну, батюшки пошли, теперь дело будет!» И только монахи запели, все стихло. Стрельбу как отрезало. Наши опомнились, за какие-то полчаса прорвались... Когда у пленного немца спросили, почему они бросили стрелять, он ответил: «Оружие отказало». Один офицер сказал мне тогда, что до молебна перед войсками священники молились и постились неделю [21]» Слова монахини Софии подтверждает прямой участник штурма Кенигсберга В.Г. Казанин, ставший впоследствии монахом Псково-Печерского монастыря — об этом эпизоде он часто рассказывал насельникам монастыря [22]. О Кенигсбергском молении свидетельствовало много очевидцев. Так, танкист 153 автополка Н.А. Бутырин видел молебен и крестный ход с иконой в смотровую щель танка. Он тут же крепко схватился за нательный крестик, пытаясь вспомнить слова молитв. Это было настолько необычно, что Бутырин до конца дней рассказывал о молебне в кругу семьи [23]. Другой участник штурма — Н. Бугаенко вспоминает: «7 апреля, на Благовещенье мы ждали боя. Вдруг видим, вдоль линии фронта движется крестный ход — впереди священники несут икону Казанской Божией Матери. За ними — вереница людей с иконами, крестами и хоругвями в руках. Это было так неожиданно, как будто и нет войны, никто не стреляет, ясно различимы слова молитв, песнопений... А дальше произошло совсем невероятное. Фашисты вдруг побросали оружие, орудия их тоже смолкли и с криком — «Мадонна!» — побежали прочь. Без единого выстрела мы взяли этот участок фронта» [24].

С началом гитлеровского нашествия на СССР Русская Православная церковь, упразднив все свои обиды на власть, призвала советский народ к сопротивлению, православный социум — к неугаваемой молитве о победе. Церковь сделала великий шаг. Кремль ответил на это. В июле 1941 г. состоялась первая краткая встреча Сталина с митрополитом Сергием (Страгородским) [25]. В 1942 г. столичные власти способствуют организации празднования Пасхи в Москве. В марте 1942 г. собор епископов в Ульяновске осуждает создание автокефальной Украинской Православной церкви. В ноябре 1942 г. управляющий Московской епархией, митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич) включается в состав Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний германских захватчиков. Высшее руководство Русской церкви жестко осудило духовенство, сотрудничающее с оккупантами, что значительно сократило масштаб коллаборационизма на оккупированных территориях страны. 4 сентября 1943 г. в Кремле происходит историческая встреча Верховного Главнокомандующего, руководителя страны с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским), Николаем (Ярушевичем). 10 апреля 1945 г. происходит вторая встреча в Кремле со Сталиным, на которой обсуждались вопросы, связанные с патриотической деятельностью Русской Православной церкви на завершающем этапе войны, а также рассматривалась возможность расширения сети духовных школ и создания церковной издательской и полиграфической базы. Во время встречи Сталин выразил надежду, что Русская Православная церковь внесет свой вклад в дело укрепления СССР на международной арене [26].

Жертвенно-патриотический дух русского священства ярко отразился в блокаде Ленинграда. К началу войны в городе действовали 8 церквей, где еже-

дневно совершалось богослужение. Каждый вечер святитель совершал молебен св. Николаю Чудотворцу, затем обходил Николо-Богоявленский собор с иконой святого, моля его о защите Отечества, града Петра и самого собора. Государство шло навстречу Церкви. В блокадном Ленинграде для полноценного совершения Божественной литургии власти выделяли епархии белую муку и вино. Осенью 1943 г. все выжившие в блокаду священнослужители: 20 человек из 80 были награждены медалями «За оборону Ленинграда» [27]. С конца 1943 г. священники в армию не призывались, пришедшие с войны возвращались к приходскому служению. Десятки священнослужителей были награждены медалями «Партизану Великой Отечественной войны» и другими медалями и орденами за боевые заслуги, самый известный из батюшек — партизан — о. Федор Пузанов собрал 500000 рублей на создание танковой колонны. Благодаря материальной помощи Церкви в действующую армию были направлены воздушные эскадрилья «Александра Невского» и «За Родину!» [28]. Традиционный религиозный архетип жертвенности, как это ни покажется странным, глубоко, многогранно проявился в советский период и особенно во время Великой Отечественной войны, когда русские и другие традиционные этносы страны отдавали жизнь за Родину. Можно сказать, первым мучеником войны стал русский священник о. Александр Вишняков, получивший в 1940 г. чин архимандрита. Владыка принял смерть в Киеве в ноябре 1941 г., когда пытался спасти от гибели евреев, обличая их казнь в Бабьем Яру. По доносу о. Александр был арестован и 6 ноября 1941 г. уведен на расстрел в Бабий Яр вместе с красноармейцами, евреями и подпольщиками. Монаха пытались распять на кресте. Не получилось. Тогда его привязали к кресту колючей проволокой, облили бензином, подожгли и, горящего, сбросили с обрыва

[29]. Жертвенное мученичество за Родину претерпело огромное количество «красных» мучеников. Отметим подвиг двух героинь Отечественной — Зои Космодемьянской и Веры Волошиной, казненных в один день 29 ноября 1941 г. в разных местах Подмосковья. Обе партизанки бесстрашно встретили смерть. Обе сказали: «Я не боюсь смерти! За меня отомстят!». Зоя Анатольевна Космодемьянская стала первой женщиной, удостоенной звания Героя Советского Союза. Претерпев немыслимые мучения — фашисты снимали пытки и саму смерть на фотоаппарат, половина фотографий так и не была опубликована из-за изощренной жестокости допросов, — Зоя, стоя уже на эшафоте, воскликнула: «Это счастье — умереть за свой народ! Нас 170 миллионов, всех не перевешаете! Боритесь! Не бойтесь! Сталин с нами! Сталин придет!». Зою казнили фашисты 332-го полка 197-й дивизии Вермахта. Известно, что по прямому указанию Сталина участники казни получили заслуженное возмездие [30].

Как уже отмечалось в начале статьи, многочисленные проявления открытой или прикровенной религиозности и жертвенности русско-советского социума в годы Великой Отечественной войны до сих остаются вне научного интереса гуманитарного знания. Но на уровне информационного этико-социального взаимодействия людей уже произошло накопление обширного документального материала на данную тему, вполне готового для включения в сферу академических наук. Действительно, сегодня можно реконструировать духовно-религиозную мотивацию патриотизма советских людей по сохранившимся фрагментам писем, дневниковым записям, воспоминаниям, предсмертным запискам и начертанным на стенах фашистских застенков прощальным обращениям и к живущим, и к будущим поколениям. Показательно, что в дошедших до наших дней эпистолярных и иных письменных

источниках Советская Россия называется не иначе, как Русь Святая, Родина моя, Русская земля, Священная земля и даже Святая Русь Великая. Особенно пронзительно этот мотив святости страны звучит в предсмертных посланиях, написанных перед казнью или накануне боев. Приведем одно из них, из письма-завещания разведчика Н.И. Кузнецова: «Я люблю жизнь. Я очень молод. Но потому, что Отчизна, которую я люблю как родную мать, требует от меня пожертвовать жизнью во имя ее освобождения, я сделаю это. Пусть я умру, но в памяти моего народа я буду бессмертен.»

Рассмотренная динамика и социокультурная парадигма религиозности русско-советского социума 20-х, 30-х и 40-х гг. свидетельствует: процессы религиозно-цивилизационной идентификации государствообразующего русского этноса носили не только непрерывный, но и возрастающий характер. Традиционно-самобытные модели мироощущения, этики крещеных советских людей оставались такими же как в досоветском прошлом. В зависимости от социо-политических контекстов и геополитических проблем страны религиозность народа то погружалась в подтексты культуuroобразующих смыслов времени, то проступала явно и открыто — как в период Великой Отечественной войны. Безусловно, не все крещеные русские в XX в. были воцерковлены, среди них были и расплывчато-верующие, и равнодушные к вере, и просто неверующие. Возможно

даже, что таких было большинство. Но и в этой среде, благодаря традиционным кодам культуры, оставался потенциал веры, оставалась возможность повернуться лицом к Богу, что и произошло в 1941 г. Несомненно, подобный поворот смог произойти потому, что архетипы религиозности одухотворяли саму систему советского жизнеустройства — с ее солидарным, общинно-коллективистским духом, отсутствием расовых и этнических перегородок, социальным аскетизмом, историческим оптимизмом и всеобщей организующей идеей жертвенного служения Родине и ближнему. Сегодня становится все более очевидно, что только и именно такая система могла преодолеть нацистскую агрессию. И эту истину необходимо не просто учитывать, — особенно преподавателям отечественной истории, но постоянно расширять границы ее познания.

Самый прямой путь ко всестороннему осмыслению событий и фактов советского времени указал Святейший патриарх Кирилл, призвавший понять всю красоту подвига нашего народа в 20-е, 30-е и 40-е гг., увидев также и тяжелые страницы. Святейший дал единственно верный и возможный алгоритм познания прошлого: «... чтобы любить Отечество, не нужно исключать из исторической памяти ни один из исторических периодов, нужно воспринимать их здоровым смыслом и незамутненным чувством. И тогда правда будет отделена от лжи, а Добро — от Зла» [31].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Молитвенно-духовная поддержка государственной власти и народа ярко отразилась в знаменитом Послании митрополита Сергия «К пастырям и пасомым Христианской Православной церкви», составленном в первый день войны.
2. Исследователь В.Д. Соловей отмечал, — принципиально новым явлением была сформированная Советами русская идентификация со всем советским пространством, чувство ответственности за Советский Союз, который русские стали воспринимать как свою Родину. Именно среди русских союзная идентификация преобладала над республиканской: так, социологический вопрос конца 80-х гг. XX века показала, что 70% респондентов своей Родиной считали весь Советский Союз, а не РСФСР, с которым идентифицировали себя лишь 14% опрошенных./ Цит. по: Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. М., Алгоритм. 2007. С.382./

3. Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. М., Библейско-богословский институт св. апостола Андрея. 1996. С.205, 206.
4. Победоносцев П. Сталин и Церковь глазами современников: патриархов, святых, священников. М., Книжный мир. 2012. С.86.
5. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.16. Л.105.
6. Фролов М.И. Блокада. Битва за Ленинград. Мифы. Легенды. Реальность. М., АСТ. 2004. С.294.
7. Жукова М.Г. Маршал Жуков: сокровенная жизнь души. М., 1999. С.34.
8. Победоносцев П. Сталин и Церковь глазами современников: патриархов, святых, священников. М., Книжный мир. 2012. С.83. [Электронный ресурс] // URL: ast.mk/articles/2015/04/27/uchastie_russkoy_pravoslavnoy_cerkovy_v_velikoy_otchestvennoy_voynе.html. пос. 10.05.15.
9. Фарберов А.И. Молебен у стен Кенигсберга.//Пастырь. Июнь 2008. old.glinskie.ru/common/mpublic.php?num=548 пос. 04.05.15.
10. Победоносцев П. Указ. Соч. С.83.
11. Федотов А. Патриотическое служение Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. [Электронный ресурс] // URL: www.blagogon.ru/biblio/716 пос. 23.04.16
12. [Электронный ресурс] // URL: www.blagogon.ru/digest/63/ пос. 02.05.15
13. Федотов А. Патриотическое служение Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. [Электронный ресурс] // URL: www.blagogon.ru/biblio/716 п. 23.04.16
14. Победоносцев П. Указ. Соч. С.84.
15. Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс] // URL: www.oboznik.ru/?p=46201 п. 23.04.16
16. Сапронов А.Н. Роль Русской Православной церкви в событиях Великой Отечественной войны (1941-1945), [Электронный ресурс] // URL: pravсарov.su/content/846/1882/4289. Html/24.03.16.
17. [Электронный ресурс] // URL: www.pravmir.ru/veterany-svyashhenniki-i-monahini/ 24.03.16
18. Сапронов А.Н. Указ.соч.
19. 20-летний исповеднический путь иеромонаха Пимена (Извекова). [Электронный ресурс] // URL: www.pravoslavie.ru/38249.htmln. 23.04.16. Патриарх-воин. Фронтная судьба патриарха Пимена. Rublev.com/novosti/331 пос. 23.04.16.
20. За веру и отечество. М., Даръ. Ч.1, 2006. С.254-255.
21. [Электронный ресурс] // URL: www.pravmir.ru/veterany-svyashhenniki-i-monahini/ 02.05.15.
22. Фарберов А.И. Молебен у стен Кенигсберга.//Пастырь. Июнь 2008. [Электронный ресурс] // URL: old.glinskie.ru/common/mpublic.php?num=548 пос. 03.05.15.
23. Фарберов А.И. Указ.соч.
24. Фарберов А.И. Указ.соч.
25. Пospelовский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С.185.
26. Сапронов А.Н. Роль Русской Православной церкви в событиях Великой Отечественной войны (1941-1945), // [Электронный ресурс] URL: pravсарov.su/content/846/1882/4289. htm/24.03.16.
27. 900 дней веры. [Электронный ресурс] // URL: bogus/ava.ru/viewtopic.php?id=1678 n. 04.05.15.
28. Сапронов А.Н. Роль Русской Православной церкви в событиях Великой Отечественной войны (1941-1945), [Электронный ресурс] // URL: pravсарov.su/content/846/1882/4289. htm/ n. 24.03.16.
29. Смирнов А.Ф. Несокрушимое единство. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С.313.
30. Стариков Н. эту девушку зверски убили фашисты. [Электронный ресурс] // URL: nstarikov.ru/blog/47168 n. 24.03.16. Крылов А.Н. Спасение Москвы. [Электронный ресурс] // URL: samlib.ru/k/krylow_a_n/123-1.shtm/n. 03.09.15.
31. Патриарх Кирилл призвал помнить о положительных достижениях советской эпохи. [Электронный ресурс] // URL:www.interfax.ru/russia/477368нос. 11.09.16.

Уважаемые авторы!

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: gp_j@bk.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски концевые, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.
2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.
3. Договор о предоставлении права использования произведения заключается в устной форме и является безвозмездным, т.е. плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. При направлении в редакцию статьи обязательно прилагается заполненное заявление в свободной форме на имя Главного редактора.
4. В начале статьи авторы направляют в редакцию на русском и английском языках (обязательно для лиц, сдававших кандидатский экзамен по английскому языку) следующие сведения и материалы:
  - название статьи;
  - фамилию, имя, отчество, ученую степень, ученое звание;
  - место работы, должность, почтовый служебный адрес, контактные телефоны и адрес электронной почты;
  - аннотацию (4–5 строк);
  - ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);

Кроме того, автор представляет только на русском языке приставный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках в конце статьи).
5. Данные, представляемые в редакцию в соответствии с п.4 пунктом, будут размещены в РИНЦ.
6. Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.
7. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов и наличие необходимой информации.

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону +7 (495) 503-76-36; +7 (967) 004-77-00 или по e-mail: gp_j@bk.ru